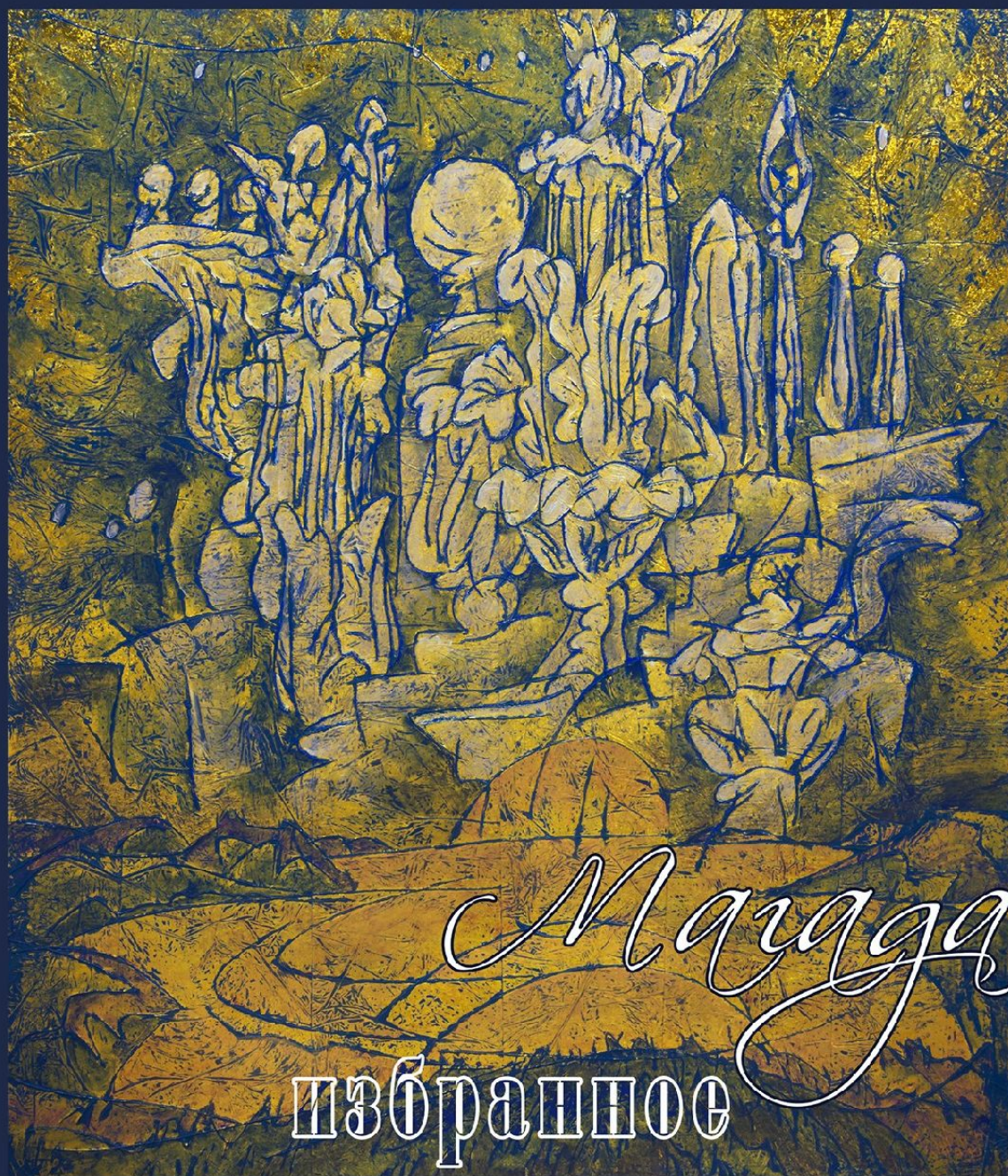

• МЕЖДУНАРОДНАЯ МЕДИА-ГРУППА •

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Магдан
избранное

Литературно-публицистический журнал №10 2020г.

Авторы этого номера:

Карен Агамирзоев
(Карелия)

Екатерина Асмус
(Санкт-Петербург)

Игорь Безнутров
(Магадан)

Сергей Гора
(США)

Александр Граков
(Краснодар)

Светлана Дион
(Испания)

Никита Ионов
(Магадан)

Ольга Кашаева
(Магадан)

Сергей Киреев
(Новая Зеландия)

Наталья Крофтс
(Австралия)

Виталий Кузнецов
(Бурятия)

Дина Лебедева
(Карелия)

Екатерина Лимонова
(Магадан)

Марк Луцкий
(Израиль)

Сергей Малашко
(Магадан)

Владимир Мягков
(Магадан)

Александр Нагаев
(Магадан)

Иван Паникаров
(Магадан)

Владимир Папкевич
(Магадан)

Сергей Пашков
(Карелия)

Алена Посохова
(Магадан)

Ирина Рудомазина
(Санкт-Петербург)

Юлия Рудомазина
(Санкт-Петербург)

Светлана Савицкая
(Москва)

Вадим Сахибгоряев
(Магадан)

Михаил Сверлов
(Магадан)

Максим Семиколонов
(Магадан)

Михаил Смирнов
(Башкортостан)

Александр Соколовский
(Магадан)

Александр Сырченко
(Магадан)

Михаил Тарковский
(Красноярск)

Елена Хомка
(Магадан)

Ирина Хомка
(Магадан)

Петр Цветков
(Магадан)

Георг Черный
(Великобритания)

Майя Шварцман
(Бельгия)

Михаил Юдовский
(Германия)

МАГАДАН

Интеллигент

№ 10 2020 г.

К Юбилейному номеру

Когда планирование работы на весну только начиналось, и пришло осознание того, что у «Магадана» выходит уже десятый номер, я подумала, что надо предложить Сергею Малашко не оставлять такое событие незамеченным и сделать этот выпуск особенным. Но как? Решение подошло без моего участия – Сергей Пашков сообщил, что юбилейный номер будет полноформатным журналом. Что ж, это весьма достойная форма празднования.

Не скрою, вначале эта идея была воспринята мной с некоторым сомнением и опасением. А наберётся ли столько материалов? А хватит ли у нас сил работать сразу над двумя номерами (параллельно мы готовим к выходу очередной номер журнала «Интеллигент Нью-Йорк»)? Но, как понимаю, волновалась зря!

Работа закипела, и вот я уже переживаю, поместится ли всего на ста страницах весь подобранный материал! Уже на первом этапе вёрстки сомнений не осталось – журнал состоялся! Он получился насыщенным, разнообразным и интересным. С чем я и поздравляю, в первую очередь, Сергея Львовича Малашко, чей, не преувеличивая, подвижнический труд позволил газете из Магадана появиться и радовать вас всё это время.

Отдельных рукоплесканий заслуживает Сергей Пашков, без титанического и, я снова повторю это слово, подвижнического труда которого не состоялся и не продолжал

свою деятельность весь проект «Интеллигент».

Два наших Сергея проделали огромную работу по подбору авторов и материалов для журнала. Мой вклад в номер несколько, скажем так, скромнее, но себя я тоже поздравлю с этим очевидным успехом.

Спасибо художнику Владимиру Мягкову за обложку журнала, которая выделит «Интеллигент Магадан» из общего потока наших изданий, сделав его единственным в своём роде, каким он и должен быть.

И, нельзя не сказать об авторах, без них, без их работ нам и не за чем бы было тут собираться. Поздравляю и вас! Знаю, как радостно видеть свои строки на печатных страницах, чувствовать свою сопричастность к чему-то важному, большому и даже глобальному.

Авторы в этом номере поделены на условные два блока: гости номера и магаданские авторы. В первом – авторы, печатавшиеся в наших газетах и журналах из разных стран и из разных уголков нашей страны. Мы взяли произведения, уже появлявшиеся в «Интеллигенте», некоторые, возможно, уже и кем-то и позабылись, а для кого-то и вовсе станут открытием. Ну а с магаданскими авторами наши читатели, в большинстве, хорошо знакомы. В этот блок войдут как уже проверенные временем, так и новые работы.

В оформлении журнала мы не пошли по лёгкому и очевидному пути – просто сделать его копией од-

ного из наших «регулярных» изданий. Совершенно удачной мне кажется идея сохранить стилистику предыдущих номеров, которая подчеркнёт индивидуальность Магаданского издания. И сохранит связь со старыми газетами «Провинциального Интеллигента».

Что ж, представляем на ваш суд «Интеллигент-Магадан Избранное»!

Приятного, надеюсь, как и всегда, прочтения!

Ну и последнее. Я, так уж случилось, знаю содержание следующей страницы. И не могу не высказаться по этому поводу.

Мне казалось, что выход стостраничного «полноценного» журнала придаст какой-то импульс развитию издания, выведет его на новый уровень. Речь, конечно, не идёт о выходе таких больших журналов на регулярной основе. Скорее – о привлечении новых авторов, новых идей, возможно, новых форматов, повышении качества публикаций.

Издание в наше время литературных проектов, там более, на бумаге – дело непростое, но нужное, даже благородное. И, насколько я понимаю, в Магадане и во всём регионе есть потребность в таком проекте. И хочется пожелать, чтобы все кризисы и сомнения прошли, трудности разрешились, а «Интеллигент Магадан» продолжался, развивался и вдохновлял нас своими публикациями!

Юлия Рудомазина

Рубеж или итог?

Интервью с учредителем издания Сергеем Малашко

Вот и подошло время для очередного издания номера «Интеллигент Магадан», но мой друг Сергей Малашко загрустил. Как я понял из разговора с ним, что разом многое на него навалилось...

Пожелав ему крепкого здоровья и решения его иных забот, мы с главным редактором Юлей Рудوماзиной занялись новым номером журнала «Интеллигент Нью-Йорк». Вспомнил, что магаданское издание должно быть юбилейным, а конкретно, десятым! Тогда я предложил Сергею собрать под одной журнальной обложкой «Интеллигент-Магадан Избранное» всех достойных авторов. Конкретно, которые печатались у него в издании и которые печатались в медийном проекте и выступили бы гостями этого журнального выпуска. Вот короткая выдержка из нашей беседы, итак:

— Сергей, у тебя эта идея вызвала интерес, т.к. ты сразу же заявил, что обложку и рисунки будет оформлять только художник из Магадана. Расскажи, как сразу же пришло такое к тебе виденье, и коротко о художнике?

— Идея об авторе обложки пришла сразу же, можно сказать, в момент первого разговора, когда с твоей подачи родилась эта идея — вместо юбилейного номера газеты сделать полноформатный журнал.

То, что выбор автора обложки пал на Владимира Мягкова, не может и быть случайным по определению. Он является автором графической заставки на нашей газете, где ему удалось, выдержав традиционный и сложившийся в изданиях медиагруппы, стиль совместить его со своим видением Города. Не имеет смысла перечислять его заслуги и регалии на творческой ниве, кто желает о них узнать подробно — может всё узнать и уточнить в Сети. После посещения одной из его фотовыставок (а он ещё является фотохудожником), куда он меня любезно пригласил, я с удовольствием ему сказал: — Смотрят все. Видят единицы. И здорово, что ты видишь!!

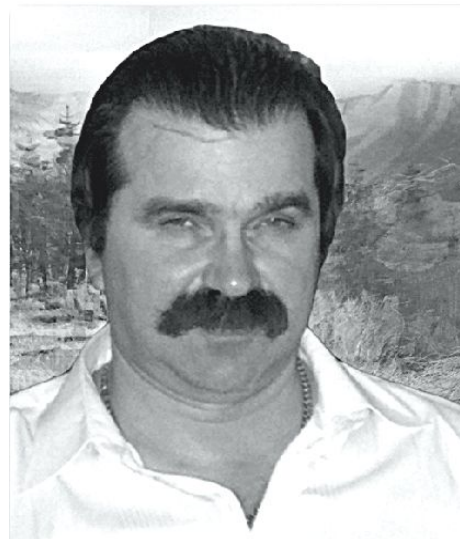
Просто я твердо уверен, что обложка, которую он сделает, будет уникальной. Его видение Города, которое выплеснется на обложку будет настолько нестандартным, ёмким, ярким, что сможет порадовать его жителей и удивить читателей, которые никогда нашего города не видели. Уверен, в данном случае моё безальтернативное решение не повредило журналу.

— Как считаешь, десант из гостей должен состоять из разных стран и регионов Р.Ф., а, может, из некоего одного региона или из одной страны пригласить?

— Сузить представительство гостей до одного региона или страны, по-моему, верх глупости. Если бы у меня даже намерения подобные возникли, трудно представить чего бы мне пришлось выслушать от тебя. Аж дрожь берет!!! Сила любого издания в максимально возможной географии авторов, к чему мы пришли постепенно. Первые номера газеты делались на основе сугубо магаданского материала, но постепенно география расширилась и на страницах газеты гостили авторы из разных стран и регионов страны. Были в гостях очень значимые в современном литературном мире люди, что очень лестно. Прочтите номер и убедитесь сами.

— Работа над этой идеей и её реализация уже началась, я также знаю, что со стороны авторов из Колымы есть всевозможная поддержка. Как считаешь, а для самого города Магадана это будет неким значимым событием? (Ведь администрация города отметила твою газету.)

— Для заинтересованных авторов и гостей — уверен, что да. И это самое главное в этом случае. Я безмерно благодарен всем авторам, которые в той или иной степени поддерживали газету своими произведениями, своим участием в софинансировании этого проекта. Ведь все эти годы он существовал только благодаря Вам. Но не более того как. Чего-то не припомню, чтоб мэрия города каким-то образом отмечала эту газету.

— Я порой задумываюсь, мол, вот издание этого номера, оно будет итогом работы или лишь его этапом, а у тебя были такие мысли, и от чего они возникают?

— Сергей, мысли бывают разные в зависимости от обстоятельств. Есть бесспорные законы жизни любой вещи, организма, организации, людей, частей экосистем. Все они проходят в своем развитии стадию пика. Часто бывает, что всё, что сделано до него или во время него, оказывается лучшим. Могу предположить, что данный номер журнала — это такой пик развития газеты «Интеллигент — Магадан» через трансформацию в стостраничный номер журнала с очень широкой географией авторов. И здесь важен момент — после достижения пика может произойти падение уровня газеты в силу ряда объективных и субъективных причин. Допускать этого не хочется, поэтому есть смысл подумать о возможном прекращении этой работы. Считаю, что газета на определенном этапе была для многих магаданских авторов своего рода возможностью выйти на более серьёзный литературный уровень, расширить свой портфель публикаций, заявить о себе не только внутри страны, но и за рубежом. Ведь все номера газет рассылались во многие страны Европы, Америки, Австралию, Новую Зеландию. Поэтому иногда лучше прекратить работу на пике, во избежание возможного падения уровня издания. Пока вот такие мысли в данной конкретной ситуации. Ведь если она вдруг изменится, то могут поменяться и намерения. При всем прочем ИМХО со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Беседовал
Сергей Пашков

Наталья Крофтс

Родилась в г. Херсоне (Украина), окончила МГУ имени Ломоносова (Россия) и Оксфордский университет (Англия). Живёт в г. Сидней, Австралия. Автор поэтических сборников и многочисленных публикаций в русскоязычной периодике (в «Литературной газете», журналах «Юность», «Работница», «День и ночь», «Новый журнал», «Новый берег», «Австралийская мозаика» и многих других). Стихи на английском опубликованы в четырёх британских поэтических антологиях.

ПОЭТ

Я ослеп. Измучился. Продрог.
Я кричу из этой затхлой бездны.
Господи, я тоже чей-то бог,
заплутавший, плачущий, небесный.

Вот бумага. Стол. Перо и рок.
Я. (больной, седой и неизвестный)
Но умру – и дайте только срок,
дайте строк – и я ещё воскресну.

* * *

Мне не уйти из психбольницы.
Ты в ней – и вот она в тебе –
клокочет, рвётся на страницы
и шарит лапой по судьбе,
куда б тебя ни заносило –
в край небоскрёбов или скал –
ты возле солнечной Мессины
увидишь бешеный оскал
чудовищ – нет, не тех, из книжек –
своих, придуманных тоской,
толпой, тебя несущей ближе к
безумью дней, к огням Тверской.
И будто всё отлично с виду:
умыт и трезв, идёшь в театр –
но чувствуешь: с тобой в корриду
весь день играет психиатр.
Или в музеях строгой Вены
бредёшь меж статуй героинь –
а врач решит – и резко в вены
введёт любовь, как героин.
Спокойней – в домике с охраной,
решёткой, каменной стеной,
где мне зализывают раны –
чтоб не осталось ни одной,
где нет ни долга, ни заботы,
ни вин, ни бед... Халат надеть
и от субботы до субботы
на подоконнике сидеть
и издали смотреть на лица
толпы, на улицу в огне.
А рядом Гоголь отразится
в забитом намертво окне.

ФЛОРЕНЦИЯ

Остатки снега с черепичных крыш
прозрачным языком февраль слизал.
Флоренция. Туман. Из тёмных ниш
на нас глядят белёсые глаза.
Насмешливо: для них давно не нов
наш юный мир из разноцветных снов,
из первых путешествий – Рим-Париж,
из твёрдой веры в истинность афиш –
прекрасный вид,
открыточный закат...
из первой безболезненной любви –
наверное, последней.
А пока
в своей беспечной, эфемерной вере
над Арно мы с тобою кофе пьём,
в постылой нише белый Алигьери
вздохнёт – и с грустью вспомнит о своём.

ЭВКАЛИПТ

Ты, конечно, забудешь и странное это безумье,
непонятный, неожиданный, смешной ураганный бред.
Ты вернёшься в тот мир, где до слёз надывается зуммер
в телефоне пустом. И где найден удобный ответ
на вопросы зачем, по каким неизвестным спиралям
нас несло через дни – чтоб, столкнувшись у края земли,
мы друг друга с тобой беззастенчиво, бешено крали
у стреноженных дней. И над нами шумел эвкалипт,
удивляясь неистовой страсти двуногих растений,
что пришли в этот лес – и расстаться почти не смогли.
Ты, забудешь, любимый. И только останутся тени.
Две счастливые тени – у самого края земли.

* * *

Что такое неверность?
Проклятье в крови?
Иль мечта о свободе и жажда любви?
Пульс, стучащий в виски?
Смесь вины и тоски?
Иль распушенность, низость?
...Дрожанье руки.
Как стаккато – шаги...
Красный след на губе...
Иль неверность другим –
это верность себе?

Наши гости – Башкортостан

Михаил Смирнов

Смирнов Михаил Иванович, родился в городе Салавате, год рождения: 27 сентября 1958 г., печатался: «Литературная газета», «Литературная Россия», «День литературы», «Молодая гвардия», «Литера», «Работница», «Сибирские огни», «Литературный Крым», «Казань», «Белая скала», «Балтика», «Простор», «ДОН_новый», «Камертон», «Родная Кубань», «Воскресение», «Великоросс», «Гостиня», «Север», «Бельские просторы», «Литературный Азербайджан», «Южная звезда», «Северо-Муйские огни», «Огни над Бией», «Отчий край», «Петровский мост», «Луч», «ЛиФФт», «Кольцо А», «Приокские зори», «Жемчужина», «Новый континент», «Нёман», «Слово\Word», «Зарубежные задворки» и др.

Лауреат ряда литературных премий, в том числе Лауреат Международной премии «Филантроп»;
Лауреат Всероссийской литературной премии «ЛЕВША» имени Н. С. Лескова;
Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого;
Лауреат международного литературного конкурса на соискание премии им. А. И. Куприна;
Лауреат Международного конкурса Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» и мн. др.

Светлый день

Дороги в колдобинах, по обочинам лебеда и крапива. Кое-где побеги ивняка. Зброшены здешние края, забыты жители. С десяток дворов в деревне, но и те скоро опустеют. Вот отнесут на погост последних стариков, и наступит раздолье для сорняков да кустарников. Заполняют округ, затянут паутиной поросль и деревушка исчезнет. Холмики да старый погост с крестами напомнят прохожему, что в этом месте люди жили...

– Грунь, Грунь, – позвал старик, укрытый лоскутным одеялом. – Включи тарелку. Сводку послушаю.

– Ополумел, старый, – бабка Груня, опираясь на старенькую клюку, подошла и присела на табуретку. – Какая сводка, ежели давно тарелки нет?

– Видать, приснилась, – прошамкал старик, рукой провёл по лицу и взглянул из-под кустистых бровей. – Кто-нить заходил?

– Лекарка заезжала. Кучу пузырьков и таблеток привезла. Хотела тебя послушать, но я не разрешила будить. Она вздумала в больницу увезти тебя. Велела бельишко собрать. Сказала, в следующую раз заберёт. Глядишь, поправишься. Архип Сифилитик заглянул, но я не пустила, – сложив руки на коленях, сказала старуха. – Он обещал вечером зайти, баламут этакий.

– Гони его в шею, – булькнул дед Корней. – Покоя нет...

– Сам выгонишь, – перебивая, сказала бабка Груня. – Твой дружочек.

– Нутро горит, – старик показал на грудь. – Вот туточки. Помру я, Грунь.

Взглянув поблёкшими глазами, баба Груша задумалась, потом проворчала.

– Не болтай, Корнейка, – она посмотрела на худое лицо старика. – Всех отнесут на погост, когда время подойдёт. Никто ещё не задержался на этом свете больше, чем ему положено. Чуток погоди, отвар налью.

Баба Груша вышла из горницы, загремела посудой и появилась, держа старую кружку. Пришлёпывая, она придерживала голову старика и поднесла отвар.

– Пей, Корнеюшка, – сказала она. – Свежий заварила. Глотни маленько, полегчает.

Старик закашлялся. Тонкая коричневатая струйка потекла по щеке.

– Всё, больше не влезает, – он нащупал полотенчик, вытер лицо. – Видать, лишку глотнул. Оставь. Потом допью. Батяня приснился. Будто сено возили с ним. Стог сметали. Батя подавал навильником, а я утапывал. А маманька внизу ругалась, что могу под вилы попасть.

– Значит, трава уродится – это хорошо, – прошамкала старуха. – Правда, некого кормить. Скотинку продали. Вон, Клавка Лещиха козу отводит за огороды, а весенняя травка махонькая, сочная, вечером молочка надоит и разносит по дворам. Куда одной-то столько выпить? Нам кружечку принесла. Скусно – страсть! – бабка Груня причмокнула. – Я чаёк разбавила и с хлебушком повечеряла.

Бабка Груша замолчала. Опёршись на клюку, она сидела, о чём-то думала, качала головой, взглядывала на старика и опять задумывалась. Изредка проводила сухонькой ладошкой по морщинистому лицу, поправляла седую прядь волос, разглаживала складки на залатанной юбке и опять – думы, думы, думы... Пёстрая

кошка запрыгнула на кровать. Потёрлась башкой об руку старика, прижалась к нему и замурчала: громко и протяжно.

Прикрытый одеялом, дед Корней лежал, в груди побулькивало, когда старался вдохнуть поглубже, но получалось мелко и редко. Старик приподнимал руку, смотрел и не узнавал её. Казалось, недавно дрова готовил, возился по хозяйству, а потом расхворался, и сейчас была не рука, а сухая палка, обтянутая кожей. Ушла силушка-то, ушла. Скоро и сам уйдёт. Не зря батя с мамкой приснились. Наверное, зовут...

– Дед, уснул, штоль? – похлопала по одеялу баба Груня. – Что-то притих...

– Нет, – завозился старик. – Смотрю, ты сидишь и не шевельнёшься. Посчитал, ты задремала. Я належаю, аж бока болят. До весны дожили. Наверное, хорошо на дворе. Весна, тепло...

Старуха махнула рукой.

– На улице хорошо. Давеча к Борзунихе бегала, гляжу, деревца листочки всюю пустили. Страсть, какой дух!

– Груш, а ты сообщила нашим, что я умираю? – дед Корней заёрзал на койке. – Приедут, аль как? Ну, попрощаться...

– Опять за своё взялся – помру да помру, – прошамкала старуха. – Зимой отправляла письмишко, когда расхворался, до сей поры молчат. Наверное, стигнуло в дороге. Шутка ли, до них тыщу вёрст, может поболее. Недолго и затеряться.

– Нет, Грунь, не приедут, – мотнул головой старик. – Далёко добираться. Умوتали на край земли и живут, в ус не дуют. Много они бывали в деревне?

Три весточки прислали и два разочка приезжали, недельку отлёживались, а больше ни ногой сюда. Заняты! Слышь, а кому избу оставишь?

Бабка Груня нахмурилась. Сидела, постукивая клюкой по щелястому полу, смотрела в оконце, за которым всю зеленели кусты, окинула взглядом старую избу и махнула рукой.

— Да никому изба не нужна, — сказала она. — Вон в деревне, кто-нить отдаст боггу душу, отвезли на погост, заколотили избу и стоит она, покуда не рассыплется, пока на дрова не растащат, ежели зима суровая. Много сюда вернулись из городов-то? Да ни один не появился. Отвыкли от нашенской жизни, далёко от земли ушли.

— Грунь, домовину приготовили? — забулкчал дед Корней. — Долго не держи меня в избе — спорчусь, завоняю. Сразу отнесите на погост, сразу.

— Тыфу, чертяка болтливый, — бабка Груня поджала губы и перекрестилась. — Типун тебе на язык! Завоняет... Ишь, какой выискался! Да чему вонять-то — кожа да кости остались. Ты бы кушал, Корней...

— Не хочу, — старик заелозил по одеялу.

— А я щи из молодой крапивки сготовлю, — сказала старуха. — Страсть, какие вкусные! Сметанки нет, но молочком забелю. У Клавки Лещихи возьму. Похлебаешь.

— Ладно, похлебаю, — прошамкал дед Корней, надолго закашлялся. — Всё плохо, всё...

— Что — плохо? — не поняла бабка Груня. — Что городишь, старый?

Старик молчал, прикрыв глаза, потом сказал:

— Плохо, ребятки не приедут. На внука бы взглянуть. Наверное, большенький стал.

Задумавшись, бабка Груня шевелила губами, что-то шептала и покачала головой.

— Дед, — она стала загибать скрюченные пальцы, — неужто у трех сыновей всего один малец родился? Сколько нашему младшенькому, Витянке? О, ты не помнишь! Почитай, за тридцать перевалило. А старший, Валерка, поболее всех прожил. Получается, у каждого сына есть детишки, а может и внучатки бегают.

— Видать, забыл, — булькнул старик. — Фотография-то одна. Другие не присылали. Вот и получается, внук один, а про остальных и слыхом не слыхивали.

Ладно, когда Валерка уехал на заработки, других переманил. В одном городе живут — скучковались. А сюда не приезжают... Может, заняты, может далеко — не ведаю.

— В каком городе? — бабка Груня махнула рукой. — Они на краю земли в посёлке живут, у чёрта на куличках. Господи, прости мою душу грешную! Занесло, где Макар телят не пас. Вот тебе и длинный рупь! Сказывали, там люди возле моря живут, а ездят отдыхать на другое море. Зачем — не понимаю, будто своей воды мало. Вот и хмыздают с моря на море, и получается, что времени не хватает, чтобы до нас добраться. Поэтому носа не кажут. Ну ничего, ничего... Когда-нить образумятся и навесят.

Старик вскинулся, и зашарил рукой по одеялу.

— Грунь, дай-ка отвару испить. Душа не на месте, поджолочки трясутся.

Баба Груня засуетилась. Схватила ковшичек, налила отвара, наклонилась над стариком и, прищёпывая, стала поить. Потом забрякала пузырьками на комод, накапала капли и заставила старика выпить.

Дед Корней поморщился, поворочал языком, и опять шевельнул рукой.

— Полегчало? — сказала старуха. — Может, покушаешь?

— Не хочу, — сказал дед.

Заскрипела дверь. В избу ввалился крепкий сутуловатый старик. Сбросив галоши, он снял замурзанную фуражку и протянул пакет.

— Накось, Грушка, рыбку, — прогудел он, подошёл к кровати и уселся на расшатанную табуретку. — Здорово, Корней! Свеженьких линьков принёс. Пусть бабка заварит юшку. Дюже полезна для организма, — и прихлопнул по коленям заскорузлыми ладонями. — Скажи мне, друг ситный, почему я такой здоровый? Ни одна хвороба не берёт. Не знаешь? А я скажу... Лучок с чесночком да рыбки побольше — вот и здоровье будет. А ты вредный, ехидный и желчью харкаешься, поэтому все болячки собрал. Понял, старый хрыч?

— Ты, Сифилитик, каким был трепачом, таким остался, — прошамкал старик и заелозил на койке — всё же обрадовался, что сосед зашёл проведать, но привычно заворчал. — Марш из моей избы, покуда оглоблю не испробовал!

— О, ругается, шельмец, значит, будет жить, — дед Архип шлёпнул свёрнутой фуражкой по ладони. — Подыму тебя на

ноги, подыму! Ну, а ежели не поставлю, рядом улягусь. Пушай вместе закупают на мазарках. Так и знай, друг ситный!

— Уйди с глаз моих, ирод, — забеспокоился старик. — Всю жизнь плешь проедал. Угораздило на фронте встретиться — там житья не давал, в деревню вернулись, ни одного дня спокойно не пожил, а теперь ещё на тот свет со мной собрался. Грунька, выгони Сифилитика. Марш отселева, ирод!

— Грушка, — хохотнул дед Архип. — Лучше налей по стопарику! Мы за завтрашний праздник выпьем.

Старуха выглянула из кухонки и намахнулась на соседа грязной тряпкой.

— Я дам — стопарик! — она нахмурилась. — Ты, Архипка, башкой думай, что городишь. Корней хворает, а ты — выпьем! Что за праздник? — старуха подошла к календарю, оторвала несколько листочков и охнула. — И вправду, праздник. Корнейка, завтра же День Победы. Твой день, старый, твой!

— Вот говорю, что нужно выпить, — прогудел дед Архип. — Помнишь, как вернулись? Шли по деревне — медали сверкают, а девки стреляют глазками, стреляют. А не забыл, как после войны всей деревней отмечали? О, как гуляли! Да, были времена... Столы расставим в осиннике, хозяйошки хлопчут, запасы приносят, на столы расставляют, а потом садились, и начинался праздник. Да, были времена... — и старик задумался.

— Разве такое забывается, — неожиданно рассыпалась смешком баба Груня. — Помню, как девки от тебя шарахались. Ни одна не хотела с тобой гулять. Вот уж привёз подарочек с войны, Сифилитик!

Дёрнув себя за клочкастую бороду, дед Архип хохотнул.

— Эть, припаяли прозвище на всю жизньнюшку! — опять хлопнул по колену. — С финской войны дома не был. Вернулся, организм не выдержал. Весь покрылся чиряками, весь! По улице вышагиваю, вся грудь в орденах, а от меня, как от прокажённого шарахались. Всё, сифилис привёз! А потом не то, что выйти, сидеть не мог. Одёжку натяну, а снять не получается — прилипла. Батя глядел на меня, а потом раскусил, отчего чиряки повыскакивали. Поставил настойку из яичек с мёдом да молочком. Когда выпела, вечером привёл меня на конный двор, одежонку содрал, раскопал конский навоз, который горел, и велел ложиться. Я в яму улёгся, он засыпал меня, только лицо из дерьма торчало. Сказал, чтобы

до утра лежал и не двигался, сам пошёл баню готовить. Вся деревня сбежалась, чтобы на меня поглазеть. И Корнейка, мой друг ситный, стоял и посмеивался. А я лежал и чувал, как по телу букашки и червяки ползали. Щикотно, а шевельнуться нельзя! Ох, кое-как дотерпел до утра. Батьку дождался, он разгрёб навоз и я, как был голышом, так и сиганул по деревне. Утро, все на работу идут, бабки возле домов сидят, а я, жердина двухметровая, нагишом несусь. Вся деревня в лёжку лежала! Да были времена... – старик замолчал, потом опять в который раз принялся рассказывать. – Ох, как батя весником парил – страх! Отольёт холодной водой, в чувство приведёт, плеснёт на каменку и снова за веник берётся. В общем, я на карачках оттуда выполз. А батянька холстину обвязал на поясе и заставил стоять голышом на солнце, чтобы раны покрылись коркой. О, друг ситный, легче в атаку сходить, чем такие мучения принимать! Едва вечер наступил, он заставил выпить стакан самогонки, привёл на конный двор и снова меня закопал. А утром в баню. И так три дня гонял. Потом достал эту настойку, и заставил пить. Вонючая, зараза! Недели не прошло, я стал поправляться. Новые чиряки не вылазили, раны затягивались и я ожил. С той поры ни разу к лекарям не обращался. Едва начинаю хворать, делаю настойку из яичек с молочком, как батя научил и принимаю. Все болезни, как рукой снимает. Вот, о чём говорю, Корней, что тебе надо настойку попить. Мёртвого на ноги поднимет, а тебя и подавно. Я утречком принесу. Настоялася. Солью, себе оставляю, тебе притащу и начнёшь принимать. Слово даю, ещё побегаешь, друг ситный! – дед Архип шлёпнул ладонью по колену и поднялся. – Всё, пора домой – вечереет. А ты, Грунь, юшку приготовь из линьков. От неё нутро работает. На себе проверял. Ну, Корней, до завтра! Утречком заскочу, праздник отметим. А ты, бабка, не ругайся, – он оглянулся. – Забыл спросить... Ваши пижут? Ага, понятно... Вот и мои разгильдяи помалкивают. Значит, нормально живут. А ежели плохо, давно бы примчались. Ну ладно, пойду, – и, наклоняясь, чтобы не удариться лбом, вышел.

На улице смеркло. Баба Груня зашла в горницу. Старик лежал, укрытый одеялом. Изредка заходил в кашле и начинал елозить рукой по одеялке, словно хотел скинуть, чтобы вздохнуть глубоко и спокойно.

– Корней, просыпайся, – затормошила старуха. – Ушицей покормлю тебя.

– А? – дед Корней встрепенулся.

– Ушицу похлебай, – баба Груня присела на табуретку, зачерпнула и осторожно поднесла ложку. – Кушай. Вкусная юшка, сладкая. Хотела щи сварить с крапивкой, но Сифилитик велел ушицу сделать. Рыбка полезная для нутра. Размяла её, чтобы легче глоталось. Хлебай...

Старик давился ушицей, затяжно кашлял, подолгу жевал беззубыми дёснами юшку, острый кадык дёргался и опять открывал рот, словно птенец. Баба Груня зачерпывала, понемногу вливая в рот наваристую уху и шептала, посматривая, как дед кушал.

– Вот и, слава Богу, наелся, – сказала она, заметив, что старик плотно сжал губы. – Вкусная ушица? Я тоже похлебала. Чуток осталось. Позавтракаешь.

– Вкусно, – булькнул дед Корней. – Внутрах затеплело.

– Значит, поправишься и будем жить, – закивала головой баба Груня. – Глянь, сколько выхлебал – ложек десять, не менее. Архипка же обещал, что поставит тебя на ноги. Ежели Сифилитик сказал, значит так и будет. Настырный – страсть!

Поднявшись, она поправила подушку, старенькое одеяло, чтобы дед не замёрз. Прошаркала на кухоньку. Погремела посудой. Взглянула на ходики. Протяжно зевнула и мелко перекрестила рот. Налила немного отвара, и вернулась в горницу. Опять присела на табуретку, посмотрела на старика и чуть приподняла голову.

– На, глотни, – сказала она. – Немного поспишь. А утречком Архипка придёт. Искупаем тебя. Пиджачок с медалями достану, рубаху чистую. Посидим, праздник отметим. Так и быть, налью по рюмочке и сама опрокину с вами.

Старик забеспокоился.

– Дай, – зашамкал он и задвигал рукой. – Дай пиджак.

– Эть, неугомонный, – заворчала баба Груня. – Спи! Завтра выгашу, завтра. О-хо-хо, глазоньки слипаются. Что-то умаялась.

– Дай, – затревожился старик и стал тянуть одеяло.

Баба Груша поднялась, задёрнула занавески на окнах – сразу в горнице потемнело, подошла к кровати и зашуршала, снимая покрывало.

– Спи, старый, – она заворчала. – Ночь на дворе. Никуда твой пиджак не денется. Спи, сказала... – заскрипели

пружины, и наступила тишина.

Светало, старик заметался, стараясь сбросить одеяло.

– Дай, – забулькал он и закашлялся. – Грунь, Грунька...

Позёвывая, баба Груня приподнялась, прислушалась к тишине, перекрестилась и, укрывшись одеяльцем, вскоре засопела.

...Едва возшло солнце, донесли тяжёлые шаги. Распахнулась дверь, в избу ввалился дед Архип, с подстриженной ровной бородой, в рубахе, брюки заправлены в сапоги и в пиджаке, сплошь в нагарах.

– Корней Петрович, Аграфена Васильевна, с праздником! – забасил он, держа банку с белёсой жидкостью и бутылку. – С Победой, солдат! Ну-ка, поднимайся. Сейчас наши фронтовые выпьем. Что притихли? – он направился в горницу.

Дед Корней лежал на кровати, на груди пиджак, на котором были потемневшие от времени медали. Рядом сидела баба Груня и неслышно плакала, вытирая слёзы платком.

– Корней, как же так, неужто не дождался меня? – банка выскользнула и грохнулась на щелястый пол, резко запахло лечебной настойкой, дед Архип резко дёрнул себя за бороду и присел на табуретку. – Я пообещал, что поставлю на ноги, а ты взял и помер...

– Когда же покой будет? С грехом пополам задремал, а его принесло – чертяку безрукого, – дёрнувшись, пробультал старый Корней. – Грушка, гони этого охламона. Ишь, чего удумал – помер. Всю жизнь юшку ждёшь, чтобы меня первым снесли...

– А я же взаправду решил, что ты того... Бабка плачет, а ты лежишь и не шевелишься, только нос из подушки торчит, а оказалось – дрыхнешь, зараза такая... Значит, будешь жить! Чутко пожди. Вернись, гулять будем, – дед Архип засуетился и затопал к выходу. – Сейчас приволоку настоечку. Свою банку отдам. Да я для тебя... Да я тебя с того света живым верну. Эх, дружок мой, – и выскочил, хлопнув дверью.

– Вернешь, Сифилитик, – вслед пробультал дед Корней и взглянул на жёну. – Где моя стопка? Не ворчи – грех. Сегодня праздник. Светлый день.

И дед Корней медленно заелозил, стараясь прислониться к спинке кровати.

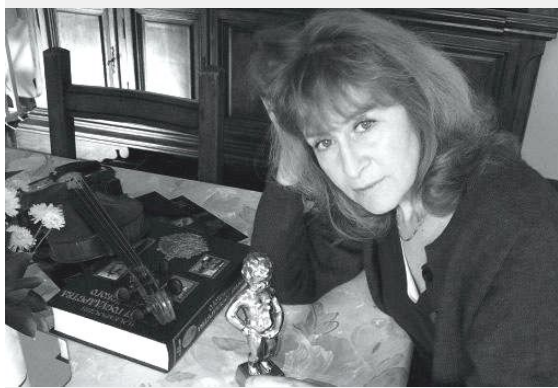
А за окном была весна, и всюю заливались птицы.

Майя Шварцман (8.08 1962 – 26.09 2019)

Майя Шварцман родилась в Свердловске (Екатеринбурге), закончила музыкальную школу десятилетку и Уральскую государственную консерваторию, скрипач. Работала в Свердловском академическом театре оперы и балета. Из России уехала в 1990 году.

Жила в Бельгии, где работала в Симфоническом оркестре Фландрии, в оркестре Европейской филармонии и ансамбле «Рафаэло».

Публиковалась с 1984 года. Поэт, а также автор рецензий и статей о классической музыке. Постоянный автор сайтов Belcanto.ru, Opera-news.ru. и других музыкальных изданий. Член редакционного совета Медийной группы «Интеллигент».

Моему сыну

В назначенный час
библейского утра,
сиявшего солнцем и воздухом ультра
мариновым, внятная речь началась.
Пред взором Адама
текли вереницей
орлы, куропадки, гепарды, куницы,
улитки, – овамо
и семо, ползком, и нырком, и летая,
стада, косяки, караваны и стаи,
и каждый шагал с подобающей дамой
(хотя кое-кто попадался двупол).
Никто не додумался «паспортный стол»
сказать, безыскусно мычали да выли,
явились как есть получать имена,
кто чистый и гладкий, кто в глине и в иле,
и шли терпеливой толпой дотемна.
Попутно слова
рождались другие:
могла ж на Адама напасть аллергия
на тех, например, у кого голова –
начало хвоста, как положено змию.
Но надо сперва
подробности тела
подметить умело,
названия членам придумать,
а там добавить эпитет
(что позже похитят
потомки – подмогой к банальным стихам).
Кто станет навеки прекрасным, кто гадким –
для всякого молвь находилась с осадком
рефлекса, что вызвала каждая тварь.
Восторги и страх первобытных эмоций
срывались, лились с языка как придётся.
И ширился ежесекундно словарь.
Но главного, первого, тёплого слова –
молочно-беззубого, первоосновы
рождения и речи –
безродный, увечный
Адам, называвший зверьё свысока,
не мог и представить,
был просто не вправет
что мог он сказать, человек без пупка?
Его произнёс, прорыдал ли, пропел –
обжегшись, поранивши палец, упавши,
боясь темноты ли, размазавши кашу, –
первейший из первенцев, шкодник, пострел.
Залюблен, заласкан и с рук не спускаем,
как все до поры, кто любовью храним, –
он был нераскаян
ным грешником, Каин,
но первое слово осталось за ним.

Как след утёнка на болотце
затянет ряска,
жизнь без тебя опять сомкнётся
краями вязко.
То обходя кругом, то в лени
притворной пятясь,
мир продолжает наступленье
и скрытый натиск.
Берёт в осаду, окружая
кольцом всезнаек,
ловушками и муляжами.
...И исчезает
твой отпечаток, нищенски
хранимый
подвздошной клеткой,
бесхозное отныне имя
и самый след твой:
кружком туманным, запотевшим
от донца чашки – безгласным
«О», немым, нездешним.
как выдох тяжкий,
колечком пара на морозе;
на снежной соли –
бледнеющей строкой ползьев
в метельном поле.

Согласно двойственной природе,
кентавров замесившей плоть, у
sapiens-четвероногих
суть пополам не расколоты
и тела не располвинить
на два тождественных «почти»,
за человечью пуповину,
как под уздцы, не повести.

Душа бессмертная кентавра
и плотоядный зов нутра
в нём детонируют на равных.
Копьём и остриём пера
владеет он; когда ж соблазны
захлёстывают, как шлея,
духовность плавится и вязнет
в горниле мускусного «я».
Гарцует он, сладкоречивый,
в венке сонетов и цветов
и, встряхивая буйной гривой,
служить по-рыцарски готов,
шептать признания не устанет,
словесный учащая гон,
целует нежными устами, –
а там в права вступает конь.

Суть петуха с картины Сутина
с разинутыми потрохами
видна в подставленной посудине:
всё то, что пыжилось, порхало,
что петушилось, кукарекало –
течёт туда. Какой по сути нам
ещё трактовки, если некое
наглядное для всех адемов
дано, чего не докумекали
экскурсовод и нострадамус?
Бродя по выставке счастливыми
мишенями земного тира,
зовём красу кишок и ливера
богатством внутреннего мира.
Живи, кровопусканье праздная,
смотришь, пока не опротивело,
в искусство, жизни сопричастное,
взамен зеркального осколка.
Почаще наряжайся в красное:
год Петуха продлится долго.

Ни шороха крыльев,
ни звука шагов земных.
Процессия в небе
не шествует ввысь, но реет.
Ворота открыли.
И дух, невесомо взмыв,
за облачный гребень
к просвету спешит скорее.

Для бога прозрачны
все стены, но если нет
простенка, преграды,
заслона, то нет и чуда?
Считать ли подачкой
рождение своё на свет,
а тело – лишь взятой
в аренду простой лачугой?

Песчаные дюны
недолго хранят следы:
случаются другие,
вновь – неглубоки, непрочны.
Инстинктов табунных
дичась, сторонясь орды,
душа литургию
служит – об одиночке.

Ступенькой поблёкнуть
в лесах восходящих гамм,
строкой многоточий
в густой многословной толще.
Сипение лёгких –
суть тоже хвала богам.
Дух дышит, где хочет
...но если не хочет больше?

Виталий Кузнецов

Северомуйск, Бурятия

Кузнецов Виталий Яковлевич. Родился в 1965 году в Казахстане, детство и юность прошли в Самарской губернии. С 1982 года проживает в Бурятии. Делегат Первого съезда писателей Восточной Сибири (Иркутск, 2008). Учредитель, издатель и главный редактор литературного журнала «Северо-Муйские огни» (Бурятия, 2008). За вклад в укрепление творческих и дружеских связей между литераторами Крыма и Сибири награждён грамотой Крымской литературной академии (Симферополь, 2012). За вклад в развитие и пропаганду литературного творчества отмечен Благодарственным письмом Народного Хурала Республики Бурятия (Улан-Удэ, 2012). За вклад в развитие современной литературы удостоен специального диплома Московской городской организации Союза писателей России (Москва, 2013). Член Европейского конгресса литераторов (Прага, 2013).

С декабря 2017 года является действительным членом Крымской литературной академии (Симферополь).

Лауреат Канадской литературной премии им. Эрнеста Хемингуэя (Торонто, 2015), всероссийской премии «Левша» им. Н. С. Лескова (2017).

«ЗОЛОТОЙ» издатель из Магадана

Интервью с Виталием Кузнецовым. Беседует Сергей Пашков

– Здравствуйте, Виталий!

В связи с вновь открывшимися фактами в конце октября этого года, а именно, награждением Сергея Малашко юбилейной медалью Союза писателей Москвы, а также награждением его за издание газеты «Интеллигент Магадан» в Центральном доме Союза писателей в Москве «Золотым пером Руси», хотелось бы задать вам несколько вопросов.

Мне хорошо известны факты о вашем плодотворном сотрудничестве, хотелось, чтобы и читатели газеты узнали о них от вас, но для начала расскажите, как вы познакомились и чем Сергей вас заинтересовал?

– Тот, кто хоть раз прочтёт охотничье-рыболовные рассказы Сергея Малашко, никогда не останется равнодушным к его творчеству, творчеству талантливого писателя прозаика-публициста, рыбака-охотника с большой душой и чистым сердцем. Его произведения заставляют нас, читателей, и меня в том числе, задуматься не только о бесконечности наших природных богатств Севера России, но и о великой душе северного человека, обладающего этими богатствами, сберегающего и дух Севера. Для меня, как редактора журнала, во-

Сергей Малашко на церемонии вручения премии «Золотое Перо 2018».

На фото (слева направо): Владимир Бояринов, Сергей Малашко, Светлана Савицкая, Николай Дроздов

спевающего любовь к природе и человеку в её окружении, Сергей явился уникальной находкой, эталом золотым самородком Магадана. А самородок этот преподнёс нам, познакомил с творчеством Сергея, мой давний друг и соратник по журналу, замечательный писатель-лирик из Башкортостана Михаил Смирнов. В соавторстве с Сергеем Малашко они выпустили великолепный сборник лирических рас-

сказов о природе, рыбалке и охоте «Одна, но пламенная страсть». Советую всем прочесть.

– Как вам тот факт, что я, основной учредитель медийной группы «Интеллигент», проживаю практически у финской границы, тогда как Сергей Малашко, соучредитель, проживает на Колыме, а сотрудничаем мы с ним уже продолжительное время и, слава богу,

серьезных недоразумений у нас не было?

– Неудивительно, к радости. В подобном режиме вот уже более 10 лет мне, как главному редактору, приходится сотрудничать со всеми ответственными редакторами нашего журнала. А живут они и творят духовное далеко за пределами нашей северной Бурятии, где издаются «Северо-Муйские огни». Эти люди для меня не просто коллеги, но, в первую очередь, духовные соратники. Сергей Малашко, недавно возглавивший новый литературный раздел нашего журнала, – один из них. И вам, как главному представителю медийной группы «Интеллигент», и мне с ним очень повезло. Да будет так!

– Понравилась ли вам оформление газеты «Интеллигент Магадан», его, так сказать, формат и, конечно же, подборка авторов и материалов? А что бы вы отметили положительного и есть ли некие от вас советы по данным критериям?

– О газете «Интеллигент Магадан» я могу сказать больше – уникальное издание! И по содержанию, что особо важно, и по оформлению газета представляет собой высокопрофессиональное и глубоко духовное литературное сооружение. Всякий раз, когда мы получаем свежий номер «Магадана», мы непременно рассылаем его и нашим читателям по всей России. В ответ получаем благодарные отзывы. Правда, есть и обратные критические отзывы, касающиеся чисто технической стороны текстов, их не всегда совершенной пунктуационной грамматики, что при должном внимании, естественно, легко поправимо. Это и есть главные критерии, по которым способно успешно развиваться любое литературно-художественное издание. Критика – основной двигатель литературы. А, по словам нашего великого сибирского писателя Валентина Григорьевича Распутина, самая лучшая критика – это отзывы читателей.

– Благодарю, Виталий, за искрен-

ность. Непременно учтём.

Вы стали публиковать у себя в журнале авторов из Магадана и Магаданской области, как вы лично оценили бы их потенциал для вашего издания?

– Вот потому мы и стали публиковать авторов из Магадана и Магаданской области. В их произведениях мы увидели отражение и нашей сути. Любовь к природе, к своему суровому, но милому северному краю, к его духовно богатым людям – есть те общие начала, что легли фундаментами газеты «Интеллигент Магадан» и «Северо-Муйских огней». Наш журнал широко приветствует авторов из Магадана и области. И мы надеемся на долговременное творческое сотрудничество с ними.

Добавлю, что в декабрьском выпуске наших «Огней» (2018 года – ред.) мы представляем поэтическую подборку Синегорья – уникального молодого рабочего посёлка, расположенного в пятистах километрах от Магадана. По духу нам – нашему БАМовскому Северомуйску жители Синегорья очень близки.

– Я долгое время знаком с Сергеем и понял, что он в творческом плане усердно старается не только продвигаться сам в своих изысканиях, но и продвигать других авторов.

Мне порой странно смотреть на потуги неких самодельных, так сказать, творцов, которые только стараются для себя любимых вкладываться, но их потуги в огромном информационном пространстве никто не только не оценивает, но и не замечает. Даже встречаясь или пересекаясь с такими авторами, я неоднократно им показывал на фактах и примерах, что, вовлекаясь в некое творческое образование или течение, не следует полагать, что вы там попросту растворитесь как индивидуальная творческая личность. Что, публикуясь с разными по уровню авторами, на вас никто и не обратит в таком издании внимания. Напротив, вряд ли кто на вас обратит внимание в

современном огромном творческом море, но в которое впадают уже конкретные «реки» издательских, конкурсных, фестивальных, литературных течений. Да, есть и различные в этом «свои», так сказать, тусовки, свой внутренней круг тесного братства, но самодельности, не имея коллектива даже новых читателей и сотворцов, трудно сделать серьезную о себе заявку! Сергей прекрасно это понял и потому решился на издание газеты «Интеллигент Магадан» в нашем уже сформировавшемся медийном проекте. Более того, из регионального издания он быстро вывел газету в межрегиональное и даже в международное. Как вы лично считаете, это для него было мудрым решением или следовало бы ему печатать только свои авторские книги?

– Несомненно, решение правильное. Именно в этом направлении «Интеллигент Магадан» и стал популярным, читаемым. И это очень важно для любого литературного издания. Иначе и быть не может. Сергей – он не только хороший писатель, автор собственных книг, но и неплохой организатор и чуткий руководитель. И потому газета не осталась просто газетной бумагой.

– А вот теперь у меня к вам ещё два вопроса: Расскажите, какое между вами и Сергеем творческое сотрудничество, а также издательское, и довольны ли вы этим? Как вы считаете, издательское усердие в проекте газеты «Интеллигент Магадан» для Сергея оценено должным образом и есть ли ещё к чему-то стремиться?

– Отчасти на эти вопросы я уже ответил. Но всё же хочется добавить, по-дружески. С Сергеем мы стали искренними друзьями, настоящими соратниками, радеющими за успех одного общего дела – духовного процветания нашего Русского Севера, способного удерживать современную русскую литературу на должном высоком уровне. Да будет так.

– Спасибо за откровенную беседу.

Если даже всего два человека, разные – по возрасту, призванию, религии и духу, приходят к одной идее, то эта мысль уже заслуживает внимания.

В. Кузнецов

ISSN 2500-0276

Северо-Муйские огни

Авторский литературный журнал

Старик и псы (отрывок из повести)

Давно покинутая людьми старая сибирская деревня, ещё дореволюционной застройки, буйно зарастала молодым лесом. От прежних дворов не осталось и следа. Лишь разросшийся смородиновый кустарник да редкие одичалые яблоньки ранета указывали на места прежних садов и палисадников. Обветшалые и покосившиеся деревянные дома, прогнивая и покрываясь серым мхом, постепенно осаживались в землю. Полуразрушенные, зияя пустотами оконных проёмов, они напоминали тленные черепа огромных доисторических животных, неведь откуда оказавшихся здесь.

Некогда процветающее село, с добротными бревенчатыми домами и зажиточным хозяйством, стало вдруг ненужным «новому» миру: в годы советской перестройки разграбленное разгулом безнаказанной преступности и окончательно покинутое селение превратилось в кладбище человеческих судеб. Отдельные дома, с кое-где сохранившимися резными оконными наличниками, могли ещё поведать о характере людей, живших здесь когда-то.

Обезлюдившую деревню ныне занимали брошенные и уже успевшие одичать собаки; словно монгольские кладбищенские псы, бродили они среди разрушенных строений.

И всё же, несмотря на жуткую опустошённость бывшего многолюдного селения, в одном из уцелевших на окраине домов жил старик, забытый всеми, последний житель заброшенной деревни. Он уже давно остался один, и только свора одичалых собак окружала его. Несколько псов, более всего привязанных к нему, жили рядом с домом и всегда

неразлучно следовали за стариком – единственным человеком, оставшимся на многие вёрсты вокруг; и псы охотно подчинялись ему, воспринимая его вожак своей стаи.

Высокий сухощавый старик был ещё крепок и жилист. Его широкие скулы, обтянутые высохшей ржавого цвета кожей, напоминали о былой природной силе, а взгляд всё ещё искрящийся задором глубоких серых глаз говорил о твёрдости неистребимого духа. Дух жизни, глубоко засевший в сознании одинокого человека, помогал ему справляться с трудностями в суровых, совсем не приспособленных для старости условиях. Каждое утро, в любую погоду, старик выходил из своего обветшалого жилища и в окружении псов проделывал свой обычный моцион: проходил весь нелёгкий путь по бывшей главной улице села от края и до края. Издали казалось, будто сторож на погосте прохаживается среди надгробий, на что походили некоторые пустующие дома.

Но, помимо каждодневных прогулок, у старика было много и других забот, главной из которых на данном этапе являлась подготовка к предстоящей зиме: зима в Сибири, как известно, долгая, длительный холод и бескормица враз одолеют неподготовленного к ней и в два счёта сведут в могилу.

Осень уже настойчиво заявляла о своих правах, врываясь холодным ветром в кроны одиноко стоящих желтеющих берёз, срывая первые пожухлые листья и безжалостно унося их в поля. Первые ночные заморозки, покрывая землю серебристым инеем, к утру выбеливали сереющее разнотравье. Но днём ещё всё так же ярко

светило солнце, отогревая остывшую за ночь почву и оживляя своим полуденным теплом всякую мелкую живность. Ожившая мошара, казалось, ещё больше свирепела, не давая покоя собакам, беззащитным перед гнусом.

Это утро выдалось особенно тихим и ясным. Безоблачное небо предвещало хорошую погоду. С рассветом, совершив очередной обход безжизненного села и собрав вокруг себя почти всех собак, оставшихся в деревне, старик отправился проверить свой рыбацкий улов. Сразу за его домом начиналось большое озеро, и в нём было много рыбы. С тех пор, как люди ушли из этих мест, рыбы в озере стало ещё больше; вот только ловить её с каждым годом старику становилось всё труднее: восьмой десяток разменял он нынче.

Основной рыбой в озере был карась, раньше мелкий и неказистый, теперь же крупный и жирный. Всё лето старик вылавливал этих толстоспинных красавцев: уха у него получалась отменной! Карася стало так много, что порой старику не хватало сил, чтобы вытаскивать тяжёлую сеть, единственную на всём озере.

Вот и сейчас, приближаясь к воде, старик заметил, как подёргивались и притапливались на её поверхности большие деревянные поплавки.

– Ну, вот и ладненько, вот и молодцом, – вполголоса произнёс он и мысленно похвалил свою сотню раз залатанную кормилицу. – Только бы выволочить... мать их... – как бы отвечая на чей-то вопрос, добавил тихо.

Собаки тоже почувствовали большой улов и, проявляя беспокойство, пер-

выми помчались к озеру. Они поняли, что сегодня будут сыты, и это взбодрило их.

На берегу, опрокинутая кверху дном, лежала небольшая деревянная лодка. По разохшимся, но густо намазанной сосновой смолой швам было видно, что хозяин старательно заботится о своём единственном рыбацком судёнышке. Вокруг лодки суетливо вертелись собаки. Размахивая хвостами, поскуливая и повизгивая, они бросали беглые взгляды то на воду, то в сторону неспешно идущего старика: оголодавшие псы поторапливали своего вожака. Приблизившись к своре, старик дружелюбно заметил:

– Ну, что, лохматые, не терпицато, – и, потрепав широкой ладонью холку одного из псов, решительно подошёл к лодке.

Перевернув её и спустив на воду, он легко забрался внутрь. Оттолкнувшись от берега единственным веслом и поочередно отгребая им воду с обеих сторон, старик умело поплыл в сторону камышей. Там к торчащей из воды лиственничной жердине крепилась сеть, вернее, один её край. Отплытие хозяина так взволновало молодых собак, что те, повизгивая от нетерпения, забегали по всему берегу. Более взрослые и уже потёртые жизнью псы, степенно рассевшись у кромки воды и вытянув морды, спокойно наблюдали за привычными действиями их человеческого вожака.

Подплыв к камышам, старый рыбак отвязал закреплённую на жердине сеть и принялся её вытаскивать. Первый крупный, бронзового цвета, жирный карась шумно плюхнулся на дно лодки – свежий и острый запах живой рыбы и тины ударил в нос старика. На берегу пуще заволновались голодные собаки, даже степенные псы повставали в предвкушении сладкой и жирной рыбы. Некоторые из них, не выдержав, зашли по брюхо в воду и, повиливая хвостами, стали подавать голос. Но старик, не обращая никакого внимания на их просящий короткий лай, спокойно продолжал вытягивать из воды плотно набившуюся рыбой сетушку.

Вытащив только половину сети и уже почти наполнив лодку трепещу-

щим карасём, старик поплыл к берегу: всю эту рыбу он сначала скормит собакам и лишь затем вернётся за остальным уловом, чтобы уже оставить его для себя, предварительно заготовив в запас на долгую зиму.

Уже у берега старик стал бросать карасей собакам, вызвав среди них настоящий переполох. Те, что первыми успевали схватить рыбку, сразу же отбегали от своры и, жадно чавкая, старались быстрее проглотить добычу. Даже с прокушенной головой, живучий карась, всё ещё продолжая елозить своим широким хвостом, доставлял немало хлопот поедающей его собаке: крупный и сильный, он то и дело наносил хлесткие удары хвостом по собачьей морде, пачкая глаза и нос тягучей, липкой рыбьей слизью. Так продолжалось до тех пор, пока все собаки не насытились. Рыбы было много, и потому хватило всем.

Последний, среднего размера карась достался самому нерасторопному и мелкому щенку, вероятнее всего, больному. Этот щенок в очередной раз получил отсрочку – собаки существовали по закону дикого мира, где слабые должны погибать, и лишь благодаря стариковской заботе они ещё продолжали жить. В предстоящую зиму многим ослабевшим собакам придётся очень туго, и, возможно, этому больному щенку не повезёт – он не доживёт до весны.

Но сейчас всё обстояло куда как лучше: наевшись до отвала, собаки разбрелись по своим излюбленным местам, унося с собой в зубах, в запас, по рыбине. Лишь некоторые псы, самые верные и преданные, те, что всегда неразлучно следовали за стариком, остались на берегу. Полёживая, довольные сытостью, они дожидались возвращения своего вожака.

Старик же не спешил. Наслаждаясь теплом безветренной погоды этого утра и неторопливо выбирая запутавшихся в последних метрах сети карасей, он вдруг, тяжело вздыхая, протяжно вымолвил:

– Да...

Дремлющие на берегу собаки, мгновенно приподняв морды и обратив их в сторону лодки, наостригли уши: им показалось, что хозяин

позвал. Но старик даже и не посмотрел в их сторону. Псы вновь улеглись, вытянув лапы: приятно было растянуться на прибрежном тёплом песочке, пока ещё не повылез остуженный за ночь гнус.

Задумавшись, старик вспомнил, как в последний раз навещал его бывший односельчанин, тоже уже преклонных лет мужик. Было это года три назад. Звал он тогда старика.

– Собирайся, старый, – молвил он, – не дури. Зима скоро, завалит снегом, сгинешь как собака, и схоронить-то некому будет.

Но не захотел тот бросать своих верных друзей.

– Куда-то я без них, без лохматых-то. Заскучаю и помру раньше времени-то. Тут-то благодать, простор, да и жизнь-то видать глубже. Корни мои здесь, – незатейливо, но верно отвечал ему тогда отказом.

Попросил лишь соли да крупы. Не забыл сосед, привёз, но с тех пор уже не появлялся здесь. «Если б не он, не жить бы мне уже-то», – вспомнив односельчанина, подумал старик, а затем, глубоко вздохнув, произнёс своё выравшееся вслух «Да».

С тех пор никто не навещал старика. Крупа уже кончалась, а вот соли хватило бы ещё года на три: постарался тогда мужик – главным продуктом посчитал, и не ошибся. Правда, слежалась она в мешках, и приходилось старику выдалбливать её. Но это уже был пустяк.

«Главное-то, есть чем продукт сохранить... Выходит, продлил мне жизни-то сосед мой», – тоскливо размышлял он.

– Ну, да ладно-то, ишь раскис, – проворчал вполголоса на себя самого старик и уже нарочито громко окликнул собак:

– Эй, лохматые, собачий-то потрох, принимай баржу!

Псы, враз подскочив, поняли, что хозяин возвращается и, дружно размахивая хвостами, негромко залаjali в ответ. Поняли, мол, встречаем. Тут же появились и некоторые другие собаки, отдыхавшие где-то поблизости. Они, услышав призывный голос старика и приветственный лай сородичей, вновь прибежали, надеясь, что и в этот раз поживятся

рыбкой. Но не тут-то было. Верные старику псы, задав лёгкого трёпа обнаглевшим молодым собратам, поставили их на прежнее место.

Такого рода службу старик ценил очень высоко и всегда поощрял своих привилегированных псов. А иначе было нельзя: в полуголодном дилом собачьем сообществе без верного окружения можно и самому стать жертвой. Уже больше десяти лет собаки жили наедине с дикой природой; и много их поколений родилось и выросло, не ведая человеческого общения.

В некоторых из них текла уже и волчья кровь: вокруг было много волков, а за каждой сукой не уследишь. Такие псы, взращённые по диким законам, на многое могли быть способны. Одичалые собаки, размножившись, конечно, потеснили волчьи стаи, но в борьбе за пропитание уже начинали конкурировать и между собой. В особенно голодные зимы бывало, что и друг на друга нападали.

Только лишь сила и верное окружение могли ещё оградить старика от возможных нападков полудиких, постоянно голодающих, помешанных кровей псов. Вот и приходилось ему каждый сезон подбирать из нового поколения всё новых щенков, чтобы те, когда придёт время, могли заменить состарившихся или погибших: старые и ослабевшие псы однажды могут не выдержать натиска не очень дружелюбно настроенных, голодных чужаков, и тогда им всем не поздоровится.

Выбирал старик самых рослых и крупных щенков. Несколько дней он выдерживал их в своём доме, а затем, уже прирученных, выпускал. Вся свора охотно принимала малышей, пахнущих хозяином, и оберегала их как своих.

Выращенные в сытости и окружённые вниманием и человеческой заботой, они впоследствии становились верными и преданными старику.

Нынче в его своре насчитывалось до пятнадцати псов, в основном молодых, мощных и сильных: сук в стае не было, дабы не ссорить кобелей. Старые псы, жившие у старика с первых дней, ещё с тех пор, когда он остался один в деревне, составля-

ли костяк своры, их было четверо. Преданность хозяину и друг другу возвышала их над всеми остальными. Они никогда не разлучались и никогда не отставали от своего вожака. Много разного и много всякого им пришлось пережить вместе. Лучших друзей, чем верные псы, старику уже не найти теперь.

Об этом вот и думал старый рыбак, причаливая лодку к берегу. Он видел, как радостно встречают его настоящие, преданные друзья и верные помощники в этой нелёгкой одинокой жизни. От мысли, что они, и он вместе с ними, уже доживают свой век, старик почувствовал жалость... но жаль ему стало не их и себя, а тех, кто останется здесь жить дальше.

И, слава Богу, никто не знает, сколько кому отмерено и что будет завтра; может, всё будет не так уж и плохо. И лишь эта надежда даёт возможность жить.

Над озером всё выше поднималось солнце. Его лучи всё глубже проникали в прибрежные заросли камыша и осоки. Пробуждая там всякую мелкую летучую живность, они выгоняли её на свет Божий, заставляя заняться делом: мошка и комар, жаждущие крови, начинали набрасываться на всё живое вокруг. Крупные озёрные комары, сбиваясь в огромные чёрные тучи, создавали над озером зловещий гул. Пока они ещё только разогревались, но уже скоро беспощадно начнут атаковать всем скопом.

Закончилась рыбалка. Но день только начинался, и старику предстояло ещё многое сделать. Подведя загруженную рыбой лодку к берегу, он, наконец-то, ступил на земную твердь. Собаки миглом окружили своего хозяина и приветственно завертелись у его ног. Молодые и потому не очень сдержанные псы, выражая свою преданность, подпрыгивали к лицу старика и норовили лизнуть его в нос или в губы.

– Ишь ты... заскучали-то, – добродушно выговаривая, мягко отбивался от них старик. – Ну, всё-то, будет вам. Идём уже, – махнув рукой в сторону тропы, сам направился к дому.

Собаки же, прекратив ластиться, помчались вперёд; остались рядом

лишь четверо псов – эти всегда были рядом.

Пройдя несколько шагов, старик вдруг остановился и, развернувшись, подошёл к лодке. Расправив сеть, он прикрыл ею всё ещё живую, трепещущую хвостами рыбу. Теперь другие собаки уж точно не тронут. Хотя... и он, немного засомневшись, оставил рядом с лодкой одного из своих верных помощников. Полагая, что накрытую сетью рыбу собаки не тронут, старик всё же не хотел рисковать. Бог знает, может, уже завтра такого улова не будет.

Послушно оставшись охранять рыбу, серого окраса пёс, больше похожий на волка, но с закрученным, как у лайки, хвостом, забравшись в лодку, затаился.

«Ну, серый, ты и хитрец-то», – ласково подумал о верном друге старик и уверенно зашагал по тропе.

Рядом со своим домом, в некогда добротной, но уже изрядно прогнившей и покосившейся соседской избе с заколоченными окнами, старик хранил весь свой скудный скарб: проржавевшие топоры, вилы, лопаты, багры, кованые гвозди, куски алюминиевой проволоки, мешки, ящики, коробки с разной ветошью. В общем, всё то, что осталось ненужным в брошенной деревне, и то, что могло бы ему хоть как-то ещё пригодиться. Там же хранились и некоторые запасы провизии: остатки крупы – пшено вперемешку с дроблёным зерном, заполнявшие на треть железную двухсотлитровую бочку, закрывавшуюся куском железного листа, – и мешки с затвердевшей солью. За ней-то и шёл старик.

Попутно зайдя в свой дом, он схватил небольшой холщовый мешок и направился к бывшей соседской избе. Ступая по едва заметной тропе, он часто вспоминал, как на этом месте, где некогда был цветущий сад, все дружившие тогда соседи собирались вместе и шумно, под весёлые звуки гармони проводили воскресные дни. От терзающих сердце воспоминаний старику становилось тяжело на душе – он так и не смог привыкнуть к мысли, что уже никогда этого не будет. Но жизнь, несмотря на её суровость и его почтенные годы, всё же нравилась старику. И он продолжал жить, как того требовал Господь.

Георг Черный

Доктор химии, давно проживающий в Соединённом Королевстве, автор многочисленных публикаций и более 900 стихотворений. Первооткрыватель, теоретик и популяризатор психоделики-ни – нового литературного направления, построенного на интуитивном использовании элементов прикладной психолингвистики в сочетании с широким арсеналом чисто литературных приёмов, с целью усиления направленности текста на читателя. Победитель и финалист многих сетевых конкурсов, основатель международного лито Творческая Мастерская ЕЖИ и Литературного Сообщества Психоделика.

Genesis

*В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.
(Иоан. 1, 1)*

В Начале было Слово.
Слыша речь,
Он затихал – и мир рождался в муках, –
в молчащем поле, в небе, во дворе,
в котором тоже не было ни звука...
Он, видимо, хотел создать слова
из самого скупого матерьяла,
какой нельзя ни сшить, ни разорвать,
в котором нет ни складок, ни изъянов.
И вот, представь, нашлась такая ткань.
Но чем её кроить и как торочить?
Он развернул её, и с потолка
упала темнота – и стала Ночью.
Он вдруг увидел: заросли фонем
растут по всей земле, но кто их сеял?
Зачем они взошли, по чьей вине, –
давно употребляемые всеми?..
И тут Он сам впервые осознал,
что нет, да и не может быть, Начала,
как нет его у раковины Сна,
в котором бы Реальность ни звучала.
И нет Тебя совсем, и Слова нет,
а если бы и было это Слово,
Ты не пошёл бы с ним встречать рассвет
туда, где океан во льды закован.
Достигнув сокровеннейших глубин,
взметнёшься ввысь, как ворон из колодца,
где Слово-раб, оно же – Господин...
Ты замолчишь – и речь Его польётся,
затем, чтоб мерой смысла не служить,
не учреждать вмещающие рамки;
затем, чтоб возникающую жизнь
озвучивать и ей служить гарантом;
воссоздавать весь мир от «аз» до «ять»
и хоронить в молчании, и снова
рождаться, жить, любить и умирать –
на языке, в котором нет ни слова.

Уходящий в море

В память Бориса Блинова

Уходящий в море спит. Дорожка лунная
мчит его, не беспокоя гладь непресную.
Не плывёт Ясон за золотыми рунами,
не томится люд – печалью и болезнями.
Лишь колеблется и видоизменяется
та вода, в которой слепо, как зашитые,
пребывают неизменные черты лица,
растекаясь, – ахеронами*, коцитами**...
Тонким светом глубина её пронизана,
и не помнит в тишине она, бездонная, –
ни про твердь, разъединённую границами,
ни про жизни, разделённые кордонами.
Холодит сердца прохлада предосенняя.
Уходящий в море – вдаль скользит под месяцем,
перешедший все черты невозвращения,
но хранящий мысль – однажды снова встретиться...

**Ахерон (др.-греч. Ἀχέρων – «река скорби»). Согласно одному мифу, Ахерон – это терпящий наказание титан.*

***Коцит (Κόκυτος) – приток р. Ахерона в Эпире, рано перенесен был греческими мифами в подземный мир, как река в Тартаре. К. («река плача и стенаний»).*

Жёлтые сны султана Сулеймана

Четырнадцать жён утонули вzybучих песках.
Четыре скончались от ядов болотной воды.
Ещё восемнадцать разбились, свалившись со скал.
Последние семь потерялись в прозрачном, как дым,
осеннем лесу. И остались – холодный закат,
грустящий по жёнам султан и, от близкой воды
озябший, незрячий визирь. Переставший искать
султан затолкал его в реку, ударив под дых,
и долго потом наблюдал, как несчастный плывёт
не к берегу – ближнему, дальнему – речки, а вдоль,
и молит о помощи – жалко, гнусаво... но вот
его голова тоже скрылась под быстрой водой.
И, может быть, это удача, а, может быть, нет:
султан, оказавшись один на один с тишиной,
забыл своих жён, разбежавшихся слуг, звон монет...
нашёл своё сердце – и стал на минуточку мной.

Дом на Big River

Так бывает: поставишь свой дом у глубокой реки,
а соседи – зачем-то – вокруг понастроят мостов,
да таких, что под ними сумеет проплыть даже кит –
по течению вниз, по течению вверх, миль на сто.
А река вдруг возьмёт и иссякнет: сперва обмелев,
превратится в ручей, – в нём осёл не замочит копыт,
а затем совершенно исчезнет под кожей полей,
пустырей и дорог, и лугов, сикамор и раки.
И от бывшего русла останутся только мосты,
обрастая всё больше – лишайником, сорной травой;
и продолжают стоять – обелисками планам пустым,
высоко возносясь над пучиной невидимых вод, –
до тех пор, пока их не растащат: строительный люд
очень ценит хороший, притом даровой, матерьял;
а на месте мостов огороды разбить – тоже в плюс
человеческой тле, колорадским жукам, муравьям...
А зачем было строить, – зачем, для кого возводить?
Те, кто строил мосты, помудрев, убедились в тщете
иллюзорных побед над текучей природой воды –
и отправились с миром, оставив тебя в нищете.
Только ты всё живёшь в своём доме у быстрой реки,
непривязанный к ней, – не заметив, что речки и нет.
Мимо окон твоих каждый вечер несут рыбаки
свой улов, часто путая – воду и меркнувший свет.
И река полноводна, и просится из берегов.
Вот твой домик над ней покачнулся, как Ноев ковчег,
приподнялся и вниз к океану поплыл, – оттого,
что ты так никогда и не задал вопрос «а зачем?»

Пятое время года

Бог комнаты вращает крылья стен.
их плоскости несущие поют
осанну – разлетающимся тем,
кто знает, что находятся в раю.
Частицы пыли – звёздные миры;
на них живут скопления бацилл...
Мир уникален. Бог неповторим,
поскольку всех за всё давно простил.
...Я жизнь зачем-то превратил в мечту.
Неплохо, да. – Но где теперь мне жить?..
И человек, и зверь меня бежит,
бегут – луна и вереницы туч...
Я стал водой – и вылился в залив.
теперь я море, только где в нём – я?..
И вот – пришли коллеги и друзья
и множество букетов принесли.
И вдруг нашлись – и море, и закат,
и тёплый ветер сквозь ладони пальм...
И видит кто-то, кто всю жизнь проспал:
к нему течёт великая река.
И человек становится пустым.
И человек становится... – затем,
чтоб навести над вечностью мосты
и превратиться в бога этих стен.
...И небо льнёт к корням твоей травы,
и вырастает выше крыши дёрн,
и в нём лимоны молний шаровых...
Закрой глаза – и ты себя найдёшь.

Двое

«Дорога не полого, не крута;
по ней нельзя ни ехать, ни идти,» –
сказал монах, сорвав цветок с куста,
и Ургу протянул его в горсти.
Ург взял цветок, как если бы не брал,
и положил, как если бы не клал,
и обратился не к монаху: «Брат,
природа Будды – клад или не клад?»
Монах сказал: «Клад в землю не зарыв,
его нельзя найти и откопать.
Природа Будды спрятана внутри,
а значит – не глупа или глупа?»
Ург встал, потряс цветущие кусты
и снова сел, – как и они, в цвету,
сказав: «Не нарушают пустоты
ни летняя гроза, ни сердца стук.
Но правильно ли будет понимать,
что Будда – это тоже пустота?»
Монах спел на мотив одной из мантр:
«Дорога не полого, не крута;
по ней нельзя ни ехать, ни идти,» –
и потянулся, чтоб сорвать цветок и
Ургу протянуть его в горсти. Вдруг –
трудноописуемый восторг
взорвался в недрах бездны бытия,
где звёзды – лишь веснушки на носу
у исполинской пикси; где сиять
умеет темнота; где нано-сумм
настолько много, что любая часть
неисчислима целого; где путь
в любой эон проходит сквозь «сейчас»;
где бесконечный мир – безмерно пуст...
Монах и Ург сидели допоздна,
друг друга понимая хорошо.
Затем один из них, увидев знак,
поднялся, поклонился – и ушёл
дорогой – не пологой, не крутой,
какой нельзя ни ехать, ни идти...
Другой – сидеть остался у кустов,
и лотос расцветал в его горсти.

Comme a la guerre

Мой взгляд не порадовал, то есть, порадовал НЕ –
мальчишка, стоящий напротив в цветных труселях.
АК-47 был направлен в меня (на войне –
обычное дело). «Да ты не умеешь стрелять!» –
Зачем я сказал это вслух? – Кисть руки напряглась,
под кожей видны стали русла встревоженных вен,
и ствол очень медленно всплыл – мне до уровня глаз...
Теперь ты умрёшь: доигрался, дурак-человек!
Зелёная муха, приняв за котлету цевьё,
решила нас всех примирить – потиранием лап...
Мальчишка по-прежнему думал о чём-то своём
и целил мне в лоб, но по-прежнему медлил стрелять.
И вдруг кто-то выстрелил: БАХ! – Я, должно быть, убит
и падаю, падаю – в солнцем прогретую пыль...
Но нет! Я стою, как стоял, а мальчишка в крови
лежит в трёх шагах от меня, обо мне позабыв И делает
вдох, и от судорог рот его кругл,
и тонкая кисть продолжает сжимать автомат...
И я, наклонившись над ним, испуганно ору:
«Зачем вы, ребята?! Ведь он НЕ УМЕЕТ СТРЕЛЯТЬ!!!»

Михаил Юдовский

Родился 13 марта 1966 года в Киеве. После школы учился в художественно-промышленном техникуме и институте иностранных языков. С 1989 года – свободный художник. В 1992 году переехал в Германию. Выставлял свои живописные работы в странах СНГ, Европы и Америки. Поэзия и проза автора опубликована в Украине, России, Германии, Англии, Израиле и США. Многократный призёр различных литературных конкурсов.

Верблюды

Любезный друг! Живя обетованно
Вдали от всевозможных словоблудов,
Я снаряжаю в небо караваны
Великопленных жертвенных верблюдов.
Я вглядываюсь с нашей первой встречи
В их грустные задумчивые лица,
Прислушиваюсь к их негромкой речи
И, кажется, учусь у них молиться.
Когда они мохнатыми горами
Кольшут на ветру, как парусами,
Я чувствую, что мы росли рабами,
Порою забываясь небесами.
За крытыми столами и в постели
Усердствуя натужно и устало,
Мы, верно, слишком многого хотели,
Когда для счастья меньшего хватало.
Мы увлеклись бессмысленной погоней,
И наша суть настолько опустела,
Что сделалась причиной агоний,
Разрушивших до срока наше тело.
Мне хорошо. Безумье позабыто,
Безудержность ушла, исчезла спешка.
Я слушаю ночами, как копыта
Шуршат песками с ветром вперемешку.
Чернеет высь, луны сверкает блудо,
Горят созвездья, словно крошки хлеба.
И по барханам движутся верблюды,
Хребтами спин покачивая небо.

Мой друг, мне хорошо и беспечно
Следить за январями с февральями.
Нам также предстояло изначально
Обмениваться с кем-нибудь ролями.

С историей шагая по спирали,
Не ведая, что истинно, что ложно,
Мы столько раз с тобою умирали,
Что смертью удивить нас невозможно.

Обратно перелистывая даты,
Ты собственное видишь отраженье.
Мы – те же безымянные солдаты
В окопах безымянного сраженья.

Едва ли истощится наша сила,
Едва ли завершится эта битва.
Земля – всего лишь братская могила.
А небо – поминальная молитва.

Мы повторимы. Мы неповторимы.
И снегом закружив неуловимым,
Уносят нас сегодняшние зимы
То к будущим, то к миновавшим зимам.

Город среди пустыни,
Зноя густой миазм.
К вечеру боль остынет,
Словно угасший разум.

Небо темно и немо.
Пальмы чернеют стройно.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Тихо скрипят ступени
Каждой неровной гранью.
Перемешались тени
С факелами и бранью.

Медью мерцают шлемы,
Блещут мечи разбойно.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Вместе с календарями
Гибнут простые даты.
Начатое царями
Довоплотят солдаты.

Судеб размытых схемы
Правят резня и войны.
Жители Вифлеема!
В городе всё спокойно.

Высится государство.
Люди – его подножье.
Дети – цена за царство.
Но не за Царство Божье.

Пусто в садах Эдема.
Лезвием мир распорот.
Жители Вифлеема!
Вы потеряли город.

А, впрочем, если я умру,
То в тихом месте, где над речкой
Кора берёзы поутру
Горит задумчивою свечкой,
В твое невидимой руке
Священнодействуя и тая,
И повторяется в реке,
Как облака и птичья стая.
Вот так, наверное, душа
Взлетит с закрытыми глазами,
В прозрачном воздухе дрожа,
И повторится небесами.

Утиная песня

Ты видишь в повседневном неземное,
Из человека ангела творя.
Но у меня не крылья за спиной,
А ровно половина декабря.
Я выгляжу, наверное, нелепо.
Глотающий земную эту пыль,
Я мог бы полетать с тобой по небу,
Но только опираясь на костыль.
Поведай мне, как стать неуловимым
И, обретаясь рядышком с тобой,
Наведываться в гости к серафимам
И уходить в молитву, как в запой.
Прости, мой кругозор довольно узкий.
Мне скучно без чудачеств и затей.
И «Отче наш» читаю без закуски,
Я вряд ли стану чуточку святей.
Я мог бы на тебя глядеть невинно,
Прекрасным белым лебедем паря
И отравив вторую половину,
Как выше говорилось, декабря.
Олебежусь, что вряд ли. А теперь я,
Быть может, самый гадкий из утят.
Ты думаешь, что я теряю перья?
А это хлопья снежные летят.

Жеребёнок

Пусть тебе привидится спросонок
Мимолетной встречей впереди,
Как осенний рыжий жеребёнок
Из твоих ладоней пьёт дожди,
Как от этих капель хорошея
И дыша светло и горячо,
Он кладёт задумчивую шею
На твое усталое плечо.
Повинуясь тихому приказу,
Ты готов, наверное, и сам,
Заблудиться в листьях, кареглазо
Подмигнув земле и небесам,
Сделаться наивней и надрывней,
И тогда, расплескивая тьму,
Эта осень иноходью ливней
Пробежит по сердцу твоему,
Наполняя музыкою звонко,
Словно бесконечные дожди,
Превратившись в сердце жеребёнка,
У тебя колотятся в груди.
Хочется поверить в их предвесье
И, рассыпав сумрак по углам,
Заглядеться в ясли, где созвездья
Плавают с листвою пополам.

Марк Луцкий**(1940 – 2019)**

Автор множества книг. Работы Марка Луцкого были опубликованы в периодических изданиях 15 стран. Лауреат многочисленных литературных конкурсов, Член Союза российских писателей, Союза русскоязычных писателей Израиля, Союза писателей Северной Америки.

Счастье Сказочника (Венок сонетов)

1.

С уральских гор скатился дивный сказ
И вот уже плывет по переулку,
И самоцветы из волшебных фраз
Стекаются в заветную шкатулку.

И вспомнится тебе заветный час,
Костер на Думной*, рядом с караулкой.
Дед Слышко в перелатанной тужурке
Ведет неторопливо свой рассказ:

– У нас, слышь, так давненько повелось,
По камнерезну делу шибко знали ...
И сказ течет, как песня об Урале,
Романтикой пронизанный насквозь.

Здесь все любовью и трудом согрето,
Кому принадлежит творенье это?

*Думная – гора в Полевском

2.

Кому принадлежит творенье это?
Когда оно явилось на простор?
Кто знает изначальную примету?
Наверное, Хозяйка Медных Гор?

В горах ли, на равнине песня спета –
Не знаем, но хранит её фольклор
От древности седой до наших пор,
Как знаки стародавнего завета.

И сохраняет байки или были
Своеобразный местный говорок
С отсылкой на естественный исток:
– Еще, де, «стары люди» говорили ...

И обращают слух в который раз
Азов-горе, чей голос не угас.

3.

Азов-горе, чей голос не угас,
Где, бают люди, есть ходы-пещеры,
Вдруг развернется каменный палас,
Откроются кладовые без меры.

Блеснет в зеленой шапке хризопраз
Глазами затаившейся пантеры,
Кристаллов многоцветные шпалеры
Тебя слепят, но радуется глаз.

Любому враз захочется запеть
И рассказать о той красе великой –
Здесь всполохи, мерцающие блики,
Узорчатых камней круговерть.

Кому отдать сияние букета –
Зеленой ящерке или перу поэта?

4.

Зеленой ящерке или перу поэта?
Кто передать ту красоту готов –
Пургу зимы, благоуханье лета,
Неповторимость каменных цветов?

Чье сердце будет больше всех задето
Волшебной силой стародавних слов?
Растет в Сысерти паренек Бажов,
О том пока не ведает планета.

Не знает про поселок Полевской,
Про ермаковых лебедей в полете,
Про чудо-камень в тонкой позолоте,
Сработанный талантливой рукой.

И Полоза Великого указ
Искателям золотиносных масс.

5.

Искателям золотиносных масс
Ночами снится, что они близ клада –
Не ковш старательский, – тяжеловесный таз
Весь в жушелках* – желанная услада.

Бывало, вся артель пускалась в пляс,
Когда была хоть малая награда, –
Сам черт не брат, и большего не надо,
Но чаще все же – кварц и диабаз ...

Урал, известно, золотом богат,
Да только тяжело, коли фарта нету,
Коль не обучен тонкому секрету,
То не воздвигнешь каменных палат.

И снятся потаенные секреты
Таежным речкам, озаренным светом.

* Жушелка – мелкий самородок золота (из словаря-объяснения уральских слов, оставленного П.Бажовым)

6.

Таежным речкам, озаренным светом,
Махнул рукою Батюшка-Урал,
И оказались золотом одеты
Ручей, распадок, дальний перевал.

Найдешь ли то, что затерялось где-то,
Помог бы кто, какой бы знак подал,
Перстами Посакашки указал
Полянку, ямку или другую мету.

А Посакашка не для всех кружит,
Помахивая голубым платочком,
И хоть мала, бедовая, росточком,
Надежно клад уральский сторожит.

И только для природы нет запрета
Еланям, копиям, чудесам рассвета

7.

Еланям, копиям, чудесам рассвета,
Которым не предвидится конца –
Извечная загадка без ответа,
Глубокая, как тайна мудреца,

В полночном небе зыбкая комета,
Идущая от деда и отца,
От дальних мест до ближнего крыльца –
Сказаний неразменная монета.

Своеобычна – в мире нет такой,
Окрашена уральским колоритом –
Трудом, дорогой, неудобным бытом,
Всем, что зовется жизненной рекой.

Она перед тобой явилась враз
Легендой, что хранилась про запас.

10.

Устал стоять в дозоре Марков Камень
Где жил когда-то Марк-Береговик,
Могутный парень с мощными руками,
Что барам покоряться не привык.

Здесь выли волки стылыми ночами,
Порою слышен был медвежий рык,
И жутко становилось на миг
На камне, растворившемся в тумане,

Но – лишь на миг, и жизнь свое берет,
Коль славен человек «живинкой в деле»
В «горе» или старательской артели,
Мог совершить искусный поворот.

...Со сказовых страниц встает пред нами
Ревдинских зорь неугасимый пламень.

13.

Летят года, не умеряя прыть,
А сердцу все знакомей перебои,
Но продолжает Сказочник творить,
Навек усвоив правило простое:

Своей рукою счастье добыть
Обязаны сказителя герои,
Неведомы и праздность, и простои –
Вперед зовет их творческая нить.

Не угасает красоты накал,
Занесены в заветную тетрадку
Данило-Мастер и Иван Крылатко –
Умельцы, что прославили Урал.

Работе долговечной не остыть...
А сказ бажовский продолжает жить.

8.

Легендой, что хранилась про запас,
Вспорхнувшей над лесами гордой птицей...
Чу! Слышен камня Денежкина бас
Из-под «богатыревой рукавицы».

Исеть-река или река-Миасс –
Им долго-долго на просторах виться,
В их отраженьях – каменные лица,
Здесь весь Урал – и в профиль, и в анфас.

Здесь по болотам стелется туман,
Он необычный – сизовато-синий,
Нашептывает тоненькой рябине
Легенд всепобеждающий обман.

Где кроны сосен собрались шатром,
Юлой летит девчонка над костром.

11.

Ревдинских зорь неугасимый пламень,
Где солнцу помогает углежог,
Где Чусовая в каменной раме
Умчится за родительский порог.

Летя навстречу полноводной Каме,
Забудет свой прославленный исток.
Металла нескончаемый поток
Плывет под чувсовскими берегами.

В металле густо сплавлены преданья:
Булатна сталь, фигурки из Каслей ...
Шкатулка все полнее и полней,
Вобрав в себя бажовские сказанья.

В них свет костра, таежный бурелом,
Айлып и Полоз, барин-дуролом.

14.

А сказ бажовский продолжает жить
И будет долгой звездочкой светиться,
Способна ль наша память позабыть,
Как бил козел серебряным копытцем,

И как могли хрустальным лаком крыть
Подносов лучезарные корытца,
В них солнце с восхищением глядится,
И сам поднос способен ослепить ...

Везде видны уральские штрихи,
Они развеют всякое ненастье,
И ощущаешь Сказочника счастье –
Уральский дух, уральские стихи.

Что там вдали сверкает, как алмаз?
С уральских гор скатился дивный сказ ...

9.

Юлой летит девчонка над костром.
Видать, не зря зовется Огневушкой,
Маршрут отмечен золотым песком
Над неприметной речкой Северушкой.

Здесь сказами пронизан каждый дом,
Вот Кошка Земляная кажет ушки,
От слез сиротских – мокрые подушки,
И подступает к горлу плотный ком.

Пусть нет от тяжелой доли передышки
И бедность раскатилась по углам,
Но слушают легенды здесь и там,
Внимают чудным сказам ребятишки:

– Опять закрыт в окошке счастья ставень,
Устал стоять в дозоре Марков камень...

12.

Айлып и Полоз, барин-дуролом,
Как много уместилось в былях-сказках –
Фабричный дым, заката оком,
Батырова невеста Златовласка.

А сказов набрался большущий том –
Зачин, сюжет, нескорая развязка,
Совет по жизни – тонкая подсказка,
Отнюдь не указующим перстом.

Здесь красота и малахита пыль,
Здесь тяжкий труд и самоцветов царство.
Сплелись едино мудрость и лукавство –
Неповторимый сказочника стиль.

Как хорошо по волнам сказов плыть.
Летят года, не умеряя прыть.

МАГИСТРАЛ
(акростих)

С уральских гор скатился дивный сказ,
Кому принадлежит творенье это?
Азов-горе, чей голос не угас,
Зеленой ящерке или перу поэта?

Искателям золотоносных масс,
Таёжным речкам, озаренным светом,
Еланям, топям, чудесам рассвета,
Легенде, что хранилась про запас?

Юлой летит девчонка над костром,
Устал стоять в дозоре Марков Камень.
Ревдинских зорь неугасимый пламень,
Айлып и Полоз, барин-дуролом.

Летят года, не умеряя прыть,
А сказ бажовский продолжает жить.

Светлана Дион

Светлана Дион родилась в Ленинграде. в Нью-Йорке с 1983 г. С 1999 г. – в Испании и несколько лет во Франции. Поэт, прозаик, балерина и культуртрегер. Президент Международной Ассоциации Граждан Искусства – М.А.Г.И. Член Союза Писателей России (МГО). Награждена литературными премиями им. А. П. Чехова и им. А. С. Грибоедова (от МГО). Лауреат множества литературных премий и конкурсов. Пишет стихи на русском, английском и испанском языках. Автор пяти поэтических сборников, десяти в соавторстве и романа «ПОПРОШАЙКА ЛЮБВИ» (*La mendicante de l'amour*).

Лауреат степени «Алмазный Дюк» *МЕЖД. КОНКУРСА ИМ. ДЕ РИШЕЛЬЕ за создание поэтобалета по мотивам романа «Попрошайка любви» и на свои стихи («Любовь семилика» – *Las siete caras de amor* – премьера в Мадриде 2012). Учредитель литературной премии им. Н.Брагинской с 2013 года. Победитель конкурсов МГО 2016-2017: «Королевы, феи русской литературы» и «Россия - Франция» (проза и поэзия на франц. языке). Лауреат премии «ГОМЕР 2017» роман «Записки ангела-хранителя», Межд. творческий конкурс Афины, Греция (Журнал «9 МУЗ»). Союза писателей XXI века, Союза писателей Израиля клуба Русских Писателей Нью-Йорка и Всемирного Клуба петербуржцев

ПОЭМА ПОСЛЕДНЕЙ НОЧИ

(Обрывки стихов с посвящениями со сбоями ритма и рифмы)

1

Ирине, матери моей,
посвящается

Последняя ночь –
Мать и дочь.
Закричать бы...
Но не кричится.
Упасть бы...
Но некуда.
Остановить бы
Дождь
За окном.
Ночь
Уговорить бы сжалиться...

Имя Матери Божьей
У медсестры на халате –
Мария склонилась над
Моей матерью...
В палате
Мария в белом,
С глазами усталыми,
Отводит взгляд.
Сколько недель подряд?
Я рядом с мамой –
Тающей, причащённой,
Холодеющей.
Освобождённой.
Тусклый больничный свет.
Мама, сколько нам вместе лет?
Тишина не дышит...
Встретим ли вместе рассвет?
Памплонские спящие крыши...
Стынувшая рука в моей...

Родная самая.
Рука мамы.
Капли за окном – змейками вниз,
Становлюсь одной из них.
Тороплюсь, сбиваю соседку,
Вместе быстрее скользим,
Примкнули другие,
Ещё две, три, четыре...
Катимся, как дети с горки,
Увлекая такие же прозрачные
За собой...
Восторг.
Стоп.
В сугроб.
О лёд лоб.
Гроб?!

Коченеют руки...
Рама внизу.
Обрыв.
Там не властны муки...
Скрип кровати.
Последняя капля воли.
Сброшена чешуя боли.
Отмена переливания крови...
Капельница.
Прозрачный пакет
С чудо-средством
От рака.
Вот он. –
Но уже поздно.
И наложен запрет на слёзы.
Мама,
В телефон плакал
Минуту назад

Тот, кто любил тебя
Много лет подряд...
Не узнал мой голос.
Передал
«Прощай»
В трубку..
Слышишь, мама,
Дай руку,
Согрею,
Мы попросту не успели.
Мой младенец тоже тебя спасал:
Делили моё молоко на двоих.
Но тщетно.
Пирога – причал.
Ветер стих...

Бред ли всё, мама?
Этот стон и крик
Живого скелета
С твоими глазами
Небесного цвета,
Летнего неба...
Расцветет сирень,
Придёт день
Букет не тебе
Дарить, а... могиле?
Болезнь или рок?
Нас Ангелы позабыли?
Где сила любви?
Лава бессилья.
Капель из иглы в вену...
Кто-то бесшумно
Пройдёт сквозь стену,
Я знаю, мама...
Вот-вот...

Я дважды уже проиграла битву
За тебя, за твою сестру!
Что – Читала не те молитвы?
Я знаю, я тоже умру,
Так все, но не все – так.
За что, мои девочки,
Вам агония,
Сгорание, рак...
У меня на руках...
Шепчу:
«Отпущу – Прощу – Прости.
Последняя попытка.
Мама, возьми с собою
Улыбку
Моего сына.
Детский смех внука
Пусть излечит раны,
Что не лечит вечность
В краю Нирваны...»

Голос тишины многоликой:
«Я узнаю вас по цвету улыбки, –
Из-под закрытых
Пергаментных век, –
Так борются далеко
Не за всех
Матерей,
Дочурка, поверь...
Не столько всем суждено
Потерь.
И перед миром теней
Не бывает любви сильней,
Будь уверена в ней –
В дочерней любви
твоей...
Отпусти – дай уйти...»

Объятие.
Знаю: последнее.
Навсегда.
Руки матери –
Бессильные лоскуты
Сочатся любовью,
Замыкаются кругом
У меня на спине,
Сиделка им помогает,
Словно кукольник...
И что-то распорото
В ребёнке – во мне,
Склонённой над матерью, –
Вдали от жизни,
В чужой стране,
С дождливой ночью наедине...
Все медленней бьётся сердце –
Наше – моё и мамы.
И капли гибнут,
достигнув рамы,
И новые – вниз повтором...
Сиделка
Не ушла после смены:
«Тебе впервые, а мне не ново.
Останусь.
По эту сторону Кровати.
Я знаю, как это – терять мать.
ЛЕГЧЕ САМОЙ УМИРАТЬ.

В палате –
Я, Мария и Мать.
Исчезает эхом

Щепотка минут...
Там свои уже ждут...
Но зов младенца, –
И ток материнства
В пружинах сердца,
Но лишь моего.
Ледяная ладонь мамы.
Общий ров.
Яма.
И вспышка –
Открылись очи:
«Будь сильной,
Дай слово, доча,
Вырасти сына...
Всё хорошо.
Я жила не зря:
Ты светлая-светлая у меня...»

2

...моему сыну...

«Виноградная гроздь – лоза»,
Рага – Парра,
На щечке – родинкою слеза...
Рукою милости или кармы?
Смысл имени сокровенный
Разгадан душой.
Мой единственный и мой первый
Рождён на земле чужой...
Совпадений блики.
Мой сын Энрике,
Вдвоём с тобой я шла
(Нет – втроём с судьбой)
Босиком по осколкам стекла,
Я тебя на руках несла
В то хмурое утро,
Когда выдавали урну,
С именем мамы...
Выбирала футляр (не яму),
Вас двоих прижимая к груди,
На плечах – вместо шали – тучи...
В тот день я стала могучей.
Или это ты – из завтра –
Шёл впереди,
А за тобою ребенком – я?
Спасенья карта...
Спираль пути...
Молитва отчаянья –
«Мама, прости...»

Энрике «Лоза»,
В ту ночь в вешем сне
Рыдала гроза.
В пустынной стране
Ты мечом рубил скалы,
Пролагая нам путь.
За тобой я едва поспевала,
(Тенью за нами Грусть),
Из глаз – капли дождя.
Я опиралась на два локтя,
Кто справа – и слева?
Ангелы Хранители –
Мои небожители? –
Рассмотреть не посмела...
С того дня – за тобой
По тонкому льду,
Не касаясь земли,

Над бедой,
Над студёной водой,
Цепляясь за наше небо...
В то памплонское утро
Младенцем ты не был,
Знаю,
То крылья твои,
Мой ангел,
Шумели над нами,
Когда наше горе,
Словно цунами,
Покрыло землю
У нас под ногами... Энрике,
Ты ещё не умел ходить,
И мы вместеу чились жить –
Шаг за шагом.
Рассвет за рассветом.
Ночь за ночью.
Ответ за ответом.
Вместе, даже когда мы врозь,
О, моя Виноградная Гроздь!

3

Посвящено Н. Джину □ □ □

Времени – горсть.
В горле – гвоздь.
И между капель
В больничных окнах
ПисАл мне кто-то
Строки и ноты,
Родные стихи...
Скажи, мой друг,
Ты в тот миг был рядом?
Ты, кто при жизни
Звался Нодаром,
Ускользнул из снов?
Обрывки твоих стихов,
Забытые много лет, –
О любви, о нас,
И в тот жуткий час
Твой ответ:
«Смерти нет».
Лишь синь...
И струящаяся
Световая мысль,
Словно ток:
У каждого цвет
Невидимый
И обет
Исполнить долг.
Мужайся.
Придёт рассвет,
Твой первый,
А мамы навеки нет.
Вынут иглу из вены –
Знаменье конца...
Чуть изменённый оттенок
Души и лица...
Но будет и свет...
Ещё – твой секрет –
Строчки гонца
В каплях дождя
В ту ночь для тебя
Пролитые свыше.
Исповедь сердца тише и тише,
Небо бездонное ниже и ниже,
И самое дальнее ближе и ближе...

Дина Лебедева

Родилась и живу в республике Карелия – красивейшем и удивительном крае, воспетом не одним поэтом. Стихи и прозу начала писать еще в школе.

Печаталась в различных альманахах, газетах и журналах. В 2014 году в свет вышел авторский сборник стихов: «По кончику пера скользило Слово», а в начале 2019 года сборник стихов «Запах осени»

Долгое время входила в редакционный состав медийной группы международных литературно-публицистических изданий «Интеллигент». Была главным редактором изданий.

На кончике сигареты

Щи пахли кислой тряпкой. Вовка по-возил в них ложкой, попробовал на вкус, сморщился, и отложил ложку в сторону.

– Чё нос то воротишь, – набросилась мать. – Чай не в городе, к Магдональсам не приучены. – И зашмыгала, и зашмыгала обиженно носом.

Загрели кастрюли на печурке, упала на пол кочерга. А мать продолжала:

– Дал же Бог людям детей... Вон, наемдны, к Митрохиным Колька с Маньшей с городу приезжали. А к Самойловым.....»

Дослушивать Вовка не стал. Тяжело поднялся из-за стола, привычно наклонил голову, чтобы не стукнуться о притолок, и вышел в сени. Зачерпнул ковшиком воды колодезной из ведра, выпил почти половину залпом. От холода заломило зубы, но кислый вкус щей во рту все же пропал. Уже на крыльце закурил сигарету, прикрывая ладонью огонек спички. Было ветрено. Конец осени – затяжные дожди и сырость, и заморозков вроде пока не предвидится.

Вовка сел на крыльцо, бросив на ступеньки старую куртку. В щеку уткнулся прохладный, влажный нос собаки.

– Здорово, Малыш! Что же ты приезд хозяина-то проворонил? Все носишься и носишься где-то. И ошейника, смотрю, на тебе нет. Мать сняла, аль помог кто? – Вовка потрепал пса по мокрому загривку. – Старый ты, брат, стал. Дом не сторожишь. За хозяйством не смотришь – Вовка обвел глазами двор.

Да какое уж там хозяйство... Кур, и тех мать извела. Небольшой огорожок под картошку, несколько гряд, теплич-

ка с оборванной ветром пленкой, – вот и все богатство.

Свою мать Вовка любил. Любил тихой сыновней любовью, жалел ее. Отца он не знал, потому с детства рос мужиком, не гнушаясь никакой работы. Дрова, вода, плотницкие работы по дому – все было на нем. Мог и в хате прибраться, и белье, если надо, постирать. В выпускном классе, готовясь к экзаменам на крыше сарая, мечтал, как закончит он школу, уедет в далекий город, получит профессию, и их жизнь с матерью изменится к лучшему.

Вовка криво усмехнулся. Город встретил его непривычной суетой, шумом и толкотней, гудением и визгом машин. Он поступил в училище, получил место в общежитии. И началась другая жизнь: необычная, яркая, насыщенная...

Вовка стряхнул пепел с сигареты. Малыш преданно заколотил хвостом. Ветер стал стихать. В избах засветились окна. Из труб к небу поднялись столбы дыма. Подмораживало.

С Катериной они поженились, когда он уже работал на заводе. Первые годы жили на съемной квартире. Молодая жена ни в какую не захотела идти жить в общежитие, где им предложили комнату. «Знаем мы ваши общежития, – заявила она, – пьянки, да гулянки одни. А мне к сессиям готовиться надо». Матери невестка почему-то не приглянулась. Поджала губы, когда Катерина, впервые приехав в деревню, умудрилась ногой в босоножке ступить в коровью лепешку, устроив потом по этому поводу настоящий скандал. «Делов то, – ворчала тогда мать, – ноги ополоснуть....» Так и пошло дальше. Катерину в деревню пряником не заманишь, а мать тем же

пряником в их однокомнатную городскую квартиру. Да и с детьми не сложилось. Вначале Катерина получила образование, делала карьеру, а потом уже как-то и не получалось.

Скрипнула дверь в сенях. На крыльце, зябко кутаясь в вязаный платок, вышла мать. Вынесла миску с едой, поставила перед Малышом.

– Пошли, что ли, в дом, сынок. Что сидишь тут на сквозняках. Простыть захотел? – Мать положила шершавую руку Вовке на голову, провела по непослушным волосам.

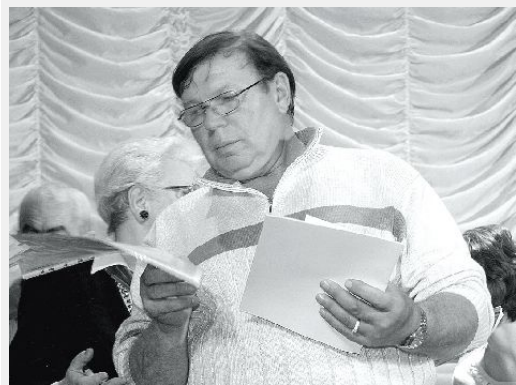
– Седой, смотрю, весь уже стал. Не рановато ли. Оххохоньки мои... Пойдем, сынок. Я картохи сварила. Грибков соленных с подпола подняла. Огурчики есть соленные, помидоры...

– Сейчас, мам, – ответил Вовка. – Докую вот...

Мать ушла, а Вовка выбросив искуренную до фильтра сигарету, потянулся за другой...

Малыш уже давно гремел пустой миской, а Вовка все сидел на крыльце. Мать больше не выходила. А он прикидывал, с чего начать завтрашний день. Подлатать сарай, нарубить дров. Починить прохудившуюся крышу над сенями. Да не забыть на ночь вылить воду из ржавой, железной бочки, перевернуть ее. Мороз стукнет, поздно будет. Посмотреть крыльцо. Одна из ступенек совсем прогнила, ходуном ходит. Не дай Бог, мать оступится. Да и в избе дел полным-полно...

Было уже совсем темно, когда Вовка поднялся, расправил плечи и поднял лицо к небу. На лицо сначала упала одна снежинка, затем другая... И пошел снег.... Чистый.... Пушистый. Первый...

Александр Граков

Писатель-прозаик. Член Союза журналистов России, Московского союза журналистов.

Лауреат премии «Золотое перо Руси».

КИЖУЧ

Однажды Сергей Малашко прислал Лексе кижуча. Нет, даже двух кижучей. Из самого Магадана, с оказией.

Кижуч это вяленая рыба. Вкусная. А Сергей Малашко – товарищ по Интернету.

Его товарищ по работе Геннадий летел в Краснодар и Серега решил уговорить его, чтобы тот передал Лексе две копченые тушки «краснюка». Бесплатно причем, то есть на халяву.

– Пойми, – убеждал он товарища, – не на горбу ведь везешь, на транспорте. А Лексе может, там рыбы-фосфору позарез не хватает. Ну и что ж, что он на рыбалке днями пропадает. Еще не факт, что он с нее домой что-нить привозит. Да и не факт, что с рыбалки...

А товарища и убеждать не нужно, потому как настоящий, то есть, товарищ. Забрал он молча кижучей да и вылетел на Кубань.

А у Лексы, надо ж такому случиться, как раз в день прилета Геннадия жена с сыном наладились в Краснодар – по супермаркету погулять, кое-чего по хозяйству-продуктам прику-

пить. Поэтому в этот день все получилось, как по маслу – совпали благие намерения, оказия и чаяния.

А от Краснодара до подворья Лексы дополнить нефиг делать – всего-то 90 км. Но езды минимум два часа. Потому что по этой трассе ВСЕ едут к морю...

Вот и решил он, покуда привезут кижучей этих, спроворить под них классную закусочку в виде печеной молоденькой картошечки, посыпанной поджаренным на свежесжатом подсолнечном масле лучком. А к ним прикупить красных сладких помидор. И холодненького, в запотевших бутылках, знаменитого пивка «Новоросс». И ко всей этой красоте – лоснящиеся, янтарно-розовые ломти нарезанной рыбы, только что из холодильника, сочащиеся каплями влаги и вкуснящим, непередаваемо-вяжущим ароматом. А еще...

Подобрать так и не раскатанную до пола губу его заставило треньканье настенного телефона. Шумно втянув аппетитную слюну, Лекса снял трубку.

– Аллэ, папаня! – щебетнул в мембране звонкий голосок невестки. – Ты там особо не напрягайся. Я уже накопила в огороде молодой картошки, выдраила ее и загрузила в аэрогриль. Счас ставлю на печь сковороду под лучок. С нерафинированным маслом...

– Не понял! – Лекса за малым трубку из рук не выпустил – благо успел подпереть ею отвисшую челюсть. – Ты что, мои мысли читаешь, Настя?

– Ничего я не читаю, даже книжки некогда полистать, – обиделась невестка. – Просто Серега позвонил (их сын, ее муж) с дороги, что они с мамой уехали за какой-то копченой акулой... катран, кажись...

– Кижуч, – поправил ее Лекса, уныло приплюсовывая в уме к своим двум семейным ртам еще три – сына, невестки и внучки Юльки. Вообще-то, на две тушки выходило не так уж много. – Это рыба такая. Красная.

– Ух ты-и! – восхитилась невестка. – Чё, серьезно красная?...

В полемику Лекса вступать не

стал, повесил трубку. Все равно от гостей не отвертеться. Если невестка узнала о кижучах...

И в подтверждение этих мыслей телефон снова залился веселой трелью. Кому веселой, кому набатной.

Точно – звонил зять.

– Тесть, ты не волнуйся и собо деньгами там не сори, – сразу предупредил он. – Настя нам уже позвонила насчет катранов этих...

– Кижучей, – обреченно поправил Лекса. – Пива, небось, купил?

– Ага, – обрадовано зачастил зять, – «Новоросс», классное...

Короче, еще трое добавились. Зять, дочка и внук Кирюха. Хотя внуку всего два года, это не имеет никакого значения – на дне рождения Лексы родители на тарелку внука всегда накладывают взрослую порцию торта... даже две. Потом, по ходу застолья, эти куски куда-то загадочно исчезают, а Кирюха просит обыкновенной каши.

Потом позвонила теща.

– Слышь, зятек, я там слыхала краем уха – тебе с Магадану какого-то копченого крокодила прислали. Мы тут помидорчиков красненьких с грядки... Сто лет не пробовали с отцом кро...

– Приходите, – яростно простонал Лекса, в уме прикидывая, какой из кухонных табуретов самый расшатанный. – Как приедут наши, так и заползайте. На крокодила...

А гости из Москвы – двое,

вообще ниоткуда не звонили. Потому что и так были у Лексы в гостях. Они просто поставили на общий стол еще две тарелки с ножами и вилками.

Кухонный стол пришлось раздвигать. Иначе он не вместил бы всю многочисленную родню – около пятнадцати человек. Среди разнообразия салатов и закусок, привезенных невесткой, дочкой и тещей, остротой серебрилось блюдо с нарезанной дольками копченой рыбой. Кижучей ожидала незавидная участь...

– Тост! – зашумел ободренный предстоящим ужином дружный семейный коллектив. – Пусть кто-нибудь скажет тост, под такую-то рыбку...

– Позвольте мне, поскольку это, как бы, целиком мной санкционированное мероприятие, получившее столь широкую огласку, – Лекса привстал, мельком смахнув со щеки непрошеную идилическую слезу.

– Дорогие мои! Признаться, я впервые в этом году вижу нас всех вместе – весь наш дружный родственный коллектив. Да и в прошлые годы мы не так часто собирались настолько полным составом – всегда у кого-то находились срочные неотложные дела. Увы, не вышло собраться вместе, когда я затеял 45 метров траншеи под водопровод – пришлось нанять в помощь бригаду строителей. То же самое было, когда мы перекрывали крышу дома, переделывали старый забор на красивую ограду, достраивали гараж и копали септик...

И теперь я понял, что может

нас всех объединить за этим семейным столом. Ведь не было бы этих кижучей, не собрались бы мы так дружно, не так ли? А кижучей прислал хороший товарищ из Магадана – Серега Малашко. Поэтому мой тост будет знаете каким?

– Конечно, знаем, – подхватила с места невестка. – За хороших товарищей со стороны, которые присылают объединяющие халявные деликатесы.

– Нет, – поправил ее Лекса. – Просто за хороших товарищей... это, а где кижучи?

На блюде оставались лишь три серебристые шкурки от рыбьих долек. Остальные ломтики лежали у каждого родственника на тарелке. У внука Кирюхи их лежало целых четыре.

Лекса растерянно рухнул на свой стул с недопитым бокалом лимонада в руке. Называется, испробовал рыбки!

И тут грохнул дружный хохот. В том числе за его спиной. Лекса оглянулся – сзади стояла жена с его тарелкой в руке. На которой золотилась половина очищенной рыбьей тушки...

Он вновь весело вскочил на ноги.

– Ну вот, теперь, когда вся рыба уже, так сказать, распределена...

– А поговорить? – хитро скопился на него тесть, выкручивая откуда-то из-под стола пятилитровую канистру виноградной чачи.

– Что ж, поговорим, – согласился с ним Лекса.

Михаил Тарковский

Русский поэт, писатель, член СП России. Родился в 1958 г. в Москве. Закончил Московский педагогический институт им. В.И. Ленина по специальности география/биология. В 1981 году уехал в Туруханский район Красноярского края, где почти сразу же начал писать стихи, и где работал сначала полевым зоологом на биологической станции, затем охотником в с. Бахта. В 1991 году закончил Литературный институт им. А.М. Горького, заочное отделение, семинар поэзии В.Д. Цыбина. Живёт в селе Бахта Туруханского района Красноярского края и Красноярске. Автор стихов, рассказов, повестей, очерков, печатавшихся во многих литературных журналах. Лауреат премий журналов «Наши современники», «Роман-газета», «Новая юность», а так же литературных премий, в частности премий Белкина, Соколова-Микитова, Шишкова, Л.Н. Толстого «Ясная Поляна», первого редактора Литературной газеты Антона Дельвига, международной премии «Югра» в номинации «Проза» «За настоящую сибирскую прозу» и премии В.М. Шукшина. Дважды дипломант славянского форума «Золотой Витязь». Автор книг: «Стихотворения», «За пять лет до счастья», «Замороженное время», «Енисей, отпусти!», «Тойота-креста», «Избранное», «Вековечно», «Сказка о Коте и Саше», «Полёт совы», «Что скажет Солнышко?». Главный редактор альманаха «Енисей».

РУСЬ МОЯ, ТЫ МОЙ ХРАМ И БЕРЛОГА

интервью с писателем Михаилом Александровичем Тарковским

– Здравствуйте, Михаил!

И сразу же к вам пару взаимосвязанных между собой серьёзных вопроса. Только не торопитесь с ответами, а всё взвесьте и отвечайте. Вы бы состоялись интересным творческим человеком, если бы остались работать по своей специальности в Москве, и у вас бы не было таких любителей творческого вдохновения из родственников?

Что из этих двух факторов, или они оба, не дали бы вам развиваться в творческую личность или эти факторы не столь уж существенны в обнаружении творческого дара?

– Вопрос трудный в том плане, что он из области «а если бы». Если бы остался в Москве... Такое трудно представить. Для этого пришлось бы меня изменить, и непонятно тогда, как дальше бы сложилась судьба, чего от меня следовало бы ждать. Я конечно уверен, что способности обязательно во что-то творческое вылились. Но страшно предположить: не попаду в Сибирь, и она не наладит на путь. Каково было бы моё мировоззрение при таком варианте развития событий? Кто бы был моим наставником? С кого бы пример брал?

Если я правильно понял вопрос, то под «любителями творческого вдохновения» подразумевается творческая родова. Так? (Может, неверно понял? – прим М.Т.) Дак вот, если бы не было родовой, то и не передались бы и способности, а следовательно и вопрос снимается.

Поэтому предлагаю такой ответ: совпадение родových способностей с благо-

датной сибирской почвой.

– Что вы считаете более важным для того, чтобы стать не только читателем, но и писателем?

1. Это вдохновение.
2. Умение наблюдать и замечать за людьми, окружающим бытием, а затем это уметь излагать.
3. Выучиться в лит. институте и вступить в союз писателей.

– Ни то и ни то... Главное: чувство судьбы, предназначения, ощущение того, что другие предназначения – не твои, или не в той степени твои.

Тем не менее пройдемся по списку... Вдохновение – для юных поэтов. Любуй, кто занимался серьезно «писанной» (выражение моего соседа), знает, что литературный труд один из самых сложных, ну разумеется не в плане физических нагрузок. Под вдохновением я согласен считать то состояние азарта, интереса, внутреннего трепета, которое и взрослого сочинителя порой охватывает в момент, я бы сказал, управляемого творческого поиска. То есть это предвкушение открытия, это некое бесспорно приятное состояние, но которое вовсе не обязательно сопровождает работу. И которому ты не придаёшь значения. В пользу непризнания серьёзности вдохновения говорит ещё одно обстоятельство: это состояние внутреннего подъёма может разрешаться и хорошими стихами и плохими. Подобно тому, как состояние влюблённости не зависит от статей объекта, как внутренних, так и внешних. Оно само по себе существует в человеке – как возможность.

Умение наблюдать и излагать... Наверное это немаловажное условие. Но я бы уточнил: не умение, а потребность. Когда тебе интересен окружающий мир, его подробности. Интересны люди. Я в какой-то момент понял, что мне интересны люди сами по себе, их характеры, мотивы поступков. И то, что вроде бы из области переживания костей ближним, для тебя становится частью профессии. И ты должен понимать грань и переживать эти кости с единственным собеседником самим собой. У меня с детства была тяга к постижению родства и неродства предметов, живых существ – кто из какой семьи, чей брат. Такое сильное наведение порядка в мире. Особенно наглядно это проявлялось на примере животного мира, я обожал хищных птиц и с упоением изучал их рода и семейства.

Выучиться в литинституте и вступить в союз писателей. Второе вообще никак не сказывается на качестве «писанины». А первое – лично мне помогло тремя обстоятельствами:

1. Дало пожизненных друзей, а именно Николая Александрова из Новосибирска, русского писателя и подвижника.
2. Дало знания.
3. Научило не бояться аудитории – мне, когда я только поступил, было дико прочитать на людях стихотворение. Простое стеснение.

И, подводя итог: да, только предназначение. Я такое чувство освобождения испытал, когда отпала необходимость корчить из себя ученика, когда я по-

нял, что буду писателем. И охотником. И что эти два дела под руку пойдут.

– Как говорят классики, мол, прогрессивные люди стремятся более комфортно организовать свой быт, а организовав его, они не захотят обратно жить в пещерах.

Почему же в постсоветской эпохе люди уходят жить отшельниками в нелюбимое и не комфортное бытие? (Это не касается тех, кто приехал в дивный природный край и, влюбившись в его красоты, тишину, где о многом можно поразмыслить, остался там жить имея пусть минимум, но комфорта).

– Всю жизнь небольшая часть горожан стремилась к жизни на природе, в деревне ли, в тайге... А уж при советской власти сама политика подталкивала молодёжь к освоению Сибирских и Дальневосточных просторов. Так что не в эпохах дело, а в самой человеческой натуре. Вспомним работы русских религиозных философов о враждебности города... Что касается наших дней, то город давно утратил свою привлекательность и теперь идёт обратное течение, обёрнутое уже в «экологическую» обёртку, каждый почти понимает, что на земле лучше жить во всех отношениях. Теперь мечта – коттедж на земле. Как раньше дом в деревне. Но есть разница между домом в обычной деревне и домом в удалённом таёжном или тундрном регионе...

– У одного поэта есть такая строчка: «...Русь моя, ты мой храм и берлога...» Лично для вас Россия из этого чем является, и почему вы именно так оценили?

– Ну, храмом я не назову Россию, ибо она не храм отнюдь. В храме не творится столько безобразий. Болезней столько не живёт. А матерью назову и на колени встану и служить по гроб жизни буду.

Хотя образ храма и берлоги понятный, хороший. Да и вообще берлога тоже хорошо, по-русски очень. Дом это совершенно же, конечно, берлога. А если ты и Россию домом считаешь, то берлога по такой логике подходит. Но без такого логического вмешательства – так вот навскидку – образ России-«берлоги» не самый лично для меня доходчивый.

– У первобытных людей первой из профессий была охота, а вы хоть немного чувствуете себя на охоте первобытным человеком?

– У меня, скорее, было чувство продолжения русской промысловой тради-

ции... Ощущение того, что кто-то много лет назад так же шёл по тайге, рубил кулёмки... Произносил несусветные старинные слова. А вот мысли о первобытности как-то мне представлялись чуждыми, они будто навевали родство с животным, с инстинктивным в человеке. А мне ближе русское, историческое, ну и Божье, конечно. Это не в укор никому... И простите, братья.

– Вы писали, что жалуются на невостребованность только те, кто считает себя недооценённым. Не будем это относить уже к известным авторам, и пусть не такого солидного творчества, а именно не плохого, но где у автора есть моральные принципы и нет друзей издателей и распространителей. А вас серьёзно не настораживает, что сейчас массово востребовано?

– То, что сейчас происходит в издательской политике – только часть общего плана уничтожения Русской цивилизации, спланированном на так называемом Западе. Поэтому необходимо относиться к этому взвешенно, трезво и с чётким пониманием, что лично ты можешь изменить, а что нет. Капитализм предполагает полный отказ от моральных принципов, иначе «денег не поднимешь».

Если Вы откроете «Энциклопедию юриста» в интернете – то прочитаете вот что:

«СВОБОДА СОВЕСТИ – это свобода морально-этических воззрений человека (т.е. что считать добром и злом, добродетелью или подлостью, хорошим или плохим поступком, честным или бесчестным поведением и т.д.). В качестве конституционной свободы С.с. закреплена в ст. 28 Конституции РФ.

С.с. в числе других свобод человека была провозглашена во Всеобщей декларации прав человека, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1948 г., и в Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. В 1981 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла Декларацию о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений.»

Главным здесь является трактовка о ревизии основополагающих принципов жизни на Земле, то есть что считать Добром и что злом. Незыблемость представлений о хорошем и плохом поступке очевидна даже не христианину. В нашей действующей конституции конечно эта трактовка не прописана, но мина заложена. Как например в законе о Ювенальной юстиции заложена мина

предательства ближних. Понятно, что в таких условиях культурная элита, обслуживающая олигархов, будет пропагандировать литературу, разрушающую мораль, и всячески хоронить русскую литературу, издревле стоящую на крепком фундаменте религиозности и народности.

Самое худое, что супостаты на наших глазах меняют общенародный эталон литературы, ибо в их руках СМИ и издательства. Такой процесс рискует стать необратимым.

– Самая распространенная в мире книга – Библия, притом, многие её могут цитировать наизусть, но я ещё не встречал людей, для которых эта книга действительно была открытой. Может, есть такой эффект, ведь многие в школах учат химию и вроде получают по этому предмету неплохие оценки, но только единицы из миллиарда действительно становятся отличными химиками?

– Я, к сожалению, Библию не очень хорошо знаю, и всегда больше сосредотачивался на Новом Завете. Поэтому на Ваш вопрос не имею возможности стоящим образом ответить.

– Верите ли вы в некое высшее своё предназначение в этом мире, или вы сами для себя избрали свою судьбу и с ней, так сказать, идёте по жизни?

– Я верю в предназначение, но как человек, стоящий на Православной дорожке, верю и в то, что без Высшей воли ничего не происходит. Более того, именно в этом ощущении – собственной ничтожности и никчёмности без этой Высшей воли – черпаешь великую силу. А это ох как помогает сочинителю!

– Показались ли вам мои вопросы пространными, сложноватыми или обычными, и что бы вы пожелали медийной группе «Интеллигент»?

– Ваши вопросы не показались ни сложноватыми, ни обычными, если под словом «обычные» понимать не что-то скучное, приевшееся. Они мне показались – в самую точку. Недавно как раз читал Вашу газету. Она показалась мне живой, яркой. И радостно было за Магадан, куда давно планирую попасть. Желаю Вашему изданию большой жизни, благодарных читателей и чувства связи с остальной Россией. Ура!

– Спасибо Вам за интервью для медийной группы «Интеллигент».

Беседовал
Сергей Пашков

Михаил Тарковский

О НУЖНОСТИ ПИСАТЕЛЯ.

Надоели разговоры о ненужности честного писателя. По-моему, наоборот гордо, что ты не расхожий, не в верховой струе ходишь, а где глубже. И хватит ныть.

Есть Рахманинов, великий русский композитор, которого изредка слушают в консерватории, а есть Маня Разгуляева, мы всегда её включаем, когда едем по зимнику. А ты сам-то кем хочешь быть? Наверняка Рахманиновым. Давай вот слушай, «рахманинов» хренов... Моцарта похоронили нищего в общей могиле. 8 флоринов 56 крейцеров – на погребение, плюс 3 на похоронные дроги. Ты хочешь писать, как Рахманинов, а получать как Разгуляева. Не выйдет. Не нравится время, не нравится телевизор, не нравится многое. Понимаю. Жизнь одна. Тоже понимаю. Сам себе не нравишься. Ещё как понимаю. Но как говорит мой сосед: мы, мужики, и не в такое ... попадали.

Ладно, ты не хочешь как Разгуляева. Хочешь, как Пупкин. Давай разбираться, кто такой Пупкин. Пупкин это эстрадное переложение Рахманинова. Подходит? Нет. Понятно. Вот есть еще Пипкин. Полуписатель-полужурналист. Хлесткий. Может и матюшок, и молодёжное словечко. Но он должен всё время говорить и никого не обижать, за это его и держат. Он на работе. «Россияне» звонят ему на передачу и народный гнев выпускают. Тоже не подходит.

Ты другой. Ты хочешь, как «кировец» с ножом. До земли, серьёзно, по-русски. Понимаю, сам такой. И вариант есть беспронгрышный. Эпопея класса «Войны и мира», «Тихого Дона» и «Ста лет одиночества». О нас. Все живые. Раз прочитал – перед глазами стоят. Всё родное, русское, узнаваемое и одновременно трансвековое, дальнотойное. Про сибирскую деревню, например. Сквозная история семьи: колхозные годы, промхозные, девятые и последние. О том, как каждые десять-двадцать лет не удавалось мужику пожить спокойно, только приспособиться – по ногам. Только чуть поднялся – на тебе! Только прискрипелся – на! То одно, то другое, то третье... То укрупнение, то перестройка. Такую вещь похорошему надо было давно написать. Да чтоб еще и перевели на десять языков. Но кишка тонка. И у тебя, и у меня. Это же лет пять сидеть надо сиднем! И голодом. И неизвестно, что выйдет. Так что нечего на время спирать, что лишь героические эпохи рождают великих писателей. Героизма полно: каждый день война где-то. И трагизма: всё время стыдно.

Ладно... Давай ближе к жизни. Ты прекрасно понимаешь, что результат твоей работы не статья критика, а письма – по ним можно точно сказать и кто ты, и кто твой читатель. Хотя каждый и так внутри

знает, для кого пишет. Очень грубо: заведующая библиотекой, преподаватель литинститута, одинокая русская пенсионерка в Таджикистане. И другое: молодая продавщица косметики, директор турагентства, ведущий молодёжной программы на телевидении. Ясно, которая аудитория больше, которая в законе. Тебе какая дороже?

Всем нравится читать про известных людей – это как подсматривать. Ничего делать не надо: и так интересно. А когда погружаешься в чей-то мир, приходится работать. Не подглядывать за писателем, а в душу его влезать, в мир, в глаза его. Где-то скрючиться, где-то ногу отсидеть. И на месте писателя помочь бы, а мы ворчим.

Я, например, сам себе отсёк половину читателей, тем что не умею описывать город. Тайгу, Тихий океан, охотников и их жён – пожалуйста, потому что люблю. Город так не люблю, не понимаю, наверно. Хотя так понимать особо нечего – люди везде люди. Но в плане литературном здесь всё освоено и надо разгребать место, а на это свой талант и героизм нужен. Мне проще в свежей тайге отстроиться.

Хотя друзей в городе полно. Но в приезд туда так устаю за первые две недели, что дальше для общения не гоюсь. Кто успел, тому повезло. Зовут знакомые, которых не видел два года, а сил нет. Обижаются. Ладно, говорят, что с тобой поделаешь, отдыхай. А я-то не отдыхать ложусь, а беру пивка и к однокласснику-соседу, с которым могу хоть каждый день видеться. Просто молчать или про машины говорить. Читатель такой же. На детектив есть силы. А на тайгу нет.

Сам я читаю точно и только по наводке. Сопровителюсь: а вдруг и вправду хорошо, сильно написано, и всё это пережить придётся. Понятно, что потом спасибо скажешь, а вначале решиться надо.

Стоял на охотничьей выставке со своими книгами. Подошел мужик лет пятидесяти, рослый, крепкий, открытое лицо: Сколько стоит книга? С автографом столько-то. Как с автографом? Да так. Подождите, так... это... Вы? Ну да. Да нет... Поблудел, покраснел, заморгал. Встряхнул головой. «Так не бывает. Вы... Ты... Ты же там где-то...» Столик своротил, подошёл, заплакал, обнял. Стоит. Я вот Володя... Глаза красные. Володька, давай-ка... пошли быстро по сто пятьдесят... Оказалось сам с Калуги, у меня предки оттуда. Охота, природа, книги. Оптина... Недавно взял в библиотеке мою книгу, вживался, переживал: «С мужиками, твоими товарищами, с Толяном, с Геннадием и в избушке посидел, и в лодке проехал, и водки попил, и поговорил обо всём... Самому уже не попасть на Енисей,

ну хоть так. Спасибо тебе. Пиши, главное».

Читатели бывают грубо двух типов: глубинные и просто читатели. Глубинный это так называемый подготовленный читатель, воспитан на традиции, ему все равно где происходит действие, в Москве, Красноярске или Южно-Курильске, бы была глубина и связь с русской классикой. Это как мы, только ума хватает не писать. Могикане.

А для большинства вникать в быт промысловиков скучно и неохота, к тому же смутно чувствуют, что вроде что-то такое уже было у «деревенщиков» (дурацкое вынужденное слово, как рамочка). Мои енисейские рассказы читают либо могикане, либо люди, связанные с тайгой, природой, дикой Сибирью. Я сам так зарядил, когда хотел именно земляков пронять до костей, и они, пронятые, мне дороже тысячи других были: с таким тылом я смело шёл в любой журнал. За что же ругать молодых москвичек, торгующих поездками в Хургаду или шампунем, если им не интересно про охотоведа из Верхнеинзревска, или что ничего не говорит им зимний дизельный запашок японского грузовичка.

Да и неудобно, если красивая накрашенная девушка из новой машинки вдруг восхитится замороженными мужиками и их переживаниями. И зачем смущать девчонку, когда она сама позавчера из Северодвинска приехала в Москву деньги зарабатывать. Это как влюбить в себя манекенщицу, а потом заставить её кулёмки рубить.

С другой стороны в пылу написания рассказа никто не думает, для кого пишет. Пишет, как выходит. И разговор этот нужен, чтобы уяснить, что виноват всегда писатель, и никогда читатель. И что больше никого и не существует. И повторю, всё ворчанье о том, что в нынешней России нет места честному писателю – это из-за славы: что мало о тебе говорят, и из-за денег, что мало платят. А по-моему, если тебе повезло настоящим писателем родиться, то еще и приплачивать надо за это счастье. Вот пробираешься по повестухе и вдруг – неожиданная вершинка. Ты-то знаешь, откуда она, и что сам не при чем тут. Но зато какое счастье! Его уже никогда не забудешь и ни на что не променяешь. А если найдется кто-то, кто все твои вершинки повторит, пересчитает, не жалея санок, и ещё спасибо скажет, то не зря жизнь прожита. Поэтому береги читателя смолodu и не ропщи – мал золотник да дорог. А золотник у каждого свой, может быть, для тебя это как раз те девчонки, что торгуют шампунем. Если конечно скажешь про них что-то такое, от чего они заплачут и тебе на плечо пушистую голову положат.

МАГИЧЕСКИЙ РЕАЛИЗМ

СВЕТЛАНЫ САВИЦКОЙ

Люди, знакомые со Светланой в жизни, характеризуют ее единым эпитетом – свет...

... С творчеством сложнее. Можно ли уследить за многогранностью направлений художественных приемов, что использует Савицкая, проявляя этот самый свет?

Уже с детских фотографий смотрит на нас солнечным зайчиком будущий писатель, философ, художник, сказочница, друг очень многих литераторов со всего мира, организатор крупных проектов, меценат создания музеев сказок, кондитер, кукольница, журналист, политик, ученый, артистка, певица, композитор, бард, состоявшаяся многодетная мать, бабушка...

– Светлана, что для вас более близко в творчестве, в жизни?

– Ощущение внутренней песни. Если мои домашние слышали, как я запела, значит, вижу при-

ближающийся результат. Иногда мелодия будит уже утром. И я пою ее весь день.

– В смысле, не важно, чем заниматься живописью или литературой, готовкой, штопанием носков – главное, музыка?

– По Пифагору, это состояние называется «слышать музыку сфер». Говоря образно, наша душа похожа порой на запыленную квартиру, в которой не хочется убираться. Все там лежит на пыльных полках. Нас устраивает. Но скучно. Одиноко. Даже среди близких людей одиноко! И вдруг, появляется некий солнечный ветер, как вдохновение. И вихрем сметается пыль, и переставляется мебель, и на стенах появляются новые смелые фотографии, холсты...

– Такая революция происходит каждый раз?

– С творцами? Да! Это обновление нового рождения песен, сказок, мифов, детей, обедов и ужинов, юбилеев, встреч...

– Вы сами знаете, как называется все это ваше безумие?

– Магический реализм. Это такой художественный метод, в котором магические элементы включены в реалистическую картину мира. Впервые его обозначил немецкий критик Франц Рох для описания «новой вещественности» жанра живописи. Далее понятие перешло на литературу и повседневность.

– И вы с детства...

– Вот именно. Еще не знала, как это по-научному, но владела на практике, по принципу «руки умнее головы» или «глаза боятся, а руки делают». Редактора изданий долго не могли определить, что же это я им высылаю –

притчи, отрывки романов, повестей, эссе, сказки, рассказы, хроники, истории. Что за жанр? Фантастика? Фэнтези? Мистика? Экстрасенсорика? Философия? Наука, наконец? Мой первый роман «Зачем сгорает Феникс» пропитан магией снов и научных открытий, связанных с символизмом, числами, астрономическими циклическими закономерностями. Романы «Ангел Беды», «Распутай время», «Балканы», «Назови имя Бога» – дышат магическим реализмом, и это, наверное, их объединяет и роднит.

– У вас вышло в разных странах, переведенные на 17 языков мира, более 60 книг. Чем больше нравится заниматься Фундаментальной литературой? Поэзией? Сказкой? Живописью? Куклой? Семей? Дачей? Наукой?

– Наверное, музыка сфер – это любовь, что нисходит на нас свыше. Как данность. Мы, художники, отрабатываем эту данность. Без разницы как. Вот, к примеру, доколумбовские индейские цивилизации, ацтеки, майя, чибча, инки, или наши дохристианские волхвы проводили ритуалы. Создавали летописи. Танцы. Храмы. Былины. Оставили множество загадочных первоисточников. Уже в произведениях, имеющих индейские корни, будь то написанные самими индейцами, будь то испанскими или португальскими писателями – историками, священниками, солдатами, сразу после конкисты, встречаются все составляющие чудесной реальности. Славяне, этруски, будь то ученик Аристотеля Александр Македонский или автор «Велесовой книги» – превосходно владели такой техникой. Но есть множество современных творцов, использующих данный «вид связи с космосом».

– А вы без магии можете? Свет не угасает?

– Да. Недолго. Суть магии в про-

изведениях, да и в жизни – это как растворенный мед в кипятке. Как быстрые углеводы. Глюкоза. За нею ведь и грибница по земле ползет. Знаете? Опыт ученые проводили. Оставили в пещере кусочек сахара. Когда грибница щупальцами своими до нее добралась, то в другом направлении расплзаться не стала, а все силы отдала на сахар. Больше того скажу. В следующем году, грибница не стала распространяться в других направлениях, а вся пошла к тому месту, где в прошлом году лежал сахар. Какие-то грибы! Представляете??? Так тем более наши души. Они не живут без магии! Без света! Ведь само понятие жизни – уже магия! Уже волшебство! А рождение цветка! Вот крокус. Чтобы ему распуститься из-под снега, нужен всего один солнечный день! Один день. Представляете? Сущности планеты – все – имеют достаточно плотную ауру. Светятся. Поют. Исполняют каждый свою земную или космическую миссию. Я жалею только об одном – жизни не хватит рассказать об этом. Но и рассказать мало. На порядок потребуется сил и средств больше, чтобы донести мысль до планеты.

– С целью заработать денег?

– С целью, чтобы заработала мысль.

– В живописи магический реализм – это сюр? Но вы график?

– Пожалуй, больше график. Но сюрреализм тоже очень привлекает. К сожалению, по остаточному принципу. Если бы бог исполнил мою мечту, и размножил душу на тысячу разножанровых творцов, то безо всякого сомнения, одну бы жизнь я посвятила сказочной живописи, доведя ее до профессионального совершенства.

– Ваши кумиры в магическом реализме?

– Лопе де Вега, Петр I, Ломоносов, Суворов, Шекспир, Киплинг, Андерсен, Васнецов, Антуан де Сент-Экзюпери, Габриэль Гарсия

Маркес...

– Лермонтов? Булгаков? Дали?

– Нет. Я не приемлю демонизм.

– Гоголь?

– Пожалуй. Но больше все таки нравится Пушкин, Марк Твен или Рэй Бредбери.

– Ваши сюжеты кинематографичны. О кино мечтаете?

– Денег нет мечтать. Это как мечтать о любви Путина! Сказочники, они ведь безнадёжные реалисты!

– Тогда «магическиреально» что планируете на ближайшие 150 лет?

– Долгобить тех, кого люблю. Если позволит небо. Завершить роман о навигаторах Беринге и Чирикове. Закончить пьесу о снах. Выпустить научную энциклопедию «Славянский выбор» о символах управления. Еще 25 томов прозы, если найду нормальное издательство. Столько же томов очерков о путешествиях. Издать красивую книгу о Байкале, со всеми ее сказками, рецептами, байками и мистикой, мудростью и особенностями магической реальности. Начала по этой теме также собирать фотоальбом с названием «Магический сад настоящей ведьмы»...

– А магический реализм личной жизни, дела домашние?

– Вы не поверите – как у всех! Магия толкования снов. Реализм вынужденного вдохновения генеральных уборок, названный «Караул! Гости!» Волшебство колыбельных песен. Песен вообще, когда собирается семья. Друзья. Любимые люди. Юбилеи. Рождения. Смерти. Приятие или отторжение энергий.

– Пожелания читателям газеты и сайта.

– Уйти от безволия и беспокойства к истинному счастью творчества.

– По Пушкину?

– Следом за ним.

Владимир Федоров

Светлана Савицкая

Журналист, сказочница, художник, мастер по изготовлению кукол, инициатор открытия новых музеев кукол не только в России, но и в других странах мира, председатель Международного национального литературного конкурса «Золотое перо Руси», главный редактор общероссийской независимой интернет-газеты «Молодежь Московии». Она легко шагает по жизни, одаривая окружающих оптимизмом, радостью, искренним теплом и позитивным взглядом на мир.

Член редакторского совета и постоянный автор изданий «Интеллигент».

Янтарное сердце моря

Когда море сдавало позиции, оголяя километра на три широкий плес, Марта выходила искать янтарь по его следу.

В селении бытовало поверье, что на самом дне Балтики лежит огромный слиток янтаря, величиною с морское сердце, он отликает всеми оттенками солнца и тягучего гречишного меда. Найти бы тот кусок, и было бы Марте счастье!

Смешные калошки тридцать седьмого размера мать Эльза приобрела на распродаже года два назад. Она даже не представляла, что рост девочки с приходом в совершеннолетия прекратится. Нога так и осталась тридцать четвертого размера, а сама Марта по этому поводу ничуть не расстраивалась, и всегда надевая их «на охоту за янтарем» на два носка, умильно улыбалась, думая о своей странной матери.

Во время отлива Марта иногда находила достаточно крупные солнечные мутные камешки, и отдавала их ей. Мать же обещала сделать янтарную комнату. Говорила, что такие бывают только в царских хоромах. И Марта старалась. Бродила с корзиной по влажной каменистой поверхности, оглядываясь на берег, собирая причудливые корешки и еще живых мелких рыбок, а потом возвращалась до торчащих столбиков пирса, как ни в чем не бывало.

Море пребывало незаметно и всегда неожиданно, так ей казалось. Марта немного боялась холодного моря. Вдруг оно решит вернуться, когда девочка не успеет подняться на пирс?

Вот и сегодня Марта деловито шаркала по песку калошками «на вырост», мимо луж и атакованных мошкой островков прибитых солнцем и ветром, поникших водорослей.

— Эти отливы связаны с лунными циклами. Как у нас, женщин, — догнала ее Ия. — В луну влюбилось оно, что ли?

— Море? — не поняла Марта.

— Море, а кто ж еще! Ты опять рискуешь собралась ради этой алкоголички?

— Мать не алкоголичка! — пихнула девочка Ию.

— Алкоголичка! Алкоголичка! Вчера она пила у старого Льюиса в кабаке с морскими пивом и так смеялась...

— Тебе какое дело?

— Никакого. Просто за тебя обидно. Ходишь! Янтарь собираешь. Жизнью рискуешь. А мать пропивает!

— Она не пропивает! Она мне комнату янтарную сделает!

— Да? Я кое-что такое знаю, просто расстраивать тебя не хочу, — подбоченилась Ия. — Вот скажи, на день рождения что она тебе подарила?

— То! — зашагала быстрее Марта.

— Ну что? То? — ловко догнала ее подруга, на ней ведь обувь была нормальная.

Марта остановилась и наивно вытащила из кармашка квадратную записку матери, на которой было аккуратно выведено слово «Гитара»...

— Ха-ха-ха-ха-ха! — громко захохотала Ия. — Смотрите, люди добрые! Эльза дочке снова бумажку на день рождения подарила!

И, не смотря на то, что рыбаки на берегу как бы не заметили ссоры девочек, Марта стукнула Ию корзиной и побежала вдоль берега, оглядя мутную заводь. Ее глазенки стали ледяными и обиженными, и во все стороны расплескались слезки. Она пристроилась на высохшей и тысячу раз вылизанной волнами деревянной лестнице, ведущей в море.

— Янис! Слышал новость? — зацепила бойко Ия проходящего паренька, — Марта на гитаре научилась играть. Только это не простая гитара. Иди посмотри!

Вместе они подошли к заплаканной Марте. Девочка увернулась:

— Отстаньте! — и побежала домой со всех ног.

Друзья — за ней. Ия, потому что разговор не закончен. А Янис вообще не понимал, почему девочки рассорились, и не хотел быть причиной этой ссоры.

Марта была полностью уверена этим холодным майским утром, что погоня не отстает, и решила показать ребятам главный козырь. Неподалеку от дома находилась лавка. Она была еще закрыта. Но зато витрины с выцветшими на солнце фотографиями янтарных инсталляций можно было созерцать сколько угодно:

— Вот! — запыхавшись, воскликнула девочка, — видишь тот коричневый в середине мозаики? Это я нашла прошлой осенью. А этот, — показала она на ухо большого медведя на янтарном дорогом панно, — этот самый огромный, мне попался под морской капустой. Я на него наступила. Смотри-смотри! А этот морем выбросило после шторма! Съела?

Ия молчала, собирая мысли для следующего удара.

— Янис! — попыталась перетянуть парнишку на свою сторону Марта, — Сколько у вас в Калининграде стоят такие панно?

— Миллионов двадцать, тридцать... и за сто... Этот вообще, трудно сказать! — ответил паренек.

— Вот видишь? — Утверждалась Марта.

— Что «видишь»? — заводилась подруга. — Что видишь-то? Камни — копейки. Работа — копейки! Панно будет на витрине тысячу лет и его никто не купит! А, если купит, не тебе же деньги дадут. И не матери твоей. С ней за камни давно рассчитались! И с тобой рассчитались бумажкой. Дура ты, Марта! А панно свое недоделанное Эльза вчера пропала.

— Неправда! — закричала Марта. — Мне мать плащ купила, как у тебя. Красный! — Выставила грудь вперед девочка, еще надеясь что-то доказать.

— Хм! — оглядела ее с головы до ног Ия, разнраженная тоже в красное, но более добротное полупальто с кашемировой опушкой, — Это у меня плащ! — сказала она безжалостно, — А у тебя так! Тряпка!

Ия махнула рукой и подалась восвояси. Марта опустила голову. Ян тоже примолк, но Марта ему нравилась с первого дня каникул, и он робко промолвил:

— Какая разница, какой плащ!

— Вот и я говорю, — подхватила Марта, разглаживая линиялые полы плащевки. — Главное, знаешь, какой он удобный! От дождя и от ветра! Смотри! Здесь капюшон есть. Завязывается! И кармашек для мобильного!

— Круто!

Девочка, улыбаясь, оторвалась от витрины. На лице исчезли слезы.

— Хочешь, я тебя чудо покажу? — спросила Марта тихо, — настоящее!

— Сама ты — чудо!

— Я? — И Марта побежала к дому, а Ян за ней.

За скрипучей калиткой у девочки было свое царство. Между заборчиком и сарайкой она хранила отполированные морем корешки, втыкая в землю под высохшей насмерть старой черной вишней, точно это деревья росли такие странные и белые из песка. А на них веревочками Марта привязывала камни с дырочками.

– Сколько куриных Богов! – удивился Янис.

– Пойдем, пойдем! – звала Марта за собою друга. Под широким навесом прихожей прямо на полу, на бумажном эскизе из тонких пластин разноцветного янтаря среди таких же причудливых деревьев-корешков красовались две огромные Жар-птицы. Камешки разных оттенков от «морского» до «земляного» находила Марта на Янтарном берегу. Водянисто-прозрачные и матовые. Цвета льда и костяные. Зеленоватые с водорослями внутри, пенистые и серебристые с вкраплениями каких-то металлов! Не хватало до полной картины только крыльев и боковин.

– Теперь ты мне веришь? – воскликнула Марта.

– Я тебе всегда верил, – ответил Янис. – Хочешь? Сегодня за янтарем вместе пойдем!?

– Море городских не любит! – отрицательно качала головой она, выходя на волю и увлекая за собою друга.

– А ты что, деревенская?

– Нет.

– А какая?

– Мастерская.

– Какая разница?

– Большая! – отрезала девочка.

– Марта? – раздался из спальни голос матери.

– Я быстро вернусь! Ты спи! Спи! – ответила Марта, стыдясь ее перед новым приятелем.

И через пять минут оба были снова у пирса.

– Жди здесь. Хорошо? – твердо приказала городскому пареню «мастерская» подружка.

– Нет. Я с тобой! – не послушался Янис, и ступил в топь оголенного дна.

– Ну, пошли, – Она тоже не очень то хотела расставаться, – Ты там в городе один, или братья-сестры есть?

– Есть два брата, только они старше.

– А я одна, – Марта подняла замысловатый корешок. Под ним лежал темный камешек, похожий на оплавленный кусочек битума. Почти черный темно-коричневый кусочек янтаря оказался первым трофеем.

– Ух ты! – удивился Янис. – Так легко находится...

– Когда как, – кивнула девочка.

Они уверенно удалялись от берега. Но утренняя потасовка отняла время, и теперь его оставалось на поиски меньше, чем

– Странно ходить по дну. Как по намокшей пустыне, – улыбнулся Янис.

– Смотри! Это мои любимые водоросли! Они на цветы похожи! А вон рыбки остались в заводешке. Идите сюда! И как их чайки не заметили? – Марта собрала трепещущих рыбок в корзину. – Ты не слушай, что Ия го-ворит. Просто отец ушел. А мать запила. Но она обещала вчера, что последний раз!

– Ты ей веришь?

Марта промолчала. Пустой мокрый берег без моря мягко пружинил под ногами. Дно было разным. Иногда каменистым. А порою

совсем песчаным. Иногда прокисше-заросшее пахучими водорослями и скоплениями мидий. Над головами вились чайки. Тоже в поисках случайной добычи. Орали, как заполошенные. Под камнями, которые выворачивала Марта, прятались смешные крабики.

– Ты не боишься потерять берег? – невольно оглянулся Янис, когда линия поселка исчезла за горизонтом.

– А чё бояться? Мы – на севере. Материк – на юге. Идти обратно встреч солнцу. Мимо берега не пройдешь! – засмеялась Марта. – Ты лучше янтарь ищи! Он полезный. Знаешь, какой полезный?

– А ты знаешь?

– Про янтарь? Все!

– Тогда скажи, эти слезы или дары солнца? Марта снова рассмеялась:

– Когда как. Когда слезы. Когда дары. Вообще-то янтарь не совсем драгоценный камень, а окаменевшая, но мягкая и легко поддающаяся обработке смола. А, если ее поджечь, фимиам! А, если потереть, или растолочь в порошок, она лечебная!

И Марта стала рассказывать о том, что единственное в мире промышленное предприятие по добыче янтаря открытым способом в карьерах, когда сильной водяной струей размывают янтареносную, так называемую «голубую землю», находится в поселке Янтарном Калининградской области России, который практически рядом с ними, рукой подать. Залежи янтаря в Калининградской области составляют не менее 90 % от мировых. Встречается янтарь на Сицилии (там его называют симетитом), в Румынии (румэзит), Мьянме (бирмит), Канаде, в некоторых местах Атлантического побережья США, Доминиканской Республике, на Украине (Ровненская область), в незначительном количестве на побережье прибалтийских стран.

На Древней Руси янтарь назывался илектр, описывался в азбуках, как «камень зело честен, един от драгих камней тако именуем, златовиден вкупе и сребровиден». Может быть, горючесть янтаря или илектра послужила поводом к появлению мифического «бел-горюч камня Алатыря»... Янтарь украшал даже головной убор египетского фараона!

Они шли быстро и забыли, увлекшись разговором смотреть под ноги.

– А я слышал, если уйти далеко от берега, можно на зыбучие пески попасть.

– Это правда, – подтвердила Марта. – Только они там! Левее! – показала она.

Послышался явный плеск и шум прибоя. Но самой воды еще не было видно. Не было видно и берега. Калошки у Марты все-таки резиновые. И даже через два носка холод начал действовать сначала на ступни. Потом на голени и коленки. Щипцами обхватил бедра.

– Холодно, – сказала девочка.

– Хи! У тебя носик покраснел! Смешная! Может, ну его, этот янтарь? Пойдем домой?

– Еще немного и мы подойдем к морю. А вдруг найдем солнечное сердце? Говорят, оно у самой крошки живет! Если честно, я и сама никогда так далеко не заходила. Трусила, – призналась Марта и двинулась даль-

ше. Ян за ней.

Солнце поднималось. И, скорее всего, море совершенно не собиралось открывать таинства дна, от которого активно пошли испарения. Молочными клоками поднялись они над лужицами и заводешками. Еще громче завершали чайки и повернули к берегу. А Марта и Янис все шли и шли, пока не поднялся туман по самые плечи, и не стало видно под ногами песка.

– Может, вернемся? – робко напомнил Янис. – Никаких камней тут больше нет. Сплошной песок!

– Да, – согласилась, наконец, смелая девочка, и наткнулась калошками на морской булыжник. – Стой! Смотри! – подняла она его.

Тяжелый и прозрачный. Еще мокрый. Смешанных оттенков от молочно-бело-костяного до медово-оранжевого внутри и солнечно-желтого, огромный самородок потряс обоих своей красотой. Марта тут же оборвав ближайшии водоросли, укутала в них, как новорожденного, кусок янтаря и бережно уложила в корзину.

Только море ли, солнце ли, не хотели отдавать эту редкость. Туман быстро сомкнулся над головами ребятишек и стал уверенно подниматься выше и выше, поглощая пространство и звуки.

– Ян! – воскликнула Марта в молочном мареве, – Теперь у моих птиц будут самые потрясающие крылья!

– А ты уверена, что мы доберемся до берега, и море нас не догонит?

– Уверена. Ты только держи меня за руку, Ян!

Дети сомкнули руки. Ян забрал корзину, чтобы Марте стало легче. И ориентировался только на красное мутное пятно ее куртки. А она, чувствуя тепло парнишки, закрыла глаза от удовольствия. Стиснула крепко руку незнакомого почти парня. Горячая кровь быстро ее обогревала, чувственно вибрировала невидимыми множественными электро-токама. Эти невидимые импульсы, передаваемые через теплую ладонь, согрели запястье. Руку. Шею. Обожгли грудь и плечи. И, отодвигая внутренний холод, мощной волной стали опускать его ниже и ниже. Через рукопожатие передавалось божественное состояние первой любви. Марта быстро согрелась до самых калош.

Дети шли быстро, но осторожно. Солнце исчезло. И туман уже безраздельно властвовал над побережьем.

– Ян! – спросила Марта. – А у тебя там, в Калининграде есть девочка?

– Нет, – ответил Ян и не увидел, а почувствовал, как Марта улыбнулась рядом.

– Если мы выберемся...

– А мы выберемся?...

– Мы выберемся, Ян! Я отдам тебе этот янтарь. Хочешь?

– Нет. Море тебе подарило его, – возразил Ян. – Ты как никто этого достойна. Ты... хоряшая.

– Да? – переспросила Марта.

– Очень хорошая, Марта, – подтвердил Ян.

И рука его дрогнула. Ей показалось, что они все-таки зашли левее. В какую-то минуту полная потеря ориентации заставила Марту остановиться.

– Погоди. Давай послушаем, что оно скажет! – воскликнула она,

– Нет! Не смей! Не отнимай руки! Ты поте-ряешься! Я тебя не вижу! Даже близко не вижу. Сплошное молоко!

Море молчало. И дети молчали. Только сердца их бились громче и громче, разгоняя туман. Тревога быть затопленными ледяной майской водой ударила резким адреналином в голову.

– Ты только не паникуй, – неожиданно спо-койно заявил Янис, больше утешая подругу, нежели себя, – солнце ведь должно где-то быть!

– Хоть бы ветерок поднялся! – вздохнула Марта. И снова скомандовала, – пошли! Мы движемся к берегу по-любому! Пошли ско-рее, а то море вернется и... – дальше она боялась даже представить.

Минут сорок блуждая где-то возле берегов, они снова остановились. Ян спросил:

– А, если мы никогда...

– Тихо! Не говори этих слов! – закрыла ему рот легонык Марта.

– Почему? – тут же прижал он к лицу про-хладные пальцы. Но Марта по-прежнему в тумане даже не видела его лица.

– Море обидится и заберет нас!

– Оно живое?

– Конечно, живое! Обними меня. Я боюсь. Мне надо собраться. Янис крепко обнял Марту.

– Оно любит, когда я ему пою.

– Тогда спой.

Дети снова расцепились и тронулись в путь, держась за руки.

Марта запела. Тихонько и тоненько, все выше и выше забираясь в песне, как по ступеням до самого неба, которое было видно только ее голосу.

Любопытный туман плотно держал звук. Но Марта старалась. Громче и громче повторяла она припев песни. А самое окончание вывела так мощно, что обессилела вовсе и чуть хрипло произнесла:

– Оно меня выпило!

– Ты молодец! – похвалил ее Янис. Поце-ловал в щеку.

– Первый поцелуй в тумане, – хихикнула обессилена Марта. Янис остановился.

– Ты самая удивительная. Самая потрясаю-щая девочка на свете! Я разглядел тебя толь-ко сейчас, когда не вижу. Все как во сне! Правда? Сегодня ты нашла не только сердце моря. Но и... вот это. – Он взял ее ладонь и приложил к груди. – Чувствуешь?

Горячее сердце мальчишки стучало сильно, ударяясь о ребра, точно просилось выпрыг-нуть не только из груди, но и из тумана.

Он поцеловал Марту в губы и мягко заглянул в глаза совсем рядом. И Марта увидела его нежную заботу. И солнце! Тонкий первый луч прорезал туман.

– Туда! Надо бежать туда! – взмолилась Марта, мгновенно сориентировавшись, – Быстрее! Отпусти же! – крикнула она уже сейчас.

Они действительно зря остановились. Что-то начало затягивать обоих, пугающе всасываясь в обувь. Ян отпрыгнул, не выпуская Марту из вида, протянул ей руку:

– Ну же! Оставь ты свои клешни! Давай! Давай! – закричал он, и вытянул девочку из сапог.

В одних шерстяных носках Марта побежала за ним к берегу. Туман редел. А море прибы-вало. И, прибывая, настигало беглецов по пятам.

– Марта! Милая Марта! Давай, если мы вы-беремся, никогда больше не расставаться!

– Беги, Янис! Беги! – отвечала Марта, – конечно мы будем вместе.

– Всегда-всегда?

– Всегда-всегда!

– Клянешься?

– Клянусь! – кричала Марта, спотыкаясь о мелкие острые рифы и раздирая коленки в кровь.

– Твой красный плащ! – запыхавшись, орал рядом Янис, перекрикивая догоняющие коварные волны, – Он так выручил нас! Я только благодаря красному цвету вижу тебя, милая любимая Марта...

– Ты сказал «любимая»? – остановилась девочка.

– Да, я так сказал, – воскликнул Янис, увлекая ее за собою, – беги, Марта, беги, не останавливайся!

И дети бежали снова.

Вконец измученные они увидели дома по-селка и сети рыбаков.

Плюхнулись под соснами и с ужасом наблю-дали, как волны достигли обычных пределов, разыгрались и дергали омыленный пирс.

– Ты плащ порвешь, – поднял Ян Марту с земли.

– Он крепкий, – возразила, гордясь об-новкой, Марта.

– Скорей в тепло! Ты босая! Можно я тебя провожу?

Войдя под навес, ребята остолбенели от увиденного.

Посередине пустого эскиза на полу сидела пьяная Эльза. Обильные слезы стекали с ее лица. Она перебирала струны новенькой ги-тары, на которой была приклеена квадратная бумажка со словами «Подарок для милой Марты».

– Мам, зачем? – опустила девочка рядом, – Зачем ты это сделала? Зачем ты продала янтарных птиц?

– Птиц? – удивилась Эльза. – Жизнь – это выбор. Что-то подарив нам, она не стесня-ется забирать то, что ей хочется. И не спраши-вает, нравится нам это или нет! Я только хочу, чтобы ты никогда... никогда не поня-ла, почему я так делаю, родная! Пусть у тебя будет другая, счастливая, светлая и правиль-ная жизнь, – выразительно глянула она на Яниса, и, пошатываясь, направилась в дом.

– Ты же обещала! – крикнула ей вслед Мар-та.

– Клянусь, это в последний раз, – снова заверила пьяная Эльза уже из спальни.

Марта скинула мокрые носки и надела ту-фли. Потрясенный увиденной сценой, Ян молчал. А она, напротив, заводилась. Начала резко передвигаться взад и вперед по опустев-шей янтарной мастерской.

– Я не намерена все так оставить. Поменять панно, поменять мечту! Два года поисков! На какую-то гитару! – простонала она, стиснув зубы. – Эх, мама-мама!

– Не на какую-то гитару, – поправил Ян, – Ты должна понимать, что по поселку Ия раз-зогнала слухи о бумажном подарке, и мать отдала самое дорогое...

– Это не правильно! Так не будет! Пойдем! – решительно потащила она Яниса обратно к морю.

В кабаке Льюиса все стихло, когда Марта аккуратно положила гитару на барную стойку:

– Янтарь верни, сделка аннулируется! Ина-че вызову полицию! – спокойно сказала Мар-та.

Льюис не ждал такого поворота. Он даже не успел отсыпать янтарь! Испугался. Зави-лял. До сего дня Марта казалась ему мелкой глупышкой, собирающей по берегу сокрови-ща, которым не знала цены.

Он оглянулся вокруг и, не найдя сочувствия, понял, что лучше пойти на попятную. Слиш-ком много свидетелей осталось от пьяного слезного концерта Эльзы.

– Да, господи, был бы о чем разговор! На, забирай свою морскую гальку! Здесь ее как грязи! – тракторщик поставил ведро с янтарем рядом с вздрогнувшим инструментом.

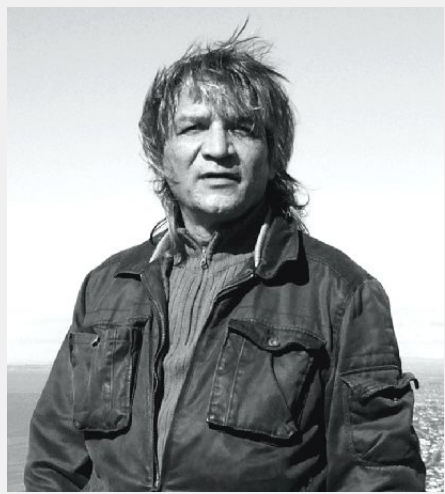
– Смотри! Лично проверю каждый камешек! Ручку дай, – твердо и злобно попросила де-вочка в красном полинялом на солнце пла-ще, и, когда Льюис подал ей фломастер, она отклеила от гитары бумажку со словами «По-дарок для милой Марты», на буквах «РТ» жирно вывела «М», и приспособила ее к ведру, – вот теперь все будет правильно! Пойдем, Ян!

Рыбаки собирали сети. О том о сем толко-вали какие-то бабы. Резвились мальчишки. У самых волн бродила Ия, новенькими ко-жаными сапожками отбрасывая камешки, прибитые к пирсу, настойчиво ища «серд-це», которое принадлежало уже не ей. Укро-щенное море и не думало злиться. Оно лас-ково шелестело, волна за волною, точно с одной просвечивающейся ладони на другую перекладывая солнце и любуясь им, а заодно и собою в новом солнечном платье весны.

– Ты уверена, что все делаешь правильно? – покорно нес ведро, наполненное пластинами будущего панно стоимостью не менее ста миллионов, Ян, и совершенно не отдавая себе в этом отчете.

– Балтика без янтарного сердца – не море! – ответила Марта. – А птицы, огненные Жар-птицы, которые раскидывают перья облаками по утрам над горизонтом, без крыльев – не птицы! И, если мать может ради меня отдать последнюю надежду и оживить бумагу, почему мне не попытаться оживить свою мать? Выбор! Он ведь есть не только у взрослых!

Сергей Киреев

В память другу

Лунная рыбалка (Давай, выпьем Луну)

Мы выехали из Крайчерча около четырёх часов дня. Около тридцати минут потребовалось, чтобы выехать за пределы города и, наконец, освободиться от надоедливых светофоров и перекрёстков. Я свернул на трассу, ведущую в небольшой курортный городок Акароа, расположенный к югу от Крайчерча на берегу живописной, до невозможности голубой, одноимённой бухты. Когда-то именно там первые французские поселенцы, открывшие для себя этот уголок рая, охотились на китов. Кстати, чаны, в которых они топили китовый жир, стоят там и поныне, но теперь под навесом небольших, деревянных грибков, дабы сохранить их для многочисленных туристов и потомков. О бывших поселенцах сами за себя говорят названия улиц в городке, на восемьдесят процентов состоящих из французских слов.

Была середина февраля. Февраль в Новой Зеландии – это разгар лета. Тот, кто приехал сюда недавно, плавно смириться с этим не может, и упоминание о том, что это всё-таки лето, у них всегда вызывает улыбку. А тот факт, что Санта Клаусы разгуливают, выполняя свою миссию на Рождество и на Новый год по улицам в красных шортах и нередко во вьетнамках, у многих вообще просто вызвало смех. Погода в этом году, в феврале месяце, стояла прекрасная. Огромное, ярко-оранжевое новозеландское солнце находилось ещё высоко над линией горизонта и отражалось в гладких зеркалах мелководных лиманов яркими рефлекторными тарелками. Вечерело. Февраль – сезон рыбалки на угря, вот именно потому мы и отправились на озеро «Лителлива». Я не знаю его оригинального названия по-английски, но, кажется, это озеро все местные русские окрестили по названию впадающей в него реки. В общем, её-то и рекой назвать не совсем удобно, так, арык какой-то, шириной,

метров в пять-шесть. Иногда здесь можно увидеть рыбаков не столько ловящих рыбу, сколько убивающих здесь своё личное время, поскольку, кроме поднимающейся с лиманов по речке вверх тощей селёдки, ничего не ловилось, да и та шла на крючок исключительно только под влиянием чувства долга. Нам нужно было обязательно попасть на озеро перед закатом. Почему? К этому я вернусь позже. Времени у нас было предостаточно, поэтому я вёл машину не торопясь, давая возможность моему единственному пассажиру насладиться открывающимися видами. Света сидела молча и непрерывно вертела головой во все стороны, восхищенно разглядывая непривычные причудливые пейзажи неизвестной ещё ей страны и, наверное, думала о том, что никогда не привыкнет к ним, ну и, конечно, родными они ей наверняка не станут. Хотя, как сказать – поживём, увидим. Справа тянулись нескончаемые, серебряные блюда лиманов, а слева глиняные, с редкой растительностью, холмы с причудливыми обрывами, слоющимися, словно куски разрезанного, но недоеденного пирога. Вокруг хаотично были разбросаны огромные валуны, обросшие тёмно-зелёными лишаями мха. Местами они были нагромождены один на другой и создавали впечатление некоторого осмысленного строения. Совершенно не верилось в то, что они вылезли из-под земли, а не были сброшены с неба некой неведомой силой. Редкие, похожие на пальмы деревья, разбросанные по склонам холмов или одиноко стоящие у их подножья, придавали этой картине какой-то не совсем земной вид.

– Смотри, смотри!! Что за птицы? Какие необычные, и клювы у них такие здоровенные и красивые! – прокричала почти мне в самое ухо Светка.

По лиману действительно расхаживали чёрные, довольно крупные, наверное, с курицу, птицы пухека с массивными красными клювами. Название это, по всей видимости, придумали маори. Для тех, кто не знает, маори – коренное население Новой Зеландии, в общем,aborигены. Птицы осторожно ступали длинными тонкими ногами по топкому илу, отыскивая мелких крабов, ракушки и всякую другую живность. Я встречал их везде на берегах водоёмов, вот так же расхаживающих на неестественно тонких ножках-палочках.

– Это птицы пухека. Их здесь много, Света, берега лиманов испещрены тысячами маленьких норок, в них живут мелкие, как жучки, крабы, вот они и охотятся на них. Если подойти ближе к берегу, ты увидишь, что берег просто кишит крабами, – безразлично бросил я, поглядывая в зеркало заднего вида, уж слишком я медленно плёлся и не хотел причинять неудобства следующим за нами машинам.

– Слушай, ну как ты так спокойно обо всём этом можешь говорить, здесь так всё необычно. У тебя нет чувства романтики!

Я громко рассмеялся в ответ:

– Ну, ты даёшь, Светка!! У меня-то и

нет?! Ещё вчера вечером оно у меня присутствовало, если верить твоим вчерашним словам, или ты мне льстила? Кстати, по достоинству оценил твоё чувство юмора.

– Да ну тебя, ты всегда найдёшь, что сказать.

– Находчивость – черта гениев и великих авантюристов, – парировал я в ответ.

– Ну а ты, конечно, гений, я так понимаю, – Света саркастически улыбнулась.

– Без всяких сомнений, иначе я могу заподозрить тебя в плохом вкусе, ведь в авантюриста ты бы не влюбилась! Верно?

Света залилась звонким смехом:

– Ты очень самоуверенный и самовлюблённый гений, в такого могла влюбиться только такая неискушенная и доверчивая девушка, как я...

– Ты перечислила не все свои достоинства, Светка, я знаю, у тебя их гораздо больше.

– Ага... Кстати, одно из них – это скромность, а у тебя оно полностью дефрагментировалось в недостаток.

– Чего, чего оно сделало?

– Дефрагментировалось. Да ну тебя, я уже запуталась совсем, с тобой это легко...

– Это потому, что ты всегда пререкаешься, Кнотёнок!

– Ну, посмотрите только на него. Гений во всей красе и пререкаться с ним невозможно!

– Ещё немного, Светка, и я отгрызу тебе ухо, – мне было так смешно от её слов, что стало трудно вести машину. – Вместо того, чтобы ёрничать, лучше бы местные виды разглядывала, а то ведь потом скажешь, что я тебе всю дорогу мешал. Не забывай, обратно мы уже ночью двинемся, ничего, кроме звёзд, не увидишь...

– А мне и звёзд будет достаточно, они здесь тоже необычные и светят не так, как в России. И потом такой Гений рядом... – она обхватила мою шею и чмокнула в щёку. – Слушай, на склонах холмов так много овец, но я не видела, чтобы они выходили на дорогу.

– А ты приглядиись повнимательней, вдоль всей дороги идёт изгородь из тонкой проволоки, а по ней слабый электрический ток, вот они и не выходят за неё...

– Вот как?! – она прищурила глаза и тут же заметила редкие столбики в небольшом отдалении от дороги:

– Точно!

До озера оставалось уже немного, километров пятнадцать.

Вскоре ландшафт справа начал приобретать другие формы. Лиманы оставались позади, а на смену их отвоёвывала пространство скудная, поросшая высокой рыжей травой, необычная степь. Слева всё тоже постепенно менялось – глиняные, холмы-пироги отдалялись от дороги, уступая место такой же скудной степи.

– Скоро будем на месте, Кнотик...

– Озеро по какому борту ждать, капитан?

– Справа по курсу, как только скалы появятся, считай, что приехали...

– Здорово!

Я свернул вправо от шоссе, и шины внедорожника зашелестели по гальке. Метров через двадцать я остановил машину и вышел, чтобы открыть низкие, сваренные из труб ворота. Неизвестно, что и от чего они отделяли и кому преграждали путь, поскольку ни справа, ни слева от них никакого забора или проволочной изгороди не было. Похоже, эти ворота отделяли один мир от другого. Мир реальный от мира вымышленного. Мы выехали на скучный пустырь, которому словно во все стороны нет конца и края – он был поросший высокой выпуклой травой, казалось, неживой высокой травой. Я часто видел здесь людей с ружьями, охотящихся на зайцев, обитающих здесь в изрядном множестве. Метрах в двухстах паслись лохматые, похожие на стожки сена, овцы. Через несколько минут сплошная заросль превратилась в редкие островки и плещи, а потом и вовсе исчезла, и мы, наконец, выехали на берег озера. Дул небольшой, но довольно прохладный ветер, странно, почему на берегах водоёмов всегда чего-то дует? Озеро это, по меркам Новой Зеландии, довольно большое. С левого до правого берега оно тянулось, видимо, на полтора-два километра, с нашего берега до противоположного, наверное, метров пятьсот-шестьсот. Берег, на котором мы находились, был покатым и плавно уходил в воду в грязно-жёлтых пузырях пены у кромки прибоя. Другая сторона была полной противоположностью. Отвесный срез скалы высотой в добрую полусотню метров с вертикально-наклонными разломами напоминал непреступный берег необитаемого острова. К краям озера скала, постепенно снижаясь, переходила в такой же скучный пустырь, покрытый галькой и высокой травой. Я остановил машину на небольшой чистой прогалине между двумя одинокими плещинами травянистых зарослей:

– Приехали, выгружаемся! – скомандовал я, исподтишка наблюдая за Светкиной реакцией. Надо сказать, что открывшаяся скучная, совсем не экзотическая панорама несколько не воодушевила её. Светкины уголки губ съехали книзу, а глаза, обманутые ожиданием, погрузились. Я же, глядя на нее, напротив, еле сдерживал улыбку:

– Ну, что же ты, давай помогай! Давеча кто-то заснуть не мог от предвкушений романтики, а теперь из машины вылезать не хочет...

– Ты куда меня завёз? Это что, то самое место, куда мы битых два часа добирались? Я так не играю, мы так не договаривались! Это всё выглядит, как, к счастью, недосмотренный неприятный сон: ни зелени, ни пальм обещанных, ни оранжевых попугаев...

– Ну, с пальмами я, положим, пошутил, а вот оранжевых попугаев ты сама придумала. И потом мы на рыбалку собирались, а не в ботанический сад, а здесь, смею заметить,

угорь идёт, как оглашенный...

Света вышла из машины, осмотрелась, поёжилась после тёплого салона автомобиля на прохладном ветру:

– Угорь глупый, и тот понимает: ему с таких-то красот всё равно куда иммигрировать, даже на сковородку согласен, вот и клюёт, как ты там говоришь, как оглашенный.... Брр и холодина такая, – она застегнула замок лёгкой куртки до самого верха и плотней обернула вокруг шеи короткий лёгкий шарфик.

О первопричинах иммиграции угря мне, откровенно, Светкина версия довольно понравилась:

– Слушай, Кнотик, Дарвин, по сравнению с тобой, первоклашка сопливый...

– Согласна, не дотягивает, ну не тебе же одному лавры примерять, в конце концов, дай мне хоть одной веточкой покрыться! Ладно, ты делом заниматься думаешь?

– Подожди немного, сейчас всё устроим, вот разожжём огонь, зажарим шашлыки, «Шардоне» откроем, и всё твоё первое впечатление забудется. Правда, попугаев я тебе всё-таки не обещаю, но вот копченого угря гарантирую...

– Да я не ворчу, просто с ожидаемым не сошлось. Копчёный угорь – это просто здорово, я обожаю копчёного угря да ещё в таком живописном месте – пальмы, попугаи! – Света смешливо огляделась по сторонам. – Давай помогу, чего ты его один тянешь, мангал ведь тяжелый, – с этими словами Светка подбежала ко мне.

Я уступил ей один край, и через минуту мы водрузили его в десятке метров от берега. Потом выгрузили снасти, продукты и дрова, я подключил к электрическому насосу надувную лодку. Когда в мангале разгорелось пламя, я набросал туда побольше дров и предложил Светке прогуляться:

– Пошли по берегу побродим, я разбужу в тебе вкус к романтике, поверь, она здесь повсюду...

– Хорошо, идём, с пальмами ты меня обманул, вот так мне, наивной, и надо, но сейчас я тебе верю.

Мы медленно пошли вдоль берега. Я обнял её за плечи, а она сунула свою тонкую ладонь в задний карман моих брюк:

– Кнотик, у тебя волосы до сих пор душем пахнут. Светка вопросительно подняла голову:

– Я забыла перевод. Кнотик, это что? Звучит вкусно, это, случаем, не съестное?

– Кнот – это морской верёвочный узел по-английски, хотя это же применимо и к скорости.

– Ладно, буду Кнотиком. – И, помолчав, добавила, – Всё не приевшиеся котик, кролик, зайчик...

Было ещё довольно светло, но солнце уже перевалило за пограничную черту, отдалявшую день от вечера, ветер стих, и наступило предзакатное затишье. На гребне

возвышающейся скалы полыхало оранжевое пламя заката, отражаясь в редких перьевых облаках и гладком зеркале озера. В зарослях травы иногда, перебегая с места на место, кто-то шумел, возможно, птицы, а, возможно, и зайцы, а может быть и опоссумы. Немного поодаль от того места, где мы разбили лагерь, стоял старый заброшенный дом. Он сейчас как раз был у нас на пути, только чуть в глубь от берега. Штукатурка с его стен местами осыпалась и обнажила каменную кладку, давно не крашенные стены хранили отпечатки и автографы бывших обитателей. То там, то здесь можно было увидеть остатки каких-то надписей, обрывки слов.

– Давай зайдём, Светка? – предложил я.

– Я боюсь, этот дом такой старый, что в нём, наверное, ещё живут привидения...

– Брось, трусиха, ты же со мной и, к тому же, с привидениями у меня негласный договор о творческом сотрудничестве, они мне души поставляют, причём, заметь, самые лучшие!

Мы подошли ближе. Когда-то в этом доме, как оказалось, находился лодочный клуб, а теперь всё было в полнейшем запустении. Это мне показалось довольно необычным фактом для Новой Зеландии. На берегу такого большого озера когда-то находился клуб, а теперь его не стало. Озеро стоит, а клуб развалился? Хотя это, наверное, потому, что до ближайшего жилья отсюда довольно далеко. Внутрь мы заходить всё-таки не стали. Ну, что там можно было увидеть интересного, кроме, может быть, забредшего и умершего там барана? Напротив домика, на берегу, ещё были видны остатки некогда существовавшего здесь деревянного моста. Я живо представил и даже услышал топот мокрых босых ног, бреление уключин, стук вставляемых вёсел.

– Димка, смотри, дыма не видно, может, уже дрова прогорели? – Светка приподнялась на цыпочки, пытаясь разглядеть пламя мангала.

– Ладно, поворачиваем назад. Как раз время и сеть ставить, солнце к закату движется.

Угорь – рыба очень необычная и интересная, мне иногда очень трудно свыкнуться с мыслью, что это всё-таки рыба. Будь моя воля, то я, наверное, придумал какой-нибудь новый подраздел для этого вида земноводных. Сезон рыбалки на него начинается в конце января, в начале февраля. Что интересно, угорь ловится только на закате солнца и после него ещё два, два с половиной часа. На удочку он клюёт просто потрясающе, это – настоящая азарт, игра, если хотите, даже охота. Угорь – рыба очень сильная, чтобы вытащить её, нужно приложить кучу усилия, но ещё тяжелее, наконец, вытащив её на сушу, снять с крючка. Вот тут начинается настоящее шоу. Поговорка: «скользкий, как угорь» оправдывает здесь себя полностью, в совокупности с силой и скоростью его вращения на суше превращает это действие в «увлекательное» единоборство, родео.

Если вам попался большой угорь, вероятность снять его с крючка живым очень мала. Конечно, опытные рыбаки на угря делают это за считанные секунды, но новичкам приходится туго. Лично я для ловли угря всегда использую специальную сеть. Это металлическая рамка, точнее, полуокружность диаметром около полутора метров, обтянутая сеткой-«хамсаросом» с воронкообразным входом. Чулок или мотня (в простонародии) делается длиной до трёх метров. В неё обычно кладут куски тухлой рыбы, хлеб, ненужное или испорченное мясо. Примерно такой же конструкции плетут так называемые «морды», но только из лозы, у нас на родине, в России. Как всегда на закате сетку заносят или завозят на глубину около полутора метров, глубже не требуется, и оставляют на два, два с половиной часа. Ну, а потом с помощью верёвки-подборы её выбирают на берег. Ну, вот это, пожалуй, вполне полное описание всего процесса. Для глубины впечатления о рыбалке на угря я всё-таки прихватил с собой спиннинг, весь азарт рыбалки можно испытать только с удочкой.

Я стащил лодку в воду, бросил в неё наживленную сеть.

— Светлик, потравливай конец, я отплыву метров на десять, а ты держи его покрепче!

— Какой такой конец, Димка?

— Ну, верёвку эту, что у тебя в руках...

Через полчаса сеть была уже в воде, конец верёвки обмотан вокруг витого на берегу штыря, лодка на берегу, я занят шашлыком, закат догорал тёмно — алым цветом, а Светка топталась вокруг вне себя от нетерпения. Милая моя, смешная Светка!

— Ты всё не так делаешь, подожди, я помидоры нарежу! И куда ты дел лук? — Она нашла в куче пакетов спасшуюся во время сборов от моей сортировки разделочную доску, — Вот видишь, а ты говорил, не нужна!

— Каюсь и снимаю перед твоей прозорливостью свою набитую соломой голову!

Вскоре в мангале зашипели вспышками огня капли жира, и в воздух поднялся аромат маринованного по моему рецепту мяса, поджаренного лука и помидоров.

— Димка, пахнет-то как здорово! Первый раз буду есть новозеландский шашлык из самого настоящего новозеландского барашка!.. Туши!!! Туши!!! Димка, ну куда ты смотришь?! Нет, ну что бы ты без меня делал? — Светка жужжала вокруг мангала с брызгалкой, спешно туша появляющиеся то там, то сям языки пламени. — Ну, вот теперь не загорится... — она удовлетворённо посмотрела на результаты своего тушения.

Начало смеркаться, последние всполохи заката ещё виднелись у линии горизонта, но уже чувствовалась тихая поступь приходящей ночи. Дикие утки шумно переговаривались в зарослях камыша, устраиваясь гурьбой на ночлег. И вдруг ниоткуда, словно из-под воды, появились два лебедя... Черный и белый — он и она. Они медленно плыли в каком-то десятке метров от берега, величественно поднимая головы на длинных шеях, не было видно ни малейшего дви-

жения воды под ними, они действительно плыли, плыли над стеклянной гладью озера. Он был горд ею, а она была горда им, они, наверное, любили друг друга, иначе их движение не было бы столь торжественным. Любить — это, наверное, и торжество тоже, торжество великого чувства, чувства не подвластного времени и эпохам, войнам и бедствиям, временам года и катаклизмам, всё это лишь во много крат усиливает её.

— Света, лебеди!!!

Но она уже смотрела на них, молча теребя кончик шарфа, забыв обо всём на свете: шашлыке, рыбалке, времени и стране Новой Зеландии:

— Димка, какие они красивые, правда? Такие гордые, посмотри, сколько в них достоинства, его столько наверное не найдёшь в человеке. Черный и белая...

Я подошел к ней совсем близко, обнял за плечи, коснулся губами её волос... Света подняла на меня глаза и положила голову на моё плечо:

— Скажи, это правда, что они никогда не расстаются? Говорят, оставаясь в одиночестве, без любимой или любимого, они умирают от тоски... Это так?

— Не знаю, Светка, наверное, правда.... Это должно быть правдой.

— Тогда держи меня крепче и никогда не отпускай, если не хочешь, чтобы мы умерли с тобой от тоски друг по другу, Димка... — она поймала мою руку и крепко сжала в своих маленьких ладошках.

— Никогда, слышишь, никогда не отпускай меня, Димка... — Её глаза наполнились слезами.

— Никогда, Светка, никогда я не отпущу тебя...

— Спасибо тебе, ты у меня самый замечательный, я верю тебе...

Мы стояли у самой кромки воды, тихо провожая лебедей восхищенным и завистливым взглядом, а они, тихо скользя над поверхностью озера, медленно растворялись в вечернем, зыбком бытии. Эти два лебедя появились из ниоткуда и туда же уходили, словно картинка на вращающемся ночнике. Я стоял и ждал, когда же Светка спросит меня о реальности того, что мы только, что видели.

— Слушай, Димка, я не могу отделаться от ощущения, что всё это было во сне. А ты?

— И я, Светка... Знаешь, а я ждал, что ты спросишь меня об этом...

— Вот и дождался... Странно, но мне кажется, что всё то, что со мной сейчас происходит тоже нереально, что это только лишь сон, я боюсь просыпаться, хотя совершенно уверена, что проснусь в приподнятом настроении.

— Я знаю, почему, Кнотик...

— Почему, Димка?

— Потому, что мы очень долго этого ждали, нам, наверное, это даже снилось, ну пусть не совсем так, но вот ощущения, которые мы

сейчас испытываем, мы, наверное, когда-то уже испытали.... А теперь тебе в это просто не верится. Сон продолжается, слившись с реальностью и перемешав краски...

— Шашлык, Шашлык!!! Димка!!! Он сейчас сгорит!!!

Мы кинулись к мангалу спасать торжественный ужин с красным вином и звёздами в бокалах. О, счастье, паника была напрасной, мясо приготовилось просто чудесно. Светка выложила горячий, невероятно аппетитно пахнущий шашлык на большое металлическое блюдо, посыпала рубленой петрушкой, лимонной цедрой, зелёным молотым луком, уложила колечками красного и жёлтого болгарского перца, сбрызнула последний раз оставшимся маринадом. Я почти давился слюной от запаха, от вида можно было умереть, получив заочно завороток кишок. Светка, стоя на коленках, колдовала над тарелкой с салатом, а я стоял позади неё и думал: «Неужели я буду видеть её всегда, неужели я смогу слышать её шаги, слышать, как она что-то напевает на кухне, ощущать её горячее дыхание и слушать, как она разговаривает во сне?» Вот так всегда, всегда она и звёзды в бокалах с красным вином. Да, это, действительно, напоминало счастливый цветной сказочный сон Оле Лукойе.

Я присел рядом:

— Тебе помочь?

— Открой вино, Дим... Бокалы в чёрной сумке, смотри не переколоты, а то будем пить из горлышка по очереди.

— А если я разобью вино?

— Не смей, вот этого ты не сделаешь, ну а если тебе это всё-таки удастся, то будем пить Млечный путь...

— Здорово, Светка, я хочу пить с тобой Млечный путь, пошёл разбивать вино, — я встал и отправился исполнять мужскую половину обязанностей. Бокалы остались жить, вино безопасно откупорено и разлито, теперь лишь надо было смешать его со звёздами вселенной.

Мы сидели в ночи, на краю расстеленного покрывала, сзади нам слегка подсвечивали угли догорающего мангала, сверху — огромный яркий диск луны и, конечно, наши звёзды, наши со Светкой две счастливые звёзды. Ни я, ни она не знали, какие они, но мы точно знали, что там, наверху, среди миллиардов других, они есть.

Я поднял бокал с мерцающей в нём луной:

— Смотри, у нас в бокалах не просто вино...

— Мы выпьем с тобою луну, да, Димка? — Света подняла свой и заглянула внутрь:

— А раньше ты пил с кем-нибудь Луну? — Она посмотрела на меня блестящими в звёздах глазами. Таким глазам невозможно врать.

— Нет, никогда, это правда... Светка pokrутила в руке свой бокал:

— Я хочу размешать Луну в вине, чтобы ничего не осталось на донышке, я хочу выпить её всю...

– Тогда за нашу Луну, за то, что впереди! За то терпение, что подарило нам эту Луну, за тебя Светлик!..

– Спасибо тебе, мне никогда не дарили планет...

– Это всего лишь спутник, любимая...

– Ну и что, это очень большой спутник, и он теперь наш...

Готовый шашлык превзошел все ожидания. Молодая баранина, вымоченная в сухом кислом вине с добавлением коричневого сахара и лимонного сока, конечно, лука-шалота и свежего горького перца, была сочной и удивительно мягкой, она не потеряла волокнистую основу, но откусывалась, словно состояла из сплошной сочной массы. Запах был такой, от чего невозможно было отложить шампур в сторону!

Всего неделю тому назад, я сидел на берегу Авена, там, где он был превращён в большую зелёную поляну, а на противоположном берегу старый деревянный мостик, облобованный дикими утками. Их то и дело распугивал серый, опрятно постриженный пудель. Он неожиданно появлялся из кустов, с громким лаем мчался по мостику и, убедившись, что никого больше на нём нет, останавливался на самом конце и нюхал воздух. Тогда я мог только лишь мечтать о том, что смогу вот так просто смотреть на неё, на мою Светку, на человечка, которого я так долго ждал, возможно, всю жизнь...

Мы заразительно смеялись, стирая с губ друг друга капли красного вина и бараньего жира, мы сражались на шампурах и на спор метали их в трухлявую доску, искали наши созвездия и галактики, бегали босиком по берегу озера, поднимая кучи брызг в серебре звёзд. Остановить бы время и забыть о нём навсегда, пусть всегда светит на небе нам золотая луна, пусть звёзды улыбаются нам своим светом! Эх, мне так хотелось, чтобы это было всегда.

– Димка, ты обещал научить меня ловить угря на удочку! Было такое?

– Ну конечно, было! Давай, тащи спиннинг...

Я помог Светке наживить на крючок кусочек шашлыка и даже сам забросил:

– Вот теперь держи крепко, подсекать не торопись, подожди, угорь – рыба прожорливая, от наживки не отойдет, пока не заглотит. Держи, – я передал Свете спиннинг, отошел метров на пять в сторону и принялся наблюдать за ней со стороны. Света нетерпеливо переступала с ноги на ногу в ожидании клёва страшной рыбы, и – это случилось! От неожиданности она сначала хотела бросить спиннинг и убежать! Судя по тому, как согнулось удище, угорь был крупный, но потом, сунув спиннинг подмышку и ухватив его двумя руками выше катушки, начала отступать назад. Я прыснул в кулак: «Ну и рыбка! Уже забыла, что надо катушку крутить, а не по берегу назад отступать, пока рыба сама на берегу не окажется».

– Димка, Димка!! Я поймала кого-то, оно там, на крючке, в воде!! Что мне с ним делать?! – Светка искала глазами меня.

Я больше не смог и рассмеялся в голос:

– Беги со спиннингом к трассе, он сам на суше, хочешь не хочешь, объявится, а я за тебя его с крючка сниму, пока ты возвращаться будешь!

Удилище начало ходить из стороны в сторону, увлекая каждый раз и Светку то вправо, то влево, причем она не останавливалась и, крутясь в такт спиннингу, продолжала отступление в глубь пустыря.

– Света, катушку, катушку крути, не давай ему водить!!

– Какую катушку, я не могу, я боюсь, там акула, наверное, или чудовище лохнесское!! – она начала потихоньку правой рукой подбираться к рукоятке катушки, – Димка, что тут смешного, твою любимую сейчас съедят, а ты гогочешь! Ну, помоги же мне, ну будь человеком, я боюсь!!

Я подошел к ней и перехватил удище. Света, освободившись от спиннинга, все равно продолжала по инерции или от страха отступать к пустырю.

– Светка, ты куда? Заблудилась.

Опомнившись, она вернулась на берег и стала с интересом наблюдать за моей борьбой с сильной рыбой:

– Ты только не упусти, тащи его, тащи! Это мой угорь, я его зажарю и сама съем!

– Перестань меня смешить, а то я его точно упушу!..

Угорь был действительно крупный, по моим расчётам, кило на два, для угря это много. На поверхности начались всплески, уже можно было различить его длинное змееобразное тело в свете луны.

– Димка, я его вижу, вижу!!! Ты только не упусти моего угорька хорошенького! – Светка бегала вокруг меня, то и дело подбегая к самому краю воды, с нетерпением ожидая появления её угря. Наконец я вытащил его на берег. Он начал крутиться вокруг себя, как делает это крокодил, когда захватывает добычу. За считанные секунды он наматал на себя оставшиеся поводки с крючками и грузило. Посветив фонариком, я не стал разбираться со снастями, а просто обрезал леску. Светка была в восторге, но подходить близко боялась.

– Принеси мешок, пожалуйста, Кнотик...

– Нет, пусть полежит, Дим, я посмотреть хочу...

– Ну, смотри, Светка, но он сейчас к воде рванёт, ползает он, как змея...

Звук хлопающих крыльев отвлёк нас от угря, откуда-то из темноты вылетела большая серая цапля и приземлилась метрах в двадцати от нас. Она внимательно оглядела берег маленькими красными глазами и, выгибая назад колени, направилась по берегу в противоположную от нас сторону. Я отбросил ногой подальше от воды угря и сел на островок высохшей травы.

– Дим, может, сетку пора вытаскивать?

– Ещё пусть с полчаса постоит. Спать уже хочешь, человечек? Иди сюда, сядь...

Света села рядом, положила голову на мои колени:

– Нет, не хочу я спать, я боюсь спать, а вдруг я проснусь, а тебя нет, и ничего нет. Вдруг это был лишь сон.

В сухостое послышался шум, по поверхности озера побежала первая рябь, поднялся ветер. Дорожка на воде от выпитой нами луны засеребрилась и заиграла кусочками жёлтого камня, из которого была выложена. Похолодало.

– Ну что, Светлик, холодает, наверное, будем вытаскивать сетку. Она тут же ожила, встрепенулась:

– Давай, мне страшно интересно, что там, чего мы наловили с тобой...

Я кинул в мешок Светкину добычу и отправился выбирать на берег сеть, медленно подтягивая её за конец. Она шла с трудом и казалась очень тяжёлой, но я знал, что тащить приходится по илу, а потому так тяжело. Через пару минут на поверхности показалась верхняя часть рамки, похожей на хоккейные ворота, ещё через минуту вся сеть была на берегу. В ней что-то шуршало, двигалось, щелкало, переползало, прыгало, Светка светила фонариком, пытаясь разглядеть, что там внутри:

– Димка, его тут куча, только в грязи всё, не разберешь...

– Неси ведро, сейчас ил смоем, не ложить же его в машину в таком виде...

Я обдал сеть несколько раз водой, смывая грязь и тину с нашего улова, высыпать угря в приготовленную пластмассовую ванну я не стал, а положил его туда вместе с сетью:

– Давай посидим немного, попрощаемся с нашей Луной и скажем до свидания лебедем.

– Давай, Димка...

Мы сели на жёлтую траву на берегу озера, луна заходила, новозеландское небо – наоборот, светило перевёрнутой Большой Медведицей. Встревоженные чем-то утки шумно гомонили в камышах, ветер шумел в сухой высокой траве, лёгкий бриз шелестел галькой о берег озера, взбивая грязно-белую пену.

– Я люблю тебя, Светка...

Она ничего не ответила, а лишь крепче прижалась ко мне. Это означало гораздо больше, чем просто слова.

Я остановил машину в кармане на обочине, перед поворотом на трассу, ведущую в Крайскерч, оставалось ещё чуть больше часа пути. Света, прижавшись щекой к оконному стеклу, мирно спала с застывшей на губах светлой улыбкой. Я сидел и смотрел на неё. Что снится тебе сейчас, мой человечек, где звучит сейчас твой звонкий смех, в какие облачные страны несут тебя крылья любви? Я улыбнулся, провёл рукой по её щеке, глянул в окно на звёзды, нашёл наши две самые яркие, помахал им рукой и нажал на акселератор...

Екатерина Асмус

Родилась в Санкт-Петербурге, 11.10.1967 года. До 4 лет жила с родителями в Африке (Хартум) и Европе (Лондон, Париж). Образование высшее – художник-модельер. С 2000 года основная работа в кинопроизводстве. Профессии: художник-постановщик, автор-исполнитель, журналист, писатель, сценарист.

Публикации: в многочисленных альманахах, сборниках и журналах. Написан и проиллюстрирован рисунками автора роман «Рок».

* * *

* * *

Мне хочется с тобой поговорить.
Не на людях. А в тишине, спокойно.
В уединении от знакомых лиц,
Приветствий, объяснений недостойных.

Мне хочется с тобой поговорить,
Чтоб ясным было слово диалога.
«Как ты живешь? Что думаешь?» – спросить.
«Когда в последний раз ты слышал Бога?»

«Как там погода? Пишешь ли стихи?
Или украдкой по ночам играешь
В компьютерные игры?»
Ты прости... Такой вопрос, наверно – против
правил!

Мне хочется с тобой поговорить.
Неспешно. Не скрываясь и не ссорясь.
Так, узелком, разорванную нить
Связать швея старается на совесть.

Мне хочется с тобой поговорить...

* * *

На канале, у проруби,
Словно семечки, утки рассыпались по снегу
белому.
Рядом топчутся голуби,
Оскользаясь по обледенелому краю волны.
А один – на буханке стоит,
Как орел над своею добычею.
Оборону держа от своих же собратьев пернатых,
Совсем непривычную,
По масштабам делимого счастья.
Но власти
Хватит ему ненадолго, конечно.
Расклучают пьедестал –
Станет голубь – лишь голубь.
Как прежде.

Прости меня, любимый город.
В грязи, руинах и снегу
Ты мне всегда предельно дорог.
Твой светлый образ берегу
И в дальних странах, и в болезни,
Когда уныньем сломлен дух,
Я вспоминаю ветра песни
И теплый тополиный пух.
Парад дворцов, мосты литые,
Каналов спутанную сеть,
Соборов купола златые
И шпилей острых в небе медь.
Державный блеск бывлой столицы
Твои дома еще хранят.
Но сила каменной десницы ослабла.
Нет пути назад.
Зов Командора нам не слышен,
А в бывшей роскоши палат
Тихонько шебуршарят мыши,
И нет замков у царских врат.
Мелькнет лицо дворянской стати
Среди заносчивой толпы
Лишь на секунду.
Дождь и слякоть вмиг слижут
Чуждые следы.

И все. В изгнание было слово
Заступничества и любви.
Остался лед, зимы оковы
И отблеск подвигов твоих.

Прости меня, любимый город!
Я, память прошлого храня,
Ничто – ни делом и ни словом –
Не в силах сделать для тебя!

Юлия Рудомазина

Рождественская поэма

Слова

Молот

Первое слово здесь будет «молот».

Вы представляете?

Вы уже представляете?

Как он опускается.

Силу удара.

Треснувшее изображение.

Дрогнувшее то, что вы почему-то

Называете мирозданием.

Вы уже слышите

Звук?

Звук удара

Молота.

Дело, действительно, в звуке

И только в звуке.

Слышите?

МО-ЛОТ

МО-ЛЛЛЛОТ

И, таким образом, второе слово будет

Колокол

Второе слово здесь будет «колокол».

Колокол.

Не колокольчик

Не малиновый, не перезвон

Не набат.

Ровный

Бой

Четкие

Интервалы

Ко

Ло

Кол

Ко

Ло

Колл

С этим звуком

(Дело, действительно, в звуке?)

Люди поднимают голову,

Поднимаются со своих мест

(Вы уже поднялись?)

Вы уже поняли?

Зачем здесь колокол).

Люди идут вслед за этим

КОЛ-ЛОЛ-КОЛЛ

ОЛЛ-ОЛЛЛ

Куда-то в метель

За треснувшие декорации

За надорванный занавес

Там, быть может,

Их ждёт

Третье

Слово.

Слово.

Третье слово здесь будет «слово»

Написанное на стене
На Квэнья или Синдарине,
На Чёрном наречии,
На галлифрейской,
Или на придуманном гэльском
Неважно.

Если раньше нам можно было

Играть со звуком,

То от третьего слова есть

Только лишь начертание,

Только графический ключ

Как имя артиста, известного ранее

И будет оно означать,

(Это слово)

Ни много ни мало

Оптимистическое

Ничего.

Самое главное

В жизни

Вселенной

И прочая, прочая

И все-все-все

Noel

Вечером

Снег будет камнем падать,

Мокрый

Будет налипать на крышах,

На ветках,

На шапках,

Ботинках,

Трамваях

На ратуше и на церкви

Местом действия, пожалуй, будет город

(Там же есть ратуша и трамваи),

Старый немецкий, может быть, датский,

И почему бы не шведский,

Ну или очень и очень британский.

Разумеется, там будет памятник

Непосредственно в центре,

Королю, мореплавателю

Или какому-нибудь банкиру

До слепого величественный

И очень высокий.

Снег покрывает его,

Как и всех смертных,

Противно приликая к лицу.

А у памятника, у постамента

Без шапки,

С припорошёнными волосами,

С мокрым лицом,

(Это талый снег или слезы?)

Стоит девочка с гитарой.

Замерзла

Пальцы скованны холодом,

И аккорды берутся всё хуже и хуже.

Но всё равно:

Никто не слышит

Ни ноты, ни звука

Никто и не хочет слушать

Мальчик,

Для которого

Есть её песня,

Сидит в тёплом доме

С чашкой какао

Или в шумном трактире

В обнимку с весёлой

Продажною девкой

Или, быть может, сгинул

В дальней-предальной стране.

А, может, и не было его вовсе

И девочки нет.

Есть большие-большие сугробы

На главной площади

Рядом с ратушей

Вокруг памятника

Около церкви.

И песни никакой нет,

Слышен только

Церковный колокол,

Оббивающий

Ровно.

Девочка Джинни

Хорошая девочка Джинни

Смотрит в окно

Смотрит, как мальчик

Пишет на стене

Дома напротив

Слово-Которое-Нельзя

(Определённо, несносный мальчишка,

Приносящий столько проблем

Несчастливым родным).

Улыбается девочка Джинни

И морщит веснушчатый носик

Думает Джинни:

«Какая дерзкая наглость

И вздорная невоспитанность!

Ну и что, что глаза голубые,

Волосы непослушные,

И свежий пластырь на лбу

Это не повод быть таким

Возмутительным!»

И отчего-то ей весело

И, одновременно, тоскливо.

Джинни берёт гитару

И извлекает пару умелых аккордов

Джинни мечтает,

Мечтает, что мальчик

Обернётся и посмотрит на её окно

И, непременно, заметит, и

Тогда наверняка...

Хорошая девочка Джинни

Любит конфеты и лёгкий рок

И каждый год с нетерпением

Ждёт Рождества

Мальчик курит,

Каждый вечер проводит в пабе

Он любит текилу, футбол

И девочку Джинни

Он никогда не получал подарков

На Рождество.

Джинни играет на гитаре

Боем и перебором,

Придумывает мелодию

О том, как бывает,

Весело и, одновременно, тоскливо,

Когда мальчик

Рисует на стене

Слово-Которое-Нельзя-Прочитать.

Девочка Джинни выходит на улицу

Конечно, без шапки

И без перчаток

С аппетитом вдыхает

Вкусный морозящий воздух

На старый город

Медленно

Падаст

Снег

Кузнец

Поутру

Он проснулся

Протёр глаза

Довольно зевнул

Сейчас

Прямо сейчас он поднимется

Натянет носки

Сварит кофе и взглянет на мир

Скажет он

«Сегодня будет метель»

Рассмеётся раздающейся смехом

Есть у него сила в руках,

Чтобы раздуть огонь в горне,

Чтобы поднять молот

Тяжко опустить его

На послушно и звонко

Отзывающийся металл

С каждым тяжелым громким ударом

Молота в кузнице

Будут являться

Окна и стены,

Город и площадь,

Памятник, снег,

Возможно, что даже и маленькие трамваи.

Так и случится

Всё это возникнет

Как только поднимется он.

Ирина Рудомазина

Я родилась 21 апреля 1951 года в г. Ленинграде, где и проживаю по сей день. По образованию инженер-экономист.

Стихи начала писать в возрасте 53 лет. Для меня стихи это разговор по душам, рассказ о сокровенном, наболевшем.

Я с удовольствием делюсь своим творчеством с друзьями и близкими. Радуюсь, если оно проникает в их сердца и находит отклик, а, возможно, и помогает понять и пережить некоторые, схожие с моими, жизненные ситуации.

ИСПОВЕДЬ

Прости меня, Боже, прости, милосердный,
За то, что с людьми не всегда я добра,
Что утром и на ночь молитвой усердной
Не прославляю, как должно, Тебя.

Прости за гневливость и раздраженье —
Они унижают, не красят меня.
Прости, что во мне не хватает смиренья
Принять испытанья текущего дня.

Прости меня, Боже, прости, милосердный,
За то, что других осуждаю порой,
Сама, поступая неправильно, скверно,
Не замечаю, греха за собой.

Прости за болтливость и пересуды,
За то, что не сделала то, что могла.
Прости, что во мне появилась остуда,
И людям так мало дарю я тепла.

Прости меня, Боже, прости, милосердный,
За то, что обиды прощать не спешу.
Прости, что Тебе я бываю неверной.
Прощенье за грех не всегда я прошу.

Я каюсь, Господь. Милосердный,
поверь мне,
Жертву свою совершил Ты не зря.
Каюсь, Господь, и прошу — не отвергни,
Я знаю, я верю, Ты любишь меня.

ФЕВРАЛЬ

Зима, круг жизни завершая,
Ещё хозяйствует, сильна.
Пугает холодом, сугробы наметает,
Своих позиций не сдаёт она.
Мороз не шутит — щёки, нос кусает,
Снег под ногами оглушительно скрипит.
На ветках иней хрусталём сверкает.
Лес тишиной и сумраком манит.
Всё, как обычно в зимний день погожий,
Но, почему же сердце так щемит.
День, на другие вроде бы похожий,
Но, воздух, как вино, пьянит.
Возможно, оттого, что стала даль синее,
И солнце выше, и длиннее тень.
И жажда перемен сильнее
В этот

февральский
предвесенний день.

Во всём разлито ожиданье:
Ещё чуть-чуть и занавес падёт.
Есть некое очарование в тайне
О том, что впереди нас ждёт.
Мы будто бы на корабле, готовы
Плыть в неизвестность, веря в чудеса.
Осталось лишь отдать швартовы,
Февраль нам надувает паруса.

* * *

Под ногами опавшие листья —
Как паркет в танцевальном зале.
Всюду капли дождя

повисли,

Бриллиантами засверкали.
Фонари своим ярким светом.
Плавят золото листьев клёнов,
Не гнушаясь и медных монеток,
Что берёз осыпали кроны.

Уже голые ветки рябины
Наклонились под тяжестью ягод,
И, как фон драгоценным рубинам,
Ночь раскинула чёрный бархат.

Эта роскошь пробудет не долго
Украшением осеннего бала,
Скоро зимний наступит холод,
А потом

всё начнется с начала.

Бабье лето

Жизнь как стрелка по циферблату
Совершает за кругом круг,
Было, есть и будет всегда так,
В этом Божьи и милость, и суд.
В мир приходим, взрослеем, старимся —
Проживаем свой жизненный путь,
И, смирившись, принять стараемся:
Что прошло, то уже не вернуть.

Всё проходит, точно замечено,
Ночь сменяет всегда новый день,
Снег и лёд, тоже, студят не вечно,
Их весна превращает в капель.

Дни за днями бегут вереницею,
В год слагаясь, за ним в другой,
Времена года, как в стае птицы,
Друг за другом идут чередой.

И с начала времён установленный
Сей порядок, незыблем всегда,
Но есть всё же период

особенный,

Он божественной милости дар.
Осень. Лето прошло, закончилось.
Ветер, дождь, на сердце печаль.
Вдруг мы видим, что распогодилось,
Вновь тепло, небосвод засиял.
И как будто из плена вырвалось,
С новой силой, с накалом страстей,
В полноте своей поздней зрелости
Расцвело лето «бабье» на несколько дней.

Кто, когда назвал пору эту
Бабьим летом? Сейчас не узнать.
Но должно быть он был поэтом,

Раз мог так понимать благодать.

А природа ликует и празднует —
Фейерверк красок поздних цветов.
В сердце трепет и чувства разные,
Бремя будто бы вспать потекло.

И хоть жизнь строго следует правилам,
Исключения не чужды и ей,
Среди осени лето подарено,
Жаль, оно лишь на несколько дней.

Рассвет

*«Жить хочу за рекой, где ночует рассвет,
Там смогу подсмотреть, как рождается
свет...»*

Есть у ночи особенный час,
Когда кажется, будто вот-вот, сейчас
Неприменно что-то случиться должно.
Всё вокруг ожиданьем полно.

В этот час тишина, как густой кисель,
Захлебнулась в ней птичья трель.
Притаилась, умолкла река.
Нет ни звука, ни ветерка.

Небо чёрно. Алмазы звёзд —
Маяки наших сладких грёз,
В бесконечном танце плывут.
Будто замерло время,

и тут

Изменилась картина, слегка.
Посерела, поблёкла тьма,
Тусклым стало сиянье звёзд,
Словно тряпкой протёрли холст.

Как на фото, из черноты
Проявляются лика черты,
Также, виден, становится лес,
На светлеющем фоне небес.

Разгоревшись, как пламя в печи,
Заря отобрала у ночи ключи.
Небосвод стал прозрачной, синей,
А стволы у берёз белей.

Вот и солнце встает из реки,
На воде, оставляя круги.
Лёгкий ветер качнул кусты,
Зашуршал, заглянув в камыши.

Птицы проснулись, слышен звук
Голосов их и дятла стук.
Оживает лес, и река
Заплескалась о берега.

День за днём и за веком век
После ночи

всегда

наступает рассвет.
В постоянстве таком, вновь и вновь,
Нам является Божья Любовь.

Сергей Гора

Родился и учился в г. Ленинграде. Окончил ЛГУ. Филолог-лингвист. Имеет учёную степень из СПбГУ, а также ряд научных публикаций в США, куда переехал как приглашённый специалист. Публикует стихи в семи странах, в среднем 16-17 раз в году. Профессор одного из ведущих мировых центров прикладной лингвистики. Постоянный прихожанин русских православных церквей. Известен как один из первых и наиболее удачливых пост-советских менеджеров потребительского рынка СНГ, а также как один из первых русских ведущих телевизионных ток-шоу. Стихи пишет с юности, хотя никогда не ставил перед собой задачи их коммерческой публикации. Многочисленные читатели и слушатели его стихов называли его поэзию летописью конца XX-го начала XXI века, написанную истинно русским человеком, уникально оставшимся неангажированным какими-либо властными или корпоративными структурами.

Петроградская сторона (гитарная пьеса)

В полдень солнце, а в полночь луна –
Два привычных этюда в окне.
Кто успешно за светом по свету прошел,
Ощущает себя на коне.
Петроградская сторона,
Ты, теперь на другой стороне.
Там, где Троицкий мост,
Великан-Мюзик-Холл
Улыбаются юностью мне.

День и ночь – словно бог-сатана –
Вечной парой судьбы суета.
Как найти-подобрать роковые слова,
Что пустой болтовне – не чета?
Петроградская сторона,
И Нева – будто жизни черта.
Там проспект упирается в те острова,
Где моя обитала мечта.

Лампа или лучина нужна?
С чем сравнится пыланье свечи?
С тем, что нам излучает небесная твердь
Или с трепетной искрой в ночи
Петроградская сторона,
От безверья меня излечи.
Князь-Владимирский светоч,
а может, мечеть
Мне расскажут про свет как врачи.

TimeS Square – Площадь Времени или... Времён

*

Я не ошибся окончанием слова.
Не будь, мой критик, слишком удивлён.
Значенье «эС» в английском – мне не ново,
Но «Таймс» ...одна, как зеркало времён.

Её разлив на сон соседних блоков
Сулит привычным правилам подвох:
Здесь, как души слияние пороков,
В единстве света - множество эпох.

Скажите мне, в какой «лингвистской»

власти

Свести к векам амбиции людей?
Египет..., Рим..., Нью-Йорк... – всё те же
страсти...,

Всё те же мысли в свете площадей...
И потому в грамматике – беспечность:
Вслед – в унисон восторженным стихам
Все времена зову я словом: «вечность»,

И имя «Таймс» – как гимн людским грехам.

*

Огнём летящих образов приветит.
Прольёт себя на мрак вселенских тайн.
Который час на суетной планете? –
Подскажет вам ночная площадь «Таймс».

И не пытайтесь сами разобраться
В сакральном коде пляшущих огней.
...Сюда легко Вы сможете добраться
На блюзе трэйна под названием «Эй»*

Здесь скажут Вам неоновые блёстки
О том, что будет, и про то, что ждёт.
Не потому ль на этом перекрёстке
Встречают в мире главный Новый Год?

* «А»-train

Цветочки-лепесточки

Распускаются в природе,
Увядают в блеске ваз.
До чего ж цветы походят
На беспечных смертных нас!
Вкус побед и бед отсрочки, –
Счастья меряный венец.
Эх, стебли да лепесточки (!),
Где цветению конец?

Гимны юности – обманы.
Пели всем, кому не лень,
Розы, астры и тюльпаны
И, конечно же, сирень
Эти ночи да денёчки
Были праздничными все.
Эх, стебли да лепесточки,
Ах, да цветики в росе!

На удачу без промашки,
Соблюдается обет:
Незабудки и ромашки
Собираются в букет.
Для любовного наркоза
Шлют дурманские слова
Грёз весенняя мимоза,
Летних лилий кружева.
Типажи страны цветочной
На дарение легки, –
Ведь за свадьбой будут точно
Похоронные венки.
Не прорвутся к свету почки
В злую мертвую пургу.

Эх, стебли да лепесточки (!),
Ах, да цветики в снегу!

Правды участи печальной
Не затмить, не приодеть,
Ведь по логике банальной
За расцветом будет смерть.
Впрочем, прочь гнилые темы.
Вечным будь цветенья миг!
Эх, фиалки, хризантемы (!),
Пафос траурных гвоздик!

Кораблик и зяблик

...из окна моего офиса
на 78-м этаже Мирового
Торгового Центра

На зябкой ветке зяблик
Не зябнет – закалён.
...Прогулочный кораблик
Плывёт через Гудзон.
Он воду, словно птичка,
Размеренно клюёт.
Кораблик-невеличка
Плывёт себе, плывёт.

Сомненье вдруг подкатит:
К чему, мол, рифмы звон?
Кораблик – просто катер,
И Хадсон – не «Гудзон».
Но в том-то вся и штука,
Что в мире, где расчёт,
Душа, а не наука,
Корабликом плывёт...

Из небоскрёбных окон
Он ботик-коротыш, –
В порыве одиноком
Среди бесстрастных крыш.
Хочу, чтоб этот ялик
Не знал границ и зон.
Пусть добрый мой кораблик
Плывёт через Гудзон.

...Салют причальной
вспышки Отметила нека,
И на его кормишке
Зажглись два огонька.
Маршрут не терпит версий:
Кораблик, между дел,
Добрался до Нью Джерси
...А зяблик улетел.

МАГАДАН Интеллигент

К читателям и издателям

С волнением приступил к чтению первого магаданского выпуска литературно-публицистической газеты «Интеллигент». Предыстория и ориентиры для будущего развития изложены во вступительной статье двух учредителей новой газеты – Сергея Пашкова и Сергея Малашко. Именно их неутомимой энергией создано новое издание в системе международного медийного проекта «Интеллигент». Ага, вот узнаваемый стиль и традиционная черно-белая графика. Я оказался в знакомой творческой атмосфере, выработанной проектами «Интеллигента» за предыдущие годы. Когда-то я вместе с Сергеем Пашковым входил в первый состав редакционного совета милой моему сердцу небольшой литературной газеты «Провинциальный интеллигент» в городе Костомукше Республики Карелия. У меня есть и до сих пор хранится первый номер милой сердцу нашей газеты. Это был декабрь 2008 года. Уже тогда маленькое издание стало заметным явлением в литературной жизни северной республики. В те годы неформальной литературе очень тяжело было «дышать» в далекой карельской глубинке под давлением республиканских маститых литературных изданий и важных чиновников. Под неутомимым и мудрым руководством Сергея Пашкова проект ПИ, а затем ПИ 1, прошел ряд серьезных конкурентных испытаний. Замечательная идея из небольшой изящной литературной газеты, которую члены редакционного совета выпускали за свои средства, воплотилась в мощный и международный медиапроект. С тех пор всегда внимательно слежу за всеми изданиями Интеллигента. Да и некоторых авторов этого выпуска, кроме Сергея Пашкова, а именно: Светлану Савицкую и Сергея Малашко, хорошо знаю.

Первый самостоятельный выпуск «Интеллигент-Магадан» порадовал свежей публицистикой о театральной деятельности в Магадане («Блеск и нищета магаданской Мельпомены», автор Игорь Дадашев); познавательной и захватывающей статьей о необычном феномене магаданских мегалитов («До Магадана здесь стояли мегалиты», автор Игорь Безнутров); циклом открытых и теплых стихов Александра Сырченко, трогающих душу необычайно доверительным откровением и теплом; проникновенной и тревожной поэзией Александра Соколовского; самобытным рассказом о жизни эвенов («Побег из стойбища», автор Анатолий Бударин); знакомой прозой

о тундровом откровении («Тишина», автор Сергей Малашко); содержательной и очень интересной беседой с удивительным человеком Вадимом Сахибгоряевым («Бытие и сознание», автор Сергей Пашков). Украшением первого номера стал путевой цикл (с продолжением в очередных номерах) на Чукотку через всю страну известной в современном русскоязычном мире писательницы Светланы Савицкой, учредителя национальной литературной премии «Золотое Перо Руси», удивительно чуткого, талантливого и неравнодушного человека. Хорошая подборка работ, замечательный калейдоскоп авторов.

Уверен, что с выходом в свет новой международной литературно-публицистической газеты в культурной жизни Магадана открывается новая страница. Впереди новые интересные темы, встречи с новыми авторами, открытие новых имен в науке, в культуре и искусстве, в прозе и в поэзии, в публицистике. От всей души желаю новому изданию из медийного семейства «Интеллигент» успехов, заинтересованного и благодарного читателя. В добрый путь!

Карен АГАМИРЗОЕВ,
г. Костомукша, Республика Карелия

Статья посвящена выходу первого номера
газеты «Интеллигент-Магадан», 2015 г.

ДО МАГАДАНА ЗДЕСЬ СТОЯЛИ МЕГАЛИТЫ

Мегалиты России. За последние несколько лет вокруг этой темы сломано столько копий, что из них можно выстроить многокилометровый часток. Мы не собираемся в очередной раз ломать копья и метать бисер, доказывая то, что в нашем понимании – давно установившийся и существующий факт. Феномен мегалитов существует. Так же, как существуют эти древние камни, с которыми ничего не смогло сделать даже безжалостное время. Они стоят. И, словно улыбаясь, смотрят на тщетную суету вокруг. Они стоят. Они живут. Они – наша память. Точнее – напоминание о ней...

Михаил Васильевич Ломоносов утверждал, что истории русского народа – не менее 40 тысяч лет. Вероятно, он знал, о чем говорил. И знаете, это мимолетное высказывание знаменитого нашего единородца перевешивает весь тот псевдоисторический мусор, который нагородили сонмы «ученых» XIX-го, XX-го и XXI-го веков, старательно доказывавших, что государству российскому – от силы две тысячи лет, да и то с большой натяжкой.

Думается, именно поэтому значительным открытиям, которые сделали на русском Севере в последнее время ряд русских ученых, в числе которых и профессор Валерий Никитич Демин, многие «псевдоисторики» пытаются придать вид какого-то незначительного, узкочастного мнения. При этом закрывают глаза на многие детали, придающие феномену северных мегалитических сооружений некую общую и все-

объемлющую законченность и гармоничность. Например, мне сразу же увиделись многие общие детали в обработке огромных камней и методах постройки между сооружениями, найденными на Кольском полуострове и на Арманском перевале Магаданской области. Но давайте уже не будем ходить вокруг да около, а приступим к рассмотрению и изучению.

– Папа, смотри, камень какой интересный! – мой сын стоял возле крупного камня весьма характерной формы и показывал на рельефную полосу, пересекающую его по диагонали. На полосе четко просматривались зарубки (или врезки-пропилы). Мда... Действительно, странный камень. Позже мы установили еще одну странность – стрелка компаса по мере приближения к камню начинала отклоняться в сторону на 70 градусов. Именно после этого камня мы стали пристально присматриваться ко всем остальным каменным «нагромождениям», якобы созданным матушкой-Природой.

На первый взгляд – хаотичное расположение разновеликих камней. По сути – после детального обследования – продуманная конструкция, четко сориентированная на местность. И, как было установлено несколькими годами наблюдений, она оказалась «заточена» под день летнего солнцестояния. Работа по ее сооружению была выполнена в несколько этапов.

Этап первый. Произведена расплачивка и зачистка места.

Этап второй. На основу поставлены более крупные камни, образующие полусферу с выступающей на восточной ее части подпорке-плите трапециевидной формы. В плите просверлены несколько отверстий, самое глубокое из которых – 20 см в диаметре и 40 см в глубину. Именно в это отверстие попадал первый луч солнца в день летнего солнцестояния, в результате чего дырка в плите начинала светиться нежно-золотистым светом. А сама конструкция излучала слабые ультразвуковые и электромагнитные колебания. Камни словно бы вибрировали.

Этап третий. Рядом с восточной частью конструкции выложены прямоугольные плиты, в одной из которых (северной) выдолблена овальная «чаша» вероятно для сбора (или налива) воды:

Этап четвертый. Если стоять спиной к «Обсерватории» и лицом к востоку, то слева на склоне сопки мы увидим сложенную из крупных блоков «Стену», сориентированную по направлению «север – юг».

Мне нередко доводилось слышать отзывы, в которых выражалось сомнение в искусственности «Стены». Мол, это просто камни, притащенные сюда ледником, и растрескавшиеся со временем. Ну, да, конечно!

1. Видно, что камни разновеликие, но все имеют на себе следы пусть грубой, но обработки.

2. Они не «растрескались со временем», а именно были положены друг на друга.

3. Конструкция когда-то имела другой вид, но со временем была частично разрушена, что подтверждают камни (опять же правильной формы), сваленные (упавшие сверху?) слева от «Стены».

4. Сама «Стена» расположенная на склоне сопки, тем не менее, выставлена по «горизонту», а не повторяет ландшафт.

Примерно на расстоянии в полтора километра южнее (в сторону моря) мы обнаружили вторую стену, которая была сложена так же из разновеликих глыб и плит. И вновь мы видим следы подгонки блоков друг к другу и попытки уравновесить сложенную конструкцию посредством каменных же вставок-клиньев. Именно в этой, второй стене, был обнаружен искусственный грот-тоннель, ведущий вглубь стены. Но об этом гроте мы напишем чуть позже...

Сейчас в Интернете распространилась статья о магаданских мегалитах. По странному стечению обстоятельств она была почему-то опубликована в урезанном виде – из текста оказалась полностью выброшена последняя часть и один абзац из середины. Именно этот, урезанный материал начал потом кочевать с одного сайта на другой. Поэтому здесь имеет смысл привести публикацию в полном виде.

ТАЙНА КОЛЫМСКИХ МЕГАЛИТОВ

В Магаданской области еще много тайн и загадочных мест, которые ждут своего исследователя. Одно из таких мест находится буквально в 30 километрах от Магадана. Одна из сопки еще издавна привлекает к себе внимание своей конической формой. Она не является господствующей высотой, но с нее открывается такой вид, от которого захватывает дух! Только окружающие ландшафты являются всего лишь оправой для драгоценного камня. Главное – впереди.

На вершине сопки мы видим странные сооружения из огромных каменных глыб, каждая весом в несколько десятков тонн.

Уже с первого взгляда отмечается некая архитектурность этих сооружений.

Глаз то и дело замечает просверленные круглые отверстия, строгую геометричность отдельных каменных блоков и плит, на некоторых из которых видны остатки «штукатурки». Тут и там встречаются камни, опоясанные рельефными выпуклыми полосами.

На память невольно приходят каменные исполины Стоунхенджа, «летучие камни» – сейды Воттоваары, менгиры-чашечники Северного Кавказа и Египта. Сегодня ученые разных стран утверждают, что многие из этих построек были воздвигнуты еще в допотопные времена.

Что это? Причуды природы, результат многовекового выветривания? Или, все-таки, рука древнего человека, вооруженная неведомыми нам технологиями?

Но еще большее удивление ожидало, когда на этот район удалось взглянуть из космоса с помощью программы Google Earth. Основные мегалитические постройки оказались расположенными в ряд на одной линии, протянувшейся с северо-востока на югозапад. Создалось впечатление, что их строили с использованием неведомого визира. А несколько сооружений условно называемой «центральной постройки» на снимках из космоса имеют вид копья, наконечник которого указывает в сторону Берингова пролива на то место, где когда-то был небольшой перешеек, соединявший Евразию с Америкой. По которому, как считают многие ученые, люди вполне могли переходить на соседний материк, постепенно заселяя его.

Уже эти обстоятельства позволили сделать первое предположение о том, что каменные конструкции – дело рук человеческих. Но кто и в какие века смог затратить огромное количество человеко-часов на сооружения из циклопического камня? Да, ученые признают, что много веков назад на Крайнем Северо-Востоке был совсем другой климат, позволявший обитать на бескрайних саванновых просторах сотням тысяч различных животных. Но говорить о существовании в этих краях развитой человеческой цивилизации, да еще способной на такое строительство, обычно считалось в научной среде признаком дурного тона.

Между тем, в преданиях местных народов сохранились какие-то свидетельства о прошлом нашего края. Может быть, имеет смысл поискать ответ там? Например, у эвенов существует цикл рассказов о странном народе, который называли «хоньл». В эвенских легендах племя «хоньл» четко ассоциируется с синонимом врага. Это было племя древних разбойников, которые устраивали свои наблюдательные пункты на вершинах сопки, находящихся вблизи кочевых путей оленных людей. По рассказам стариков, «хоньл» строили из камней сооружения, которые служили им одновременно и укрытием от посторонних глаз и убежищем от стихии. Сидя в каменных наблюдательных пунктах, они терпеливо выжидали, пока рядом не покажется очередной оленный аргиш. После чего нападали на кочевников, вступали с ними в схватку и, забрав женщин и часть оленей, скрывались среди сопки.

Но вероятность того, что лихие разбойники обтесывали каменные блоки и строили из них пусть грубые, но архитектурные комплексы, весьма мала. Да и сами эвены появились на этой территории всего лишь два-три века назад, мигрировав сюда с западных земель. Скорее всего, эти «хоньл» просто использовали для своих утилитарных целей уже готовые каменные конструкции, построенные задолго до прихода на территорию Магаданской области кочевых племен – эвенов, коряков и чукчей.

Есть еще одно упоминание о странных людях, живших в древности. У тайгоносских коряков сохранилась легенда о так называемых «летающих людях». Они жили на вершинах сопки, изредка спускаясь к оленным людям для меновой торговли. По преданию они умели работать с камнем и железом. Коряки говорили, что большинство древних ритуальных копий, которые используются до сих пор в обрядах коряков, имеют железные наконечники, которые были в свое время выменены у «летающих людей». На вопрос же куда потом делись «летающие люди», старики пожимали плечами: «Не знаем. Улетели...»

Летающие люди... Трудно на этом материале строить какие-то предпо-

ложения и далеко идущие выводы. Но вот какая странность – многие древние авторы, включая античных историков, не раз упоминают о летательных способностях жителей легендарного материка под названием Гиперборея, который якобы располагался в районе заполярья около северного полюса.

Кстати, о Гиперборее. Нечто, подобное мегалитическим постройкам в окрестностях Магадана, нашел на Кольском полуострове Валерий Никитич Демин (1942-2006) – российский ученый и писатель, доктор философских наук. Автор книг и статей, посвященных гиперборейской тематике. Руководитель первых научно-поисковых экспедиций «Гиперборея».

Если сравнивать технику строительства и материал, который использовался для него, то трудно избежать ощущения схожести этих двух мест, отстоящих друг от друга на тысячи километров. Впрочем, если допустить на мгновение реальность «летательных способностей» гиперборейцев, то что значило для них такое расстояние? Ведь летал же раз в год древнегреческий бог Аполлон (прозванный греками Гиперборейским) из Греции в Гиперборею?

В одной из своих статей профессор В.Н. Демин пишет: «Может ли быть такое – чтобы древние жители Арктики владели техникой воздухоплавания? А почему бы и нет? Сохранились ведь во множестве изображения вероятных летательных аппаратов – типа воздушных шаров – среди наскальных рисунков Онежского озера.

Археологов не перестает удивлять обилие так называемых «крылатых предметов», постоянно находимых в эскимосских могильниках и относимых к самым отдаленным временам истории Арктики...

Сделанные из моржового клыка (откуда их поразительная сохранность), эти распростертые крылья, не вписывающиеся ни в какие каталоги, сами собой наводят на мысль о древних летательных приспособлениях.

Впоследствии эти символы, передаваясь из поколения в поколение, распространились по всему свету и

закрепились практически во всех древних культурах: египетской, ассирийской, хеттской, персидской, ацтекской, майя и так – до Полинезии».

«Известно, что интерес к легендарной Гиперборее регулярно вспыхивал из века в век. Впервые об этой заполярной стране заговорили еще в конце XVI века.

Тогда имели хождение карты средневекового фламандского картографа Герарда Меркатора, на которых в центре Арктики была обозначена неизвестная земля. К тому времени многие земли, обозначенные Меркатором по неизвестным источникам, были заново открыты мореплавателями. Утверждали, что картограф скопировал свои карты с более древних карт, отличавшихся большой точностью.

Вновь о Гиперборее заговорили в конце XIX – начале XX века, когда одна за другой стали выходить книги «Найденный рай, или Колыбель человечества на Северном полюсе» американского ученого В. Уоррена, «Арктическая родина в Ведах» индийца Б.Г. Тилака, «Плутония» и «Земля Санникова» русского академика В.А. Обручева.

В 1921 году руководитель ЧК Феликс Дзержинский отправил на поиски следов Гипербореи экспедицию на Кольский полуостров. Руководил экспедицией популяризатор авиации и теософии А.В. Барченко. На Сейдозере экспедиция обнаружила и запечатлела на фотографиях циклопические руины и подземелья. Впрочем, снимков этих в то время так никто не увидел, так как результаты экспедиции были засекречены, а ее участники исчезли в лагерях и застенках НКВД...

Наконец, в наше время о Гиперборее заговорили вновь после опубликования данных современной палеоклиматологии, подтвердивших версию, что до последнего великого оледенения на Крайнем Севере действительно было тепло. Там шумели широколиственные леса, а температура даже в январе не опускалась ниже нуля. Примерно за сто веков до нашей эры климат планеты резко изменился – уровень Мирового океана повысился, и Гиперборея (ученые

предпочитали называть древний материк Арктида) просто утонула. А затем ее следы скрылись под многометровыми льдами.

Сотрудники российско-германской лаборатории морских и полярных исследований имени О. Ю. Шмидта Санкт-Петербургского арктического и антарктического НИИ Росгидромета несколько лет назад обнаружили на острове Жохова, что рядом с грядой Новосибирских островов, становище древнего человека. Само по себе это уже было маленькой революцией – ведь раньше считалось, что в этой местности обитали лишь белые медведи, да еще, быть может, мамонты. Прошедшие позже раскопки дали настоящую сенсацию. Оказалось, кроме кочевых лагерей, на острове Жохова существовали поселки, в которых 8 тысяч лет назад жили цивилизованные люди. А ведь этот остров не что иное, как остаток большой территории, уже погружившейся на дно океана...

В 1998 году московский археолог Александр Прохоров организовал экспедицию к горе Нинчурт на Кольском полуострове – туда, где уже искали Гиперборею чекисты с Барченко. Ученые преодолели несколько десятков километров по непроходимой тайге, с большим трудом переправились через горную реку и, наконец, вышли к подножию горы. Местные жители уверяли, что еще их деды видели здесь какие-то строения. По местному преданию – жилища древних колдунов. В первый же день на одном из ярусов Нинчурта экспедиция Прохорова нашла мощную каменную постройку, служившую изгородью для небольшого водоема с талой водой. Под ее кладкой обнаружилась и еще более древняя. Судя по мху, под которым скрывались камни, постройкам было не менее полутора тысяч лет. В другом месте Прохоров сфотографировал продольные пропилы на горе странно-правильной формы».

Значит, по версии Демина, именно каменная культура гиперборейцев оставила свои следы от Севера и по всему миру? Сравнивая фотографии рукотворных объектов, сделанные в Магаданской области со снимками с Кольского полуострова, поневоле

становишься приверженцем именно этой теории:

Впрочем, существует и другая точка зрения на каменные постройки. Исследователь Вячеслав Мизин в своей работе «Сейды, мегалиты русской Арктики» утверждает: «Приход традиции возведения мегалитов в полярную Европу мог быть только с юга, во-первых, все аналоги расположены именно там, во-вторых, больше неоткуда, т.к. север и противоположный материк надежно прикрыт льдом.

Рассмотрим подробно известные конструкции аналогичные сейдам расположенные в других странах. Сходство их настолько поразительно, что окажись некоторые сейды не на Кольском полуострове, а скажем, в Шотландии, они непременно были бы названы дольменами! Точно также и некоторые конструкции средней России. Украины, США и Европы можно с полным основанием назвать сейдами ... Наиболее схожие с сейдами дольмены расположены в Канаде. Сам факт наличия дольменов в восточной Канаде, в окрестностях города Галифакс удивителен. Причем, несмотря на то, что эти конструкции традиционно и именуют дольменами, но гораздо ближе они к сейдам.

Сходство поразительно: в отличие от большинства европейских дольменов канадские дольмены представляют собой огромные глыбы, поставленные на маленькие камни, причем количество камней идентично именно сейдам северной Европы – три штуки.

Канадские сейды ставились аналогично североамериканским – мону-мент Садли-рок стоит на скальном островке правильной формы, возможно искусственно обработанном, посреди болота на возвышенности, практически точно копируя один из сейдов Кольского полуострова, в адмирал-парке и возле озера Кидстон мегалиты установлены на покатых скалах возле воды. Если в Европе схожие с сейдами дольмены составляют лишь часть мегалитического разнообразия, то в северной Америке любой дольмен может быть назван сейдом, без каких-либо оговорок, как конструктивно, так и по расположению. Конечно ближайший

путь к канадским мегалитам от западной Европы, чем северной Скандинавии, но история показывает, что не всегда ближайший путь был верным.

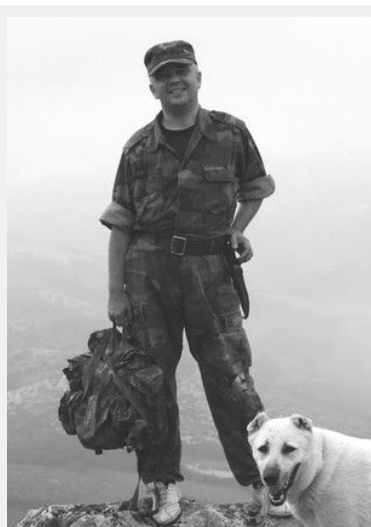
В Европе схожие с сейдами конструкции наблюдаются среди многочисленных дольменов британских островов, но наиболее полные идентичные конструкции, как бы подтверждающие направление движения традиции мегалитостроения с юга на север находятся в Германии, Голландии, Дании, интересный объект в виде плиты, поставленной на небольшие камни-подставки, есть и на Украине. В России есть конструкции, напоминающие Сейды, в Ленинградской области и южной Карелии – но это, вероятно, южная граница ареала культуры сейдов, либо поздние заимствования».

В свою очередь британские ученые Ломас и Наит, изучающие мегалиты уже более 20 лет, в своих книгах пишут о некоей мегалитической цивилизации, существовавшей тысячелетия назад. Колыбелью этой цивилизации они, конечно же, называют Великобританию. По мнению англичан, именно эта цивилизация оставила после себя более 40 тысяч различных сооружений в разных местах земного шара. Эти каменные свидетели древнейшей цивилизации Земли имеют множество схожих между собой деталей, приводящих совре-

менных исследователей в священный трепет. Так, практически все сооружения построены с использованием единой системы мер, которую ученые привязывают к так называемому «мегалитическому ярду».

Короче говоря, версий много. При этом сказать со всей очевидностью – к какой именно из них могут подойти найденные в окрестностях Магадана циклопические постройки, пока не сможет никто. Древние камни молчат. И продолжают хранить свою тайну...

После того, как эта статья появилась на ряде сайтов, на форумах началось живейшее обсуждение. В основном, мнения разделились на две части: человеческих ли рук творение эти магаданские мегалиты или причудливая игра природы? Причем, что-либо доказывать «неверующим Фомам» было делом бесперспективным и бесполезным. Создавалось впечатление, что весь этот сонм критиков действовал в одном ключе. Самое смешное, что практически никто из скептиков не был на месте и своими глазами построек не видел и руками эти загадочные камни не щупал. Поэтому не было никакого желания с ними спорить и доказывать очевидные вещи. Мы с друзьями просто стали понемногу проводить разные исследования на месте и собирать данные.

Игорь БЕЗНУТРОВ

Родился в 1965 году на Урале.

С 1973 года живет в Магаданской области.

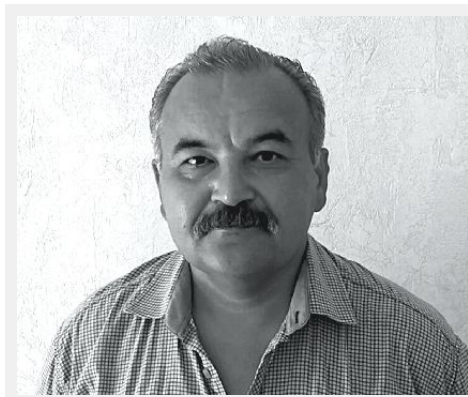
В 1993 году окончил во Владивостоке Дальневосточный Государственный университет, факультет журналистики.

С 1985 по 1999 годы работал в районных газетах «Маяк Севера», «Эвенчанка» (Северо-Эвенский район, Магаданская область).

Объездил практически всю территорию Магаданской области: кочевал с оленеводами, жил в геологических отрядах, работал в рыболовческих бригадах, сплавлился по Омолону, Наяхану, Гижиге, собирал фольклор северных народов и этнографические, краеведческие материалы.

С 2001 года живет в Магадане. Работал главным редактором областной газеты «ТелеРадиоРегион» (ГТРК «Магадан»).

С 2005 года - главный редактор областной газеты «Колымский Регион». С 2006 года собирает материалы по мегалитическим постройкам России и всего мира, с группой единомышленников изучает мегалиты на территории Магаданской области.

Вадим Сахибгоряев

Поэт, философ, человек. Родился 10 октября 1963 года. В 1986 году окончил МГПИ. Работал в школах города Магадана и Ростова-на-Дону. Доктор философских наук, профессор СВГУ. Кому-то кажется, что время поэзии ушло; Что сегодня время для литературы суррогатной, без крови и настоящих чернил; что литература ушла из Магадана вместе с именами Куваева, Мифтахутдинова, Пчёлкина... навсегда. Стихи Вадима Сахибгоряева опровергают это заблуждение... Автор настоящей лирической поэзии с ярчайшими образами, свежими метафорами, эпитетами, а это ли не показатель настоящего дарования?

Бытие и Сознание

Сегодня я хотел бы представить нашим авторам и читателям Вадима Сахибгоряева, 1963 г.р. Доктор философских наук, около 100 публикаций.

Это человек, увеченный многим, и потому довольно насыщенный различными познаниями, хотя и не утратил здорового саркастического взгляда на некоторые вещи.

– Вадим вы говорили, что именно в Магадане произошло ваше становление, зрелость, так сказать, вас как творческого и научного человека. Расскажите, откуда вы родом и как попали в Магадан, кем вы тут состо-
ялись?

– Здравствуйтесь, Сергей. Да, Магадан – моя вторая родина. Я не люблю чиновничьих эпитетов, таких как «становление», например. В этом словечке есть нечто тяжелое, грустное, официальное. Его привыкли использовать на юбилеях больших людей, произнося неуклюжие полиартритные речи. Оно как купорос на медной пуговице – естественный результат химического таинства. Все иначе. В этом городе случилось все лучшее в моей жизни, тут живут мои друзья, тут промелькнула юность, промчалась молодость, тянется зрелость... Я и не заметил, как стал доктором философских наук, обзавелся сединой, хроническими болезнями, опытом, привычкой вспоминать. Становления не было, было много сомнений, было и есть вдохновение, было стремление самовыразиться, были разочарования... А потом я вдруг понял, что чему-то научился, что кое-что у меня получается. Тут есть магия. Есть и естественный ход вещей. Есть стареющий я. Но становления в казенном смысле нет... и не будет, поскольку я верю в то, что про-

цесс моего развития еще не завершен.

Родом я из потерянного в пространствах Сибири города Ленинск-Кузнецкий, Кемеровской губернии (именно губернии. Люблю это слово, в нем есть тепло очага, запах бабушкиных пирогов, материнских рук, отцовская основательность). Город вполне специфический и своеобразный. Жили и живут там шахтеры, народ крепкий, простой. Город со своеобразной логосферой: с одной стороны синкретичной и даже странной, а с другой – достаточно поэтичной и невероятно образной. Это место, где говорили на немецком и татарском языках едва ли не чаще, чем на русском, где немец знал значение слова «булды», а татарин – слова «думкопф», но все без исключения владели языком, на котором не говорят артисты МХАТа. Там я получил настоящее «академическое» дворовое образование и воспитание, чем горжусь и поныне. Там же я получил и колоссально широкие навыки словоупотребления, что, собственно, и отразилось на моей карьере.

Мои родители не были связаны с шахтой. Отец – врач, мама – педагог. Они создали в нашей семье атмосферу провинциально вдумчивой и небесно спокойной манеры взаимоотношений. Повсюду были книги, никто не обедал в одиночку, никто никому не приказывал. Долгая зима располагала к совместному времяпрепровождению, а любой поступок обсуждался с живостью и страстью футбольных болельщиков... В этом году они ушли... один за другим, ровно через пол-года. Но они со мной, я это знаю точно.

В Магадане я оказался в 1978 году. Вернее в Сеймчане, что в Магаданской губернии. С 1981 года, с перерывами

живу и работаю в Магадане.

– Киплинг заявил, что Западу и Востоку никогда не сойтись, скорее видя соотношение их различий, как в культуре, так и в мировоззрении. Хотя вы живете на Востоке России, а не совсем в Восточных странах, а также побывали в Америке и могли сравнить менталитет и культурную среду этих частей света, но что бы вы лично сказали об этом различии, и если есть схожесть, то в чем она?

– Киплинг прав. Востоку и Западу не сойтись. И дело даже не в различиях культурного свойства. Просто никто и не желает сходиться. Разве не так? Все сложнее, чем мы думаем. Тут в одном подъезде людям не сойтись, а что говорить, когда речь идет о большой географии? Я живу на задворках Евразии. Тут не явлены ни цивилизация Востока, ни цивилизация Запада. Тут просто цивилизация и кооперирующиеся с ней синполитейные этносы. Это особая культурная форма, о которой до сих пор никто не написал. По-видимому, тут применим термин Азеопы, применяемый часто культурологами в пейоративном смысле. Мне этот термин нравится как в своей натуральности, так и в большом потенциале каламбуристики.

Мой опыт пребывания в США – драгоценность. Не потому что я начинаю акынскую белиберду о Великой Америке. Я не склонен вообще говорить на эту тему в аксеологической парадигме. Я говорю о другом. Я видел людей, относящихся к работе с врожденной ответственностью, но при этом не совершающих трудовых подвигов, видел уважение к себе, как представителю великой культуры, видел то, что дорого персонально мне:

место гибели Леннона, улочки, где бродил Бродский. Видел я и пленительный Нью-Йорк, и провинциальный Канзас, и напыщенный Вашингтон, но всегда чувствовал при этом нечто особенное, нечто от вдохновения. Там я писал свои стихи с небывалой легкостью, и именно там понял, насколько мне дорога Родина. Мои русские стихи...

Американцам я читал их в виде подстрочников. Они обнимали меня, задумчиво курили, говорили о самом сокровенном. Они крайне похожи на нас. Я далеко не первый из тех, кто говорил об этом. Лучше всего получилось у Набокова.

– Вадим, а вот многие люди, посетившие Америку, соотносят ее с романом Герберта Уэллса «Машина времени», когда за глянцевого и деловой Америкой, ночью происходит ее преобразование. Улицы, тем более неких нищих ее кварталов преобразуются в совершенно иную, «Изнаночную Америку» – пороков и страхов, а вы это замечали там или это сейчас свойственно всей либеральной системе? Что бы сейчас не пытались показать о советском периоде, там была тотальная безопасность по здравоохранению, безопасности на производстве и в быту, мы могли гулять свободно по ночному городу и никаких «гоп-стоп» тогда не наблюдалось, а сейчас дети сквернословят так, что на любое замечание они реагируют стаей неких хулиганов.

– Не совсем согласен. Уличная преступность, алкоголизм и т.д. были всегда. При всей моей любви к прошлому, в котором прошла моя юность, его нельзя идеализировать. Советское государство имело гигантские преимущества, но и пороки от которых не избавимся до сих пор. И нынешнее государство не идеально... я к этому подхожу без идеологии. Культура пребывает в состоянии перманентного упрощения. Это печально. Надо что-то делать.

– Накладывает ли природное бытие свой особый отпечаток на сознание людей, например, горцы более возвышенны над степными народами, а вы, на примере народов вашего сурового края и южан, это замечали? Если замечали, что больше свойственно северным народам

чем южанам?

– Я писал об этом в своих стихах. Конечно, различия есть. Конечно природное бытие во многом формирует нюансы сознания. Таковы наши кормящие ландшафты. Они дают нам некоторые блага, но при определенных условиях. Южане многословны, их мышление образно, жесты обильны. Северяне замкнуты, стеснительны, но крайне решительны. Это мои наблюдения, не настолько осмысленные, чтобы быть объективными. Если говорить о коренных этносах, то разница значительно больше. Чукчи, эвены, юкагиры и т.д. не принимают нашего темпа, не понимают наших социальных амбиций. Они люди культуры в прямом понимании этого сложного термина. Они имеют представление о плохом и хорошем, а нам бы поучиться у них.

– В современной реальности часто различные шоу, программы и даже реклама акцентируют на низменные чувства человека и на конкуренцию между членами общества либо на фанатизм, выбирать из двух зол меньшее зло. В Советской эпохе, напротив, акцентировали внимание членов общества на высокие идеалы, на дружелюбие и равноправие между членами общества, на различие плохого от порочного, в выборе, пусть меньше, но лучше. Можно ли эти факторы осознавать как переворот в массовом сознании и в социальном бытии, с подменой ценностей?

– Как же, не только можно, но и нужно. Так и есть. Современность явлена для россиянина (у других не лучше) системным кризисом культуры. Мы наблюдаем параллельные процессы деградации вкусов и артефактов. Даже музыка «Ласкового мая» по сравнению с современными «страданиями» выглядит сложной многотемной симфонией. То же можно сказать и о стихах, прозе. Кстати, подобные суждения я слышал и в Америке, когда один преподаватель Колумбийского университета сравнивал песни Френка Синатры с некоторыми популярными мотивчиками, аннексировавшими популярные радиоканалы. Конечно же, нужен «внутренний редактор», конечно же, нужно понимание феномена творческого уровня. И вообще необходимо понимать, что культура без мощного чувства и

светлой мысли есть площадная поденщина. Только все дело в том, что рынок в культуре действует не по законам потребления, когда площадная поденщина доступна даже бродячей собаке. В культуре платят не рублем или долларом, а могучим переживанием, страстной любовью.

– Вадим вы серьезно анализировали положение с наркоманией в Магадане, помните перестроечный клич, мол, что не запрещено, то разрешено, но под этим многое из того, что плохого было под запретом, оно затем наводило постсоветское пространство, в том числе и наркотиками. Многие тогда категорически кричали, мол, запретами ничего улучшить нельзя, но при этом уничтожались масса спортивных секций, самодеятельных коллективов, литературных и художественных студий, т.е. все то хорошее, что давало многим отвлекаться от порочных занятий. Я лично считаю, что надо четко понимать какой конкретно завет у народа с властью, как что являются запретными плодами, а что разрешается и даже имеет благодарность. Нельзя перевоспитать преступника, тем более современными детективами, как нельзя наркомана перевоспитать фильмами о наркомании, по сути, просто подавая такую уже духовную пищу. Хотя надо делать серьезные фильмы о профилактике наркомании. В чем лично вы видите причины возникновения этого зла и чтобы вы предложили эффективного в искоренении этого?

– Я согласен с вами, Сергей. Правда с тем условием, что сентенция «что не запрещено, то разрешено» есть все таки не только перестроечный клич, но парадигма либертарного права. С наркотиками сложно... Я исследовал данную тему не только на материале Магаданской губернии и могу утверждать, что это проблема будущего. Нет никаких оснований полагать, что наркотизм может быть преодолен лишь посредством административно-политического ресурса или репрессиями. Это проблема тупика, маргинальности, самой животной ипостаси человека.

Но все это есть дефицит культуры. Только культурный человек способен противостоять инстинктам. Наркотики аннигилируют саму самооценку че-

ловека, как вида, то есть, видовую сущность. Тут не только вина государства, тут особая психоделлия либеральности, ставящая в системе видовую сущность человека под сомнение. Свобода возможна, но только в том случае, если она не опровергает самоценность биологической субстанции. Человек не может быть свободен в выборе пола партнера, поскольку есть биологически обусловленная парность вида, человек не может быть свободен в безудержных оскорблениях, поскольку получит сдачи и т.д. Следуя за Августином, позволим заметить, что человек не может претендовать на установление своих законов для Бога и природы. Это бесполезно и опасно. Понимая это, надо стремиться бороться и с наркотизмом. Только надо начинать с себя и своего окружения, без оглядки на государство и т.д. В конце концов, мы хотели либеральной демократии, мы ее получили со всеми достоинствами и пороками, такова была наша воля. Теперь мы имеем много джинсов, разбегаясь на иномарках, курум дорогой табак, мы свергли коммунистов и... в довесок получили новое социальное явление. Думаю, что нас ожидает процесс многодесятилетней борьбы. И дело не только в клубах, секциях, кружках, общей занятости, влиянии коллектива. Дело в прогрессе культуры на индивидуальном уровне, когда человек научится противостоять животным похотям, преодолевать искушения.

– Вы считаете, что все же запретами нельзя решить некоторые негативные тенденции в современном обществе... Однако я придерживаюсь четких правил, что если люди и тем более власть видит порочные и преступные проявления в обществе и не пресекает их, то это не от добра, а это содействие этому БЕЗДЕЙСТВИЕМ! Я бы хотел, чтобы члены общества хвалились тем, что они хранят честь и добропорядочность смолоду и до скончания своего века, чем сексуальной распущенностью, стяжанием тленных богатств, а не собиранием добрых дел. Ведь любые закономерности исполняются или нарушаются действиями либо бездействиями и это для меня аксиома! Однако, если запрещать нечто, то надо же взамен давать нечто, потребное для тела, души и духа, или вы не совсем с этим согласны и либераль-

ность должна размывать эти закономерности?

– Трудно сказать. Нельзя осчастливить помимо воли. Но замечу одно: хвалиться тоже плохо, даже если ты хвалишься своими моральными и гражданскими доблестями. Заметьте, мы все стремимся решить все проблемы некими административными мерами, предварительно встав на престол культурного гуру. А они, на мой взгляд, решаются иначе. Разумно и с добром, постепенно и терпеливо, личным примером. Пороки ведь не мы с Вами придумали, нам ли их победить? Но сами мы могли бы прожить как-то лучше. Культурный человек – это тот, в котором животное начало (а оно у нас у всех есть) управляемо. Культурный человек в состоянии управлять собственными инстинктами, поведением, потребностями. Так я думаю... Возможно заблуждаюсь.

– Заметил, что вы любите добрые советские фильмы, в том числе и комедии. Вы согласны со мной, что и юмор бывает оружием зла или добра, когда одни высмеивают пороки, а другие занимаются откровенным злорадством, как смеются над бедами других, либо веселятся над пошлыми шутками?

– Люблю. Обожаю комедии. В буквальном смысле лечусь ими. Вижу в них талантливое воплощение идеальных отношений, когда смешное смешит, но не оскорбляет, воодушевляет, но не унижает. Да, юмор бывает злым, а порой и уничтожающе злым. Поэтому не все смешное есть веселое. Юмор есть оружие, я убежден в этом. Представьте себе оружие в руках нациста и оружие в руках советского солдата... Не стоит и говорить об этом. Вспомните роль Василия Шукшина в фильме «Они сражались за родину». Михаил Шолохов, автор одноименной повести и Василий Шукшин сформировали умопомрачительный феномен соавторства и создали архитипический образ русского солдата. Заметьте, два классика... а какой образ!!! А ведь комедийного в нем не менее чем трагедийного! Пересматриваю Анискина, профессора Преображенского, о очаровательных девчат, Шурика, начальника Чукотки, мироновского Бендера, посещаю компании неуловимых мстителей, красноармейца Сухова, ве-

сельных ребят, да мало ли...

– В конце нашего интервью я хотел бы спросить вас о ваших хобби и, конечно если вы могли серьезно ознакомиться с проектом медийной группы «Интеллигент», как вам идея проекта, и нужен ли этот и подобные проекты современной государственной системе?

– Мое хобби дискриминируется работой. Но увлекся переплетным делом. Великое ремесло! Занимаюсь этим с азартом и выдумкой. Но пока надежд больше, чем успехов.

С проектом знаком не настолько основательно, чтобы претендовать на самостоятельные суждения. Однако думаю, что народ важнее любой государственной системы. Главное, чтобы мы были интересны людям.

– Что вы думаете о сегодняшней магаданской литературе?

– Конечно же, она есть, развивается по своим законам, возможно, не всегда понятным обывателю. Может быть, это мое частное мнение, она в миниатюре повторяет литературный процесс всей страны. Трудно сказать. В Магадане небольшая писательская организация, но не все писатели в нее входят. Наверное это правильно. Выходят два литературных периодических издания. Мне кажется – многовато. По поводу значительных, поворотных художественных работ за последние 10-15 лет могу сказать лишь то, что мне они не известны. Много воспоминаний, частных медитаций об истории Колымы, публицистика, новеллистика изобилующая экзотикой Севера и т.д. Раньше говорили: «литература Северо-Востока», теперь о многих работах можно сказать «Северо-Восток без литературы». Ничего тут не поделаешь, да и надо ли что-то делать, ведь писатели появляются неожиданно, вдруг, их не вырастишь в инкубаторе. Но я не могу сказать, что нынешний писательский процесс на Колыме есть деградация. Появляются многообещающие имена, авторы с большим потенциалом, хорошими амбициями... Подождем дня, когда они заявят о себе во весь голос.

Спасибо вам за ответы, надеемся, что вы еще не раз будете представлять Колыму в нашем проекте.

Беседовал Сергей ПАШКОВ

Пустой, беззвездный небосвод
Приляжет заморозком в поле,
Как мальчик в опустевшей школе,
Душа от ужаса замрет.

И расплывется тень в углу,
Доселе вовсе незамечен,
Щекой неумолимый вечер
Прильнет к прозрачному стеклу.

Из-за восточного холма
Под фонари безлюдных улиц
Придет, от холода сутулясь,
Не ночь, а белая зима.

На задворках Азии – без перемен,
Как на Западном фронте старины Ремарка.
Та же Маска на сопке и тот же тлен
На тайгу похожего городского парка,

Те же улицы и те же дома,
Царит, уплотняя сезоны иные,
Все та же назойливая зима.
Из нового – тюрьмы, почти пустые,

Да азиатских наречий фон.
Выше времени – привкус соли
Отливающих кварцем нагаевских волн,
Все еще ожидающих взгляда Ассоли.

Море дарит порою горбуши косяк,
Иль сухогруз со шмотками и овощами,
Или танкер, смахивающий на барак,
Не увенчанный алыми парусами.

На замороженную грязь
Падет снегов белесый пепел,
И станет мир стерильно светел,
И светел будет каждый час.

Прочертит Бог на простыне
Следы людей – фрагменты судеб,
И будет после то, что будет.
И как в далеком детском сне

Твой будет легок каждый шаг,
И в каждом слове и движенье
Ты будешь, как в воображенье,
Умен и точен, словно маг.

И будет резким каждый звук,
И будет громким шепот всякий,
И топот времени двоякий
Вселит в тебя надежду вдруг.

Ты неожиданно поймешь,
Что будешь жить еще столетья,
И в этом долгом многолетье
Случится все, чего ты ждешь.

Твой шумный вздох наполнит вдруг
Холодный запах мглы и ветра,
И небо будет в полуметре
От поднятых тобою рук.

От воскресенья до среды

Никак война не окончится... Вроде только
вздохнули,
Как спички, мука и соль исчезли с прилавков,
А там, где летали голуби, вдруг засвистели пули,
И проходимцы с плоскостопьем выхлопотали
справки.
Люди всегда наивны, особенно по утрам в
выходные,
Когда воздух чист и прозрачен, как водка на дне
стакана.

В такие часы извилины мозговые
Не готовы внимать голосу Левитана.
Голосу, подытоживающему лишения
Иль предваряющему череду трагедий.
И даже если не знаешь, что будет, то без
сомнения
Счастье, когда некого ждать с войны, кроме
соседей.

Когда пройдет уйма времени и однажды весною
Новая непривычная дата станет днем победы,
Кто-нибудь тряхнет седой головою
И скажет, что мы побеждаем, как правило, в
среду.
Побеждаем всегда и всех, а после желтых гильз
болванки

Храним на комод, а в комод – пятаки медалей,
И еще долго кажется черным вражеским танком
Сарай на горизонте с крышей, обшитой
металлом.

Владимир Мягков не только художник

Фото П. Жданова

Владимир Мягков не только художник, но он также и член Творческого союза «Фотоискусство», представляющего Россию в Международной федерации художественной фотографии (FIAP), и корреспондент Национального фотоархива «Геофото». Имеет звания AFIAP и M-Photoart. Член Русского географического общества. Он постоянный участник международных фотовыставок и конкурсах более чем 25 стран мира. Его работы отмечались золотыми, серебряными и бронзовыми медалями, дипломами и другими знаками отличия..

– В основном живопись многих художников это та же самая фиксация того, что запечатлевается самим художником и редко когда сами художники пытаются передать свой внутренний мир духовного воображения. Также на художников влияет географическое их место рождения и проживания, чем они увлечены. Владимир, я хотел бы вас спросить как человека, который много путешествовал и многим увлечен, а это как то влияет на то, какие темы выбирает для себя такой художник?

– В том то и дело, что живопись (как, впрочем и графика) – не просто фиксация окружающего мира, натура (во всех смыслах) для настоящего художника – только повод для выражения себя, своих

идей, настроений, концепций, для создания Произведения – с помощью своего уникального художественного языка, мастерства и опыта...

Что же до духовного воображения – это уже кто во что горазд... С воображением вообще нужно быть осторожнее – не нужно утыкаться в это термин – иначе мы погрузимся в мутное пространство воображаемого фэнтези, которым наш нынешний усиленно изображаемый и компьютерный мир просто фонтанирует. Мои темы – взаимоотношения человека и Вселенной, проблемы духовного и нравственного выбора, попытки найти себя в этом «прекрасном и яростном мире» (А. Платонов.С*) через средства, мне доступные – линия, пятно, цвет, свет, а главная идея, конечно – это

Красота – она бывает очень разной, иногда нежной и трогательной, а иногда жесткой, контрастной и слепящей, но нужно уметь её видеть и чувствовать...

Для меня многое значит мифология и народная традиция, в этих древних удивительных сюжетах я находил ответы на свои вопросы и видел направление своего развития. Что же до путешествий – да, действительно, мне довелось поездить по некоторым странам и континентам, и я был очень впечатлен пейзажами и вообще антуражем... (смеется). Но для меня, как русского человека, очень важно понятие «Родины», Магадан – это моя духовная Родина, я очень люблю этот маленький странный город, суровую северную природу, его окружающую, людей – наследни-

ков первопроходцев Дальнего Востока России, сильных духом и телом, с которых я стараюсь брать пример.

– Когда появилась фотография, многие думали, что художественное ремесло прекратит свое существование, а когда появилось кино, многие думали, что театр будет не нужен, хотя этого не произошло, более того, они даже стали симбиозом в сотрудничестве, как это было у художников с театрами. Как вы считаете возможен ли постоянный симбиоз, как сейчас художников с цифровой компьютерной графикой, или все же технический прогресс может вытеснить духовную творческую составляющую человека и самостоятельно творить то, что принимать будет в будущем потребитель киберреального мира?

– Технический прогресс никогда не вытеснит творческую личность. Я говорю о человеке как воплощении духовности. Не хочется тратить много слов на этот тезис, но думаю, вы и сами это прекрасно понимаете. А цифровые покемоны, айфоны, пылесосы и холодильники могут сами с большим успехом общаться друг с другом в своем замкнутом киберреальном мире.

– Вы занимаетесь не только художественными работами, но и фотографией, что можете сказать о различии и общего у этих искусств?

– В двух словах – и то и другое – искусство, средство и способ постижения внешнего и внутреннего мира и поисков гармонии и красоты. Каждое – со своим изобразительным языком, разными и интересными возможностями и ограничениями. Иногда в фотографиях я вижу идеи для графических и живописных работ, а иногда вещь сочиненная, нарисованная заставляет искать воплощения средствами фотографии.

– Как думаете, некий дар может

передаваться по наследству от рождения или от приобретаемого опыта самим человеком? Ведь, как я понял, у вас целая династия художников, и что об этом можете рассказать?

– Конечно, дар может передаваться по наследству, и очень легко не может – тому мы знаем огромное количество весьма наглядных примеров. Есть много реальных историй и сентенций о детях талантливых людей, но я думаю, что главное здесь – сознательный выбор пути и соответственно получение личного опыта и развития. Да, нашу семью можно назвать династией – Владимир Николаевич и Маргарита Петровна Мягковы – наши родители, посвятили свою жизнь Искусству и явились примером для нас с моим братом, Александром. Коротко об этом не расскажешь, нужно прожить жизнь, чтобы почувствовать и понять, что есть красота, мастерство и профессионализм и суметь сохранить в душе верность своим идеалам.

– Чем вам, как художнику, привлекателен Магадан и сам Колымский край?

– Как я уже сказал, Магадан для меня – это духовная Родина, маленькая точка на границе огромной страны, и здесь я – дома. Нездаром есть выражение – «Планета Колыма» – это целый мир с очень богатой, непростой и иногда шокирующей историей, которая еще ждет своих исследователей. При подготовке к некоторым своим работам мне пришлось изучать исторические документы, архивные материалы, личные мемуары, и впечатление от соприкосновения с реальной историей, характерами и судьбами людей было просто потрясающим. Начиная с самых древних времен этот суровый и жестокий край был кузницей сильных людей и настоящей сокровищницей России. Сами пейзажи, окружающие нас, демонстрируют целую феерию эмоций – море, скалы, горы, снега, тайга...

– Нужна ли человеку критика и самокритика, чтобы не завышать самооценку и не занижать ее, либо, как сейчас многие считают, что человека не должно интересовать мнение и оценка других людей?

– Даже не знаю что ответить, вопрос, наверное риторический... Но попробую – конечно, «ДА» – и критика, и самокритика очень важны, ведь я работаю не в вакууме и мне важно мнение людей, видящих и чувствующих мои работы... Так называемый «внутренний цензор» зачастую довлеет над свободой творчества и приходится находить способы обойти предрассудки и границы видения. То, что я делаю, является плодом моей длительной духовной и физической работы, но уж если я позволяю себе демонстрировать на публике результат своего труда, то и зритель должен постараться УВИДЕТЬ это произведение и оценить его по достоинству.

– Многие люди в современной реальности стараются собирать тленные богатства, материального и духовного тлетворного плода, даже хвалятся этим, а вы сами считаете, должны ли люди задумываться о справедливости и творить благие дела?

– Вы это серьезно спрашиваете? Еще один весьма риторический вопрос... Я не святой отец и не духовный вождь и не собираюсь читать здесь проповеди о спасении души и пользе нестяжательства и благотворительности.

– Какие у вас планы текущие и на долгую перспективу?

– У меня есть несколько запланированных работ, сейчас я думаю над их воплощением, но жизнь постоянно вносит коррективы в планы, собираешься сделать одно, но приходится это отложить и заняться чем-то более срочным и востребованным. А вообще, конечно, планы – жить и работать!!!!

Беседовал Сергей Пашков

Живопись

*Атаман Иван Москвитин**Атаман Михаил Стадухин**Десятник Дмитрий Зырян**Полковник Афанасий
Шестаков**Майор Дмитрий Павлуцкий**Кормщик Никифор Треска*

*Капитан-командор
Алексей Чириков*

*Капитан-командор
Витус Беринг*

Капитан Мартын Шпанберг

Мичман Василий Хмитевский

Прапорщик Якоб Линденау

Геодезист Михаил Гвоздев

«Встречь Солнцу»

В нашем юбилейном номере газеты, плавно трансформировавшейся в стостраничный журнал, мы представляем новый цикл графических работ магаданского художника, Заслуженного художника России, Владимира Мягкова. Вдвойне приятно, что это – первая публикация, эти работы еще нигде не экспонировались и посвящены они истории открытия и освоения огромной части России – Севера и Дальнего востока, Колымы – нашего родного края.

Я не могу причислить себя к знатокам художественных стилей в изобразительном искусстве, но могу составить представление и сформировать свое личное мнение о работах Владимира, вне зависимости от того, какой теме эти работы посвящены. Бывая на художественных выставках, куда он меня любезно приглашает, не перестаю удивляться той глубине таланта, которым наградила его Создатель, дав право и возможность Творить. Работы притягивают взгляд динамичной композицией, смелостью художественного воплощения и затягивают в запечатленную временную и энергетическую реальность. Глазами автора я смотрю на такой знакомый и одновременно неизвестный Магадан, завораживающие величественные пейзажи и отвлеченно-философские композиции, каждый раз открывая для себя что-то новое и неожиданное.

Вот что говорит о своем новом цикле «Встречь Солнцу» сам Владимир: «В этой работе я обратился к образам людей, живших сотни лет назад и оставивших свой след в богатой и непростой истории нашего края – первопроходцев и первооткрывателей, пришедших сюда и по зову судьбы, и по государеву повелению, недаром почти все они носят воинские звания. А следы они оставили различные – от основания далеких форпостов российских, открытых неведомых пространств и новых торговых путей, до жестоких и противоречивых, врезанных в вечности после, не всегда добрых отношений пришельцев и коренных народов Северо-Востока России. И для меня все они – не праздные бездумные романтики, влекомые ветром дальних странствий, а люди долга и чести, труженики и воители, отдающие все свои силы выполнению поставленных целей. Работа над этим проектом заняла почти год – включая и сбор информации, предварительные эскизы и выбор сюжетов, ну и само воплощение замыслов в материал. Я работаю в довольно сложной графической технике, она капризна и трудоемка, но это мне нравится – добиваться от неподатливого материала соответствия результата своему внутреннему видению. Сейчас у меня уже возникла идея продолжить этот проект, есть еще очень много исторических личностей, которые мне интересны. Если все сложится хорошо, планирую начать новую серию в этом году».

Ну что ж, я пожелаю Владимиру удачи в его творческих поисках, а пока добавлю несколько слов о своем впечатлении о публикуемых нами работах. Техника исполнения этих портретов очень экспрессивна и необычна – автор уходит от банальной иллюстративности, сквозь поверхность картин словно проглядывает сама история – нерасказанная и загадочная, резкая и рваная, сверкающая свершениями и проваливающаяся во тьму забвения. Конечно, реальных портретов история для нас не сохранила, за очень редкими исключениями, и автор создавал собирательный образ – руководствуясь их личными отчетами, свидетельствами историков и архивными материалами. И вот уже мы видим, как яростно борется с охотоморским штурмом личман Хмиевский и команда бота «Большевец», гибнет от чукотских стрел и копий неистовый майор Павлуцкий, сосредоточенно всматривается в горизонт капитан-командор Беринг, прикидывает сложность маршрута десятник Зырян – первооткрыватель реки Колымы наряду с Дежневым и Стадухиным – и другие первопроходцы, чьи имена не многим известны сегодня. Выразительная подача образов пробуждает интерес, вызывает желание узнать больше о перипетиях жизненного пути портретируемых, а путь этот был весьма сложен и тернист. Герои Владимира Мягкова очень убедительны в своих переживаниях, автор показывает их в непростых ситуациях и критических моментах их жизни, добиваясь изобразительными средствами высокой эмоциональности и выразительности.

Думаю, Владимиру удалось передать сам дух времени – жесткую и суровую эпоху открытий – и очень цельно воплотить в своем изобразительном цикле память о таких разных по характеру и судьбе людях – наших соотечественниках и, можно сказать, земляках, оставивших по себе память – и добрую, и злую, и благодарную. Объединяет этих людей общая устремленность, далекий и суровый край, где творились их судьбы и где живем сейчас мы – их потомки и наследники.

С автором беседовал С. Малашко

В нашем номере журнала «Интеллигент» удивительный и интересный творческий человек из Колымского края, города Магадана Александр Сырченко.

Наши авторы и читатели уже по достоинству могли оценить его работы в газете «Интеллигент. Москва», в журнале «Интеллигент. Избранное». Его работы и материалы о нем также публиковались в других изданиях, например, в «Мегалите», в журнале «Витражи» из Австралии и других.

Это говорит о том, что Александр стал замечен как интересный автор своих стихов не только у себя в Магадане, но и в различных регионах России и за рубежом. Однако, благодаря Сергею Малашко, мне повезло гораздо больше, чем другим, а именно в знакомстве с творчеством этого замечательного человека. Потому я захотел и других наших авторов и читателей, которые у нас по всему миру, познакомить с разносторонним творчеством Александра.

– Александр, наш дружный международный коллектив приветствует Вас и благодарит за предоставленные в наши издания Ваши стихи. Расскажите, как Вы оказались в Магадане, чем притягивает этот город, что связывает Вас с ним?

– Здравствуйте, Сергей. Я также рад приветствовать Вас и весь ваш дружный международный коллектив. Рад тому, что мы обрелись друг для друга, надеюсь, на долгие годы.

После окончания срочной службы, которую проходил в Кремлевском полку в 1985-1987 г.г., я учился в г. Донецке, в государственном Университете на филологическом факультете. Однажды я встретил девушку из этого же университета – студентку биологического факультета, в которую мгновенно и бесповорот-

ОТКРОВЕННАЯ БЕСЕДА

Интервью поэта Александра Сырченко

но влюбился. После двухнедельного знакомства, я сделал ей предложение выйти за меня замуж и по истечении минимального срока, предусмотренного правилами Загса, мы зарегистрировали брак. Желая обеспечить достойный материальный уровень своей молодой семье я, при содействии своего отца, прибыл в г. Магадан. Со мной, конечно же, прилетела и моя жена. Впервые по трапу самолета мы сошли на Магаданскую землю 3 августа 1989 года. Я был по-настоящему заворожен красотой и силой Колымской земли. Великое, неприветливо холодное, но глубинно благородное, по-царски щедрое Охотское море, какая-то совершенно сюрреалистически буйная симфония красок неба, рек, скал, тайги и тундры, какая-то загадочная и волнующая, как при только что законченном сотворении мира – безлюдность колоссальных просторов и ощущение разлитого в по-космически чистом воздухе вечного вездесущего мудрого и великого Духа. Таковы были первые впечатления. По мере знакомства с Колымской землей, которая, кстати опоясана 25 километровым вулканическим поясом, мои впечатления усиливались и, по-хорошему, усложнялись. Я досконально изучал историю этого края, прарелигии, вернее праверования и культы, исповедуемые древними народами, населявшими эти земли, их культуру и быт. Новые знания во многом ломали картину мира, сложенную из знаний, полученных из официальных источников. В частности, при археологических раскопках были обнаружены останки древних людей европейского типа, при лабораторном анализе которых установлено, что их возраст намного старше, чем возраст знаменитого мальчика из пещеры Тешик-Таш, являющегося, по мнению официальной науки, доказательством происхождения людей от обезьян. Новейшая история Магаданской области известна, конечно же, гораздо больше. Это история лагерей ГУЛАГа, неразрывно связанная с общей историей нашей Родины, времен СССР. Одновременно история величия и позора. В Тенькинском районе Магаданской области в жутком лагере «Бутугычаг» добывали уран, там же находилась обогатительная фабрика имени Л. П. Берии, недалеко от нее «Вакханка» женская зона. Мрачные, полуразвалившиеся бараки до сих пор напоминают о тех страшных временах. До сих пор

там качаются на ветру маленькие качельки, сооруженные для ребенка начальника лагеря, до сих пор угрюмо стоят бетонные укрепозиции с проемами для автоматчиков, охранявших лагерь, до сих пор там лежит огромная куча грубой арестантской обуви, подбитой транспортной лентой, так как подошва быстро изнашивалась, когда заключенные тащили по острым камням ураносодержащую руду, до сих пор после таяния снега во многих таежных местах обнажаются различные фрагменты человеческих останков, так как вечная мерзлота не в состоянии их «переварить». Там же часто находят кости древних животных: мамонтов, носорогов и других.

По роду своей деятельности я общался с представителями всех социальных групп Магаданской области от криминальных элементов до творческих и научных деятелей, верхних руководителей региона, поэтому хорошо знаю и фасад и изнанку нашего северного края. У меня много надежных, проверенных временем и трудностями друзей, я очень скучаю по этой земле и людям, когда приходится их временно покидать. Меня какая-то прочнейшая духовная пуповина связывает с этими местами, людьми, быть может даже с Духами этих мест, гор, вод, ветров, поэтому, где бы я ни был, через какое-то время начинаю испытывать сильнейший эмоциональный, психологический и даже физиологический дискомфорт от отсутствия возможности дышать этим воздухом, ходить по диким таежным и горным тропам, пить непосредственно из живых родников студеную, кристально чистую воду и воспевать молитвенную хвалу Всевышнему за все это.

– Александр, я хотел бы раскрыть Вас не только как интересного автора стихов, а потому спрошу Вас вот о чем. Мне пришлось познакомиться с Вашим прекрасным голосом при исполнении ваших песен, а вопрос у меня такой. Вы исполняете только собственные песни, или же у вас есть свои предпочтения и к другим авторам, и кого бы вы отметили?

– Спасибо за добрые слова. До службы в армии я жил в городе Киеве. Так как сочинять стихи я начал еще в детстве и в 4-м классе состоялась моя первая публикация, поэзия стала неотъемлемой частью

моей жизни. Поэтому я участвовал в различных творческих объединениях и литературных и музыкальных и театральных. И в этот период мы с друзьями произвели ряд магнитофонных записей моих юношеских песен в музыкальном сопровождении моих творческих друзей. В основном это были мои песни. Но однажды я решил записать двадцать три или двадцать четыре уголовных песни. Я подчеркиваю, не дворовых, не стилизованных под блатные, а именно настоящих тюремных песен. Я не знаю их авторов. Это были песни из моего детства. С 4-х до 8 лет я проживал в г. Артемовске Донецкой области в самом большом довоенном доме. Мой дедушка обожал голубей и держал их в старом, но крепком и чистом сарае. Недалеко стоял огромных размеров стол с пластиковым покрытием и по вечерам за этим столом собирались очень колоритные люди и играли в домино и карты. Они выпивали, курили, вспоминали прошлое. Были среди них фронтовики, бывшие «сидельцы» и простые рабочие люди. Мой дедушка в 8 лет остался круглым сиротой в славном городе Одессе, ну и, конечно же, хлебнул беспризорной жизни, о чем рассказывал мне колоссальное количество историй, да и о других периодах его жизни. Но он был виртуозным токарем, разработал новый тип комбайна и на пенсию вышел с должности главного механика механического завода. Во время войны был ранен, остался без одного глаза, имел большое количество наград. Во дворе, да и вообще все кто его знал, относились к нему с очень большим уважением. Так вот я плотно общался со всеми этими людьми. Несмотря на разные судьбы и социальное положение, их объединяли общие принципы: дал слово – держи, не закладывая никого и никогда, дерешься – дерись до последнего, никогда не становись на колени и т.д. Там же, под гитару, баян, да и просто так звучали военные и тюремные песни, наполненные настоящей солдатской или лагерной тоской. Об этой тоске солдатской я потом уже прочитал у Виктора Астафьева, о лагерной тоске рассказывал при встрече Георгий Жженов, который «тянул срок», и, кстати, играл в Магаданском драматическом театре, и многие-многие терпигорцы с которыми меня сводила судьба. Как писал Давид Самойлов: «... И это все в меня запало и лишь теперь во мне проснулось». Вот и во мне также проснулось все, что запало и мы это все записали. Затем серьезные, профессиональные записи я сделал с группой «Оптимисты» в Кремлевском полку. В этот альбом вошли песни на стихи Николая Апухтина, Редьярда Кип-

линга, Владимира Высоцкого, Александра Розенбаума, ряд старинных романсов и несколько моих песен.

Я обожаю и, при случае, исполняю песни Алеши Димитровича, Леонида Утесова, Марка Бернеса, Дины Дяк, Александра Вертинского, Евгения Урбанского, Александра Башлачева и, к сожалению, не известных мне авторов. Я знаю очень много песен, имена авторов которых канули в Лету. Кроме того, я пою русскую классическую поэзию, которую просто боготворю.

– Александр, слушая песни в Вашем исполнении, я поймал себя на мысли, что я погружаюсь в некую атмосферу эмиграции, или, так скажем, когда в России шла гражданская война, что-то в соотношении «Господа офицеры», а так же из песен эмигрантов революционной, так сказать, волны Галича, или я не достаточно верно уловил композиционное настроение Ваших песен?

– Очень верно уловили все, кроме А. Галича, которого исключили из союза писателей (вспомнился союз писателей, описанных М.Булгаковым в «Мастере и Маргарите» – такой же регулярно снабженный деликатесами и за это единодушно мыслящий в верном направлении орган по контролю за талантливыми людьми...) и выслали из страны. Но Галич был, все же, уже советским человеком, вернее будет сказать человеком советской эпохи развитого социализма. Поэтому его эмигрантские настроения были совершенно иного порядка, чем у моих героев, которые трепетно любя Родину, были вынуждены либо погибнуть, либо эмигрировать от тех, кто ненавидел Россию, но, по иронии судьбы, оставался и руководил ею. Точнее, насиловал её. Тот цикл песен, который Вы прослушали, поется от лица русского офицера, потомка Чигиринских казаков, который совместно с представителями Донских казаков переправился на остров Лемнос в Эгейском море и после череды жизненных перипетий, скончался в турецких трущобах в 60-х годах прошлого столетия, оставив после себя несколько рукописных тетрадей и катушку с магнитофонными записями. А музыкальная студия «Антиквар» передала их в распоряжение советского правительства. Вот в архивах их впоследствии и нашли. Но это легенда. На самом деле это герой моей повести «Паутинка», которого я провел через самые ужасные для русского, подчеркиваю, для русского офицера испытания. Не Хлебом, а Духом я старался испытывать его. Согласитесь, одно дело исповедовать благородные принципы,

находясь при «чинах и званиях», другое дело исповедовать те же принципы, когда в них мало кто верит и, более того, откровенно над ними потешаются. Отсюда и настроения этих песен. Ну, а разве в наше время по другому? Так называемая «элита» общества обогащается любой ценой, исповедуя принцип необузданного эгоизма, а от других общество и мораль требуют тотальной жертвенности и бескорыстия. И в этой ситуации разные люди ведут себя по-разному. Но, помоему, это и есть Библейское «испытание металлов через горнило».

– Вы сами пишете музыку и аранжировку к своим песням? У Вас все песни в некой лирической и, в то же время, трагичной композиции или у вас есть торжественные песни, в ином, так сказать, амплуа, например, по мотивам местного колорита Колымы, которая не всегда соотносится с неким трагически-лирическим осознанием этих краев?

– Музыку пишу сам, а аранжировку делают профессионалы. Я отверг несколько вариантов, по причине наличия в них шансоновских каких-то отголосков, хотя я с большим уважением отношусь к качественному шансону. Однако, я хотел иной подачи звучания, иного инструментария. Как Вы верно заметили – атмосферы. И, наконец, нашелся такой человек – профессионал очень высокого уровня. Он глубоко прочувствовал каждую строку и сделал ту аранжировку, которую Вы слушали. Мне очень понравилось и я благодарен ему за это. Кстати, артисты балета из Магаданского драматического театра сделали две удачных балетных постановки по некоторым этим песням, что меня очень порадовало. По поводу торжественности, скажу так. Я пишу иногда гимны, общаясь с нашей природой, о которой я уже упоминал. Ведь стихи – это формальное завершение совокупности полученных от жизни эмоций, переживаний и мыслей. Нет эмоций и мыслей – нет стихов. Искусственные построения всегда выдают себя. Я, полагаю, Вы согласитесь, что это как в любви. Женщина всегда почувствует фальшь в признании мужчины, если оно неискреннее. А настоящие чувства не оставляют равнодушными. Поэтому научиться сочинять стихи, или признаваться в любви без любви – невозможно. Это или есть, или нет. Вот и я пишу, как чувствую, иначе у меня не получается.

– Такие песни, которые я прослушал в Вашем исполнении, мне кажется, исполняются в некой интимной

обстановке или в неких небольших ресторанах, в тесном дружеском застолье, и довольно редко они приходят на большую эстраду в исполнении Александра Малинина, Олега Газманова... Однако это вовсе не говорит о непопулярности таких песен, просто чаще творческие люди в своем творчестве отражают реальные истории и события, почему же именно Вас так увлекла такая тематика и такое амплуа?

— Абсолютно верно. Мои песни и стихи так и звучат: в небольших театральных коллективах, камерных рестораниках и в квартирах моих друзей и поклонников. Я не являюсь противником эстрады, но также как и Вы не представляю свои песни в эстрадном исполнении и не имею никакого желания под это исполнение их подлаживать. Мне чужды коммерческие проекты, да и к публичности я отношусь без восторгов. Я очень ценю сам акт творчества, миг вдохновения, те состояния сознания, в которые я при этом погружаюсь, просветления. Это великий Дар Господа, а придет известность или нет — для меня не особенно важно. Это честно. За все время моей творческой деятельности, я не выставил на продажу ни одного диска, ни одной песни и ни одного стиха. Но много просто раздарил. Почему такое амплуа? Я уже частично ответил на этот вопрос. Понимаете, по моему глубокому убеждению произведения искусства прекрасны тем, что никогда не теряют своей актуальности. Трагедии Софокла в наше время так же свежи и злободневны, как во времена античности, драмы и трагедии Шекспира написаны и про наше с Вами время, «Божественная комедия» Данте и «Фауст» Гете, также про все и про всех и на все времена. Дальше можно не продолжать. Поэтому нет разницы в костюмах какого времени одеты герои произведений, если в их душах бушуют вечные семь смертных грехов, как семь нот, из которых сплавлялись миллионы прекрасных и ужасных мелодий и будут сплавляться все новые и новые, пока жив Род человеческий.

— Александр, я Вас представляю патриотом России, человеком, который, не взирая на различные сложные ситуации как в самой стране, так и на международной арене, любящим и преданным своему Отечеству, а потому, может, стоит сочинять торжественные патриотические песни, или, все же, гражданская лирика по-Вашему тоже дает людям не только ностальгические воспоминания, но и осознавать свою некую неразрывную

связь с Родиной, так сказать, осознанность себя единым с Русским Миром?

— Начну ответ словами из стихотворения Марины Цветаевой: «Спасибо Вам, что Вы, меня не зная сами, так любите!» это шутка, конечно, но у меня во время публичных разговоров о собственном патриотизме возникает чувство, схожее с тем, когда на мокрое тело натягиваешь свитер из грубой, колючей шерсти. Немного передергивает. Я считаю, что настоящая любовь к Родине — не публична и всегда с какой-то болью. Я русский офицер, полковник запаса. Как же я могу не любить Россию? Ее колоссальную, невероятную и сложнейшую историю? Ее людей? Ее могучую природу, испокон веков рождающую богатырей, исполинов Духа и тела? Ее язык, на котором эти исполины общаются? Если бы во мне не было этой любви — я был бы простым, презренным наемником без Родины и флага. А я не наемник, никогда им не был и не буду. Мне также чужды мысли, относительно того, что в русском Мире должно присутствовать только то, что родилось на этой земле. А как же Лао Цзы? (Один из моих любимых философов, который всего за свой жизненный отрезок времени, сам, прошел духовный путь от ранних греческих философов до Анаксагора с его концепцией мирового Ума и продвинулся намного дальше, хотя Лао Цзы не имел никакой связи с указанным направлением мировой мысли), а как же Будда Шакьямуни? Рамакришна? Вивекананда? Ганди? Гермес Трисмегист? Зороастр (Заратустра)? И многие другие гении. Я в данном случае не жонглирую великими именами, я просто хочу сказать, что все они являются частью моего духовного мира. Каждый из них нравственно и духовно вскармливает меня. И я с огромной благодарностью, бережно несу в себе маленькую часть их любви, чистоты и силы. Если бы то, чем я занимаюсь, могло в итоге преобразоваться в крохотный листок в этих безграничных джунглях мирового Духа — я был бы безмерно счастлив. Поэтому я пишу только в рамках тех форм, на которые способна моя искренность.

— Александр, наверняка кроме поэзии у Вас есть другие хобби. Если можно, расскажите о них.

— Я очень люблю старинные книги. Приезжая в любой город, в любую страну, я иду в букинистические магазины, лавки и всегда, в меру своих финансовых возможностей, покупаю редкие книги. Иногда друзья и близкие, зная эту мою страсть, делают мне подарки. Например, на один из праздников, мне подарили

первое издание Фридриха Ницше в России. Имеются у меня прижизненные издания Виссариона Белинского, Николая Гоголя, Александра Герцена, Льва Толстого и некоторых иных великих русских и зарубежных мыслителей, в том числе ряд ранее запрещенных мистиков, как христианского, так и исламского и буддийского направлений. Есть удивительно красивый индийский эпос, Африканская поэзия и многое другое. Это моя страсть. Еще одной страстью является спорт. Я с самого раннего детства занимался волейболом, был капитаном сборной команды Киев-2, борьбой, затем каратэ и, наконец, тай цзы цюань (в переводе — кулак Великого предела). Это изоциальная система, существующая на стыке трех феноменов: философии, рукопашного боя и медицины. Основателем ее считается китайский даосский монах Джан Сан Фень. У меня широкий международный круг общения и много профессиональной литературы по этим темам. Я бы все это не называл хобби. Просто это часть моей жизни.

— Спасибо Вам, Александр, но в заключение я хотел бы от Вас лично узнать оценку начавшегося плотного сотрудничества Магадана и нашего проекта и как вам лично наш проект медийной группы «Интеллигент»?

— С вашим проектом меня познакомил известный Вам писатель, охотник, рыбак, предприниматель и просто хороший человек — Сергей Малашко. Прочитав вещи публикуемых вами авторов, я был приятно удивлен уровнем и разнообразием их творчества, а также широтой представленных литературных школ и направлений. Опять же — географической палитрой. Очень понравились интервью с известными и не очень, но поразительно самобытными людьми. Хорошо, что на страницах ваших газет и журналов нет политических споров и дискуссий, от которых у меня уже давно сильная оскмина. Сергей предложил мне опубликовать несколько вещей. Я с радостью согласился. Насколько хорошо получилось — судить Вам и читателям. Сотрудничество с поэтами, писателями и художниками дальнего северо-востока будет иметь обоюдный интерес. Зная творчество своих земляков, убежден, что читатели не будут разочарованы, а ваш проект получит новые яркие краски и настроения. Пользуясь случаем, я хочу поблагодарить Вас и ваших коллег за кропотливо и успешно проведенную работу и пожелать вдохновения, сил и удачи в настоящем и будущем.

Беседовал Сергей Пашков

Вечерняя мистика

Метель такая, что мутно-жёлтыми
 Кажутся окна домов,
 Они не зовут к себе, а отпугивают,
 Потому, что всегда было так,
 Если кто-то имел свой кров,
 То оберегал его, как квочка
 Недавний выводок.
 А кто не имел, где жить, тот,
 Ногти, грызя, выплевывал
 Обиду и злобу на жёлтое счастье других,
 Испугом в глазах застывшее.
 Но были такие, которым иметь
 Совсем не хотелось лишнего.
 Они рождались для того,
 Чтобы напившись пить,
 А напевшись умереть
 Где-нибудь в подвале
 С мышами.
 Теперь метель.
 И каждый из этих трех
 Отягчен своими больными думами,
 А над ними
 Распростёр длани
 Прозрачный Бог
 И больше люди Ничего не придумали.

Порочные этюды**1**

Девочка милая, осиротелая,
 Не уходи, ведь за этой стеной
 Ветер ночной, улица омертвелая,
 В грязном снегу, под калекой луной.
 Жизни моя и твоя раскорячены
 По бесконечным концам площадей,
 Только сегодня обоим назначено
 Скрыться от мира в каморке моей.
 Сядем напротив, моя одинокая,
 Глядя друг другу в глаза – так тепло!
 Бог нам такое – такое далёкое,
 Мы же так близко, как ночь за стеклом.
 Не совладать нам с дурными привычками...
 Над кокаином зависла рука...
 Годы над нами дымочком над спичками,
 Вместо которых лишь два уголька.

2

Спи белокурая, куколка скверная,
 Мой приبلудившийся гном,
 Рядом с тобой моя боль легковерная
 В грёзах забудется сном.
 Мало ты видела в жизни хорошего,
 В жизни короткой своей.
 Ишь ты, как заиндевели порошею
 Жёлтые нити прядей!
 Что ж с тобой люди, голубка, наделали?
 Господу б кто намекнул?
 Спи. Я с тобою своими напевами
 Дьявола в сердце вспугнул.

Жене

Сияла вечная луна
 Когда лобзал я эти плечи,
 Притих сверчок в своём запечье,
 Лишь мы не спали и луна.
 Стучали яблоки в саду,
 Как золочённые копыта
 И грудь твоя была открыта
 И ты в бреду и я в бреду,
 Дыханием ветра кисея
 Была отброшена от окон
 И звезды падали далеко
 И счастьем грезила земля.

**Отрывок из поэмы
«Северная песня»**

Пустынный берег тих и светел
 На лужах заморозков вязь,
 Рыбак раскладывает сети
 Над лодкою, не торопясь.
 Табак весь скурен в папиресе,
 Приподнимаю воротник,
 Люблю я северную осень,
 От южной я уже отвык.
 Печально небо, молчаливо,
 Нет чаек, только ветра вой
 И я, ссутулясь сиротливо,
 Бреду пить чай к себе домой.

Мой катарсис

Волнуя грозной красотой
 В объятьях блещущих морей
 Лежит мой Север, предо мною
 В холодной скупости своей.
 Ветра вихрастые тугие
 Раздули серый небосклон
 И в переливы колдовские
 Преображаться начал он.
 Над тёмной кромкой горизонта
 Из райских вишен брызнул сок
 И солнца два луча-осколка
 Воткнулись копытами у ног
 В златённые венцы оделись
 Верхушки просветлённых гор,
 А в море, далеко виднеясь,
 Горит скалы столетний горб.
 Все высшим полнится движеньем,
 Весь мир предчувствием томим
 И я, пронзённый вдохновеньем,
 Дрожу, соприкасаясь с ним!

Морской этюд

Море, безлюдье, гроздь винограда
 На блюде серебряном, девушка рядом.
 Смуглая девушка – дочка Китая
 Слушает море о чём-то мечтая.
 Солнце устало и, остывая, ласковей стало
 В воду сползая,
 Тени длиннее и холоднее,
 Ночь эта будет в звёздном скоплении,
 В нашем селении много заботы:
 В дом рыбаки возвратились с работы,
 Жарится рыба, соус томата...
 Мог ли я жить по-другому, когда-то?...

Петр Цветков

Родился в 1975 году в городе Магадане. С детства увлекается охотой и рыбалкой, свою жизнь неразрывно связывает с Колымой. По трём образованиям и призванию автотранспортник. В рамках общественной деятельности проводит много встреч с жителями города и области, активно участвует в решении их проблем.

Живущий здесь

Было тихое, туманное июльское утро. Настолько тихое, что треск поломанной ветки в зарослях за рекой прозвучал для меня как выстрел. Никого, кроме медведя, там быть не могло, и я приготовился к встрече косолапого, сняв с плеча ружье. Нет, я не стрелял в них, особой нужды в этом не было, выстрел в воздух прекрасно их выпроваживал. Лето девяносто пятого года я жил на землях медвежьего заказника в устье реки Аралиханджа и встречался с ними по несколько раз на день. Речку шириной в семь метров взрослый медведь преодолевал в три прыжка и мог в мгновение оказаться передо мной. Все ямы в реке были заполнены поднимающейся на нерест горбушей и кетой, поэтому большинство мишек в сытости агрессии ко мне не проявляли, лишь для порядка пофыркивали на близко подходивших к ним собак. Большинство, кроме двух крупных взрослых самцов и одной мамки с тремя маленькими медвежатами, они при каждой встрече сразу показывали, кто здесь хозяин. Самцы угрожающе выпрыгивали из-за укрытий и вставали на задние лапы, защищая свою территорию, а самка, почуяв меня издали, начинала громко кричать, созывая медвежат к себе, и, недовольно уркая, уводила их на безопасное расстояние, впрочем, она реагировала так и на своих сородичей. Из стланиковых зарослей продолжал доноситься шум, кто-то медленно приближался ко мне и мое волнение нарастало. «И собаки далеко ушли», — подумал я, продолжая пристально всматриваться в заросли на противоположном берегу, желая увидеть кого угодно, кроме медведя.

Три недели назад к берегу в устье реки пришла моторная лодка с двумя женщинами. Надо сказать, что это была единственная встреча с людьми за прошедший месяц. Приходили две американки, что работали в научном поселке в тридцати километрах от меня, они изучали белоплечих орланов. Красивая и грозная птица гнездится на берегах полуострова Кони, и наблюдать за ней приезжают ученые разных стран, рядом с моим станом было два их гнезда. Я не раз видел, как охотятся орланы, они с легкостью выхватывают из воды крупных пятикилограммовых кетин, и даже взрослые лайки, издали завидев парящего над морем хищника, боялись его, не отходя от моих ног. Встреча с орнитологами была очень короткой, они осмотрели гнезда, и, расстроившись пропажей одного птенца, ушли той же водой, не оставив даже на чай. «Не стрельни в меня», — услышал я с того берега реки. Сквозь пушистые ветки кедрового стланика я увидел человека, выбираю-

щегося на берег. Невысокий шупленький мужичок, одетый в большую, не по размеру, потрепанную коричневую замшевую куртку, самошитые штаны из грубого брезента и стоптанные до белесых заломов кирзовые сапоги. За плечами у него был маленький, выгоревший на солнце, брезентовый рюкзак, из которого торчало топориче, ружья при нем не было. По перекаату, перепрыгивая с камня на камень, он перебрался на мой берег реки.

— Ты откуда взялся? — спросил я.

— Живу я здесь! — сказал он.

— Где здесь, где живешь? — в недоумении спросил я.

— Здесь везде, это земля моих предков! — ответил он гордо.

Он подошел ко мне, и я протянул ему руку в приветствие. Его маленькая ладонь была не видна в моей, но рукопожатие было по-мужски крепким. Смуглый, неопределенного возраста, мужчина из коренных национальностей, с копной черных давно не стриженных волос. Под левым глазом его широкого лица зиял большущий синяк, был слышен запах вчерашнего застолья.

— Меня зовут Петр, а тебя как величать? — спросил я, нарочито начиная на ты.

— Иван, мужиков в моем селе так часто называли, — ответил он.

— И где это тебе так досталось, кто у нас тут чукчей бьет?! — поинтересовался я.

— Да погодники, я у них лодку чинил, сами напоили, а потом по лицу, — ответил он грустно, с досадой. И тихо добавил. — Я не чукча, я ительмен!

А я про себя подумал, что к своему стыду раньше и не слышал о такой национальности.

Я пригласил его в дом и предложил вчерашней ухи. Несмотря на похмелье, Иван быстро съел большую тарелку и от добавки не стал отказываться. За едой он спросил, может ли остаться у меня на несколько дней для заготовки рыбы в дорогу, сказал, что поможет мне за это по хозяйству. Я согласился, без каких-либо обязательств. Весь оставшийся день я донимал его всякими вопросами. Мне было очень интересно больше узнать о его жизни, ведь раньше мне не довелось встречаться с такими людьми. Нет, я много раз общался с представителями разных коренных народов Колымы и Чукотки и во время учебы, и на работе, но они все были «городскими» во втором и третьем поколении. Иван же после школы-интерната всю свою сознательную жизнь работал в оленеводческих

бригадах и в полевых бригадах геологов и городом называл поселок Эвенск, куда его возили получить паспорт. Он с гордостью предъявил его мне, бережно завернутый в газету и пакет изпод соли «Экстра», весь мятый и в разводах, паспорт советского образца без российского вкладыша. Я, смеясь, сказал ему: «Такого государства-то уже нет». На что он ответил: «Государства, может, и нет, а гражданин этого государства есть!». И сказал он это с максимальной серьезностью и достоинством, осадив мою иронию. Из вещей он нес в рюкзаке запасные портянки и кепку-бейсболку, подаренную туристами, моток плетеной веревки — метров десять, небольшой самодельный нож в ножнах из камуса, ржавый топор и металлический крюк, размером с ладонь, с веревкой на петле, назначение которого я выяснил позже. «Небогато живешь Иван», — глядя на его добро, сказал ему я. «У других и того нет, а мне хватает», — ответил он. Вечерело, и с последними лучами заката мы легли спать. Я долго не мог заснуть, прокручивая в голове сегодняшний день, а мой гость спал мертвецким сном, едва донеся голову до подушки. Умаялся, видно, в дороге. Я вообще не мог понять, как он прошел в ночь по горным тропам и склонам, заросшим кедровым стлаником, больше сорока километров один, без оружия и снаряжения. Там полно диких зверей, есть россомахи, которые порой опаснее медведей, да и с лосем один на один я бы не хотел встретиться.

Я проснулся от звона кастрюль в летней кухне. Спросонья даже и не вспомнив про моего гостя, подумал на собак, вечно ищущих немую посуду. По пути к умывальнику я увидел Ивана, окруженного собаками, он говорил с ними на своем родном языке, а они звонко лаяли и ластились к нему, извиваясь под ногами, как будто давно знакомы. Даже старый полукровка Бим, который медведь любил больше, чем людей, резвился как игривый щенок. «Я отдал им уху, а нам варю кашу», — радостно сообщил Иван, видимо, найдя в шкафу перловку, заготовленную для собак, другой там крупы у меня не было. После завтрака он взялся пилить и колоть дрова, а я натаскал воды, на вечер я пообещал ему устроить помывку в бане. Днем Иван попросил ниток, зашить многочисленные прорехи в своей одежде, делал это он очень сосредоточенно, не отвлекаясь на разговоры, как будто вышивал картину, никогда ранее не видел такого усердия в простом, казалось бы, деле. Потом была стирка. Как нагрелась вода в бане, я выдал своему гостю оцинкованный таз и пачку стирального порошка, от послед-

него он отказался, заявив, что стирает только хозяйственным мылом. Твердый кирпичик советского хозяйственного мыла «72%» он строгал ножом в мелкую стружку и растворял его в горячей воде. Я вспомнил, как в далеком детстве, проводя отпуск в деревне, видел, как так же стирала моя бабушка, натирая мыло на большой металлической терке. Иван оказался большим любителем бани и хорошим парильщиком, мы долго парились свежими березовыми вениками, он явно знал в этом толк, видимо, сказался опыт работы с геологами! В перерывах пили чай из листьев иванчая, шиповника и дикой смородины с вареньем из молодых побегов кедрового стланика, он нахваливал варенье и говорил, что такое пробовать ему ранее не доводилось, а я всегда думал, что этот рецепт пришел к нам от коренных колымчан. Иван был молчалив и немногословен, неохотно отвечал на мои вопросы и сам ни о чем не спрашивал. Я интересовался, куда он направляется и почему идет без оружия. «Иду зимовать в Гижику, к своим, может, в бригаду возьмут, а нет – осенью буду гусей щипать. Оружие? Когда я отбивал от волков оленей на перегоне, карабин был нужен, а на еду я себе и так добуду, только вес лишний нести», – сказал Иван. «Непростой ты задумал переход, ведь до Гижики не одна сотня километров и много полноводных рек, и места безлюдные», – сказал я. «В лесу много людей живет, таких, как ты, не пропаду, дойду за месяц до Эвенска, а до Гижики довезут попуткой», – ответил Иван.

«Почему не пошел сегодня ловить рыбу?» – спросил я его перед сном.

«Сегодня ветра не было и прилив маленький был, а завтра ветер будет с моря и, с большим приливом, пойдет сильная рыба в реку, там мы ее и возьмем, потом большой отлив, ветер нам в помощь, давай спать», – пробормотал он, зевая в полудреме.

На часах было уже семь утра, а Иван спал беспробудным сном, наверное, вчерашние банные процедуры его разморили. Я, стараясь не шуметь, вышел к умывальнику. Иван вчера не ошибся, с берега дул свежий северный ветер, и море шумело ему в унисон. Он проснулся только к восьми. На завтрак доели вчерашнюю перловку, разогретую на теплом жиру морского зверя. Иван похвалил завтрак, каша явно пришлась ему по вкусу. В начале месяца мне удачно попался на верный выстрел крупный лахтак. Одному мне с ним совладать было не просто, зверь весом был за два центнера, лебедки у меня не было, и забавренный лахтак ждал в море отлива, так и разбирал его на отдели, по щиколотки в воде. Свежую печень сразу сварил и ел потом целую неделю, мясо засолил в молочный бидон и опустил на холод в погреб, а жира натопил на водяной бане семь литров, он отлично подходит для жарки рыбы и мяса. Да и собачки одобренную этим жиром кашу кушали с удовольствием. После чая Иван засобирился на рыбалку, захватив с собой топор и веревку, он направился в сторону моря. Я увязался за ним, меня просто раздирало любопытство, как же он с таким снаряжением рыбы наловит? Веревку он натянул меж столбов на морском берегу, несколько раз тщательно проверив узлы на столбах, он споро зашагал к реке.

Несмотря на небольшой рост, шел по прибрежным камням он очень быстро, и я еле поспевал за ним. Иван, чертыхаясь и ворча, долго возился в ольшанике на берегу реки, выбирая мало-мальски прямую жердь метров трех, потом ножом на тонком конце жерди сделал продольный и поперечный паз. Из кармана он достал металлический крюк, обмотанный веревкой, увиденный мной позавчерашним днем. Крюк был сделан из пятимиллиметровой стали и походил формой на рыболовный крючок, только не имел на острие бородки, и петля находилась в середине цевья, к которой и была привязана веревка длиной около метра. Второй конец веревки Иван привязал кольцом на поперечный паз к жерди, он несколько раз проверил надежность узла и вставил крюк в продольный паз под кольцо узла веревки, получилась острога со смотрящим вперед крюком. Он присмотрел яму, отбитую струями ниже небольшого переката, она была в тени нависающей с берега ивы, и все дно в ней было как на ладони. Я устроился на заваленном весенним паводком тополе метрах в десяти выше по течению и стал наблюдать за рыбаком. Собаки, учуяв медведя, с шумом сорвались вверх по реке, но Иван даже не шелонулся. Он замер на краю берега с занесенной выше плеча жердью с крюком, как древний воин с копьем, и пристально всматривался в глубину реки. Он сделал быстрый выпад вперед, и через несколько секунд вываживания на берегу кувырнулась большая кетина. Принцип лова состоял в том, что, после попадания в рыбу, крюк выскакивал из продольного паза, веревка исполняла роль лески, привязанной к удилищу, а крепкая жердь помогала легко справиться с крупной рыбой. Иван позвал собак и порезал им первую пойманную рыбу. «Так положено», – сказал он. Дальше он стал вытаскивать рыб одну за другой, все они были самцами кеты, и это значит, что он колол не любую попавшуюся, а выбирал определенных рыб! Поймав двадцать штук, он остановил лов и уже было стал разбирать свою острогу, но я попросил его дать мне попробовать самому поймать рыбу этой снастью. После нескольких промахов он посоветовал целиться чуть ниже, так как вода искажает, и у меня дело пошло, на берегу забарахтились две пойманные мной рыбыны. «Надо поспешать, пока ветер мух гоняет», – сказал он и начал чистить рыбу, он ловко отделил хребет с головой, оставляя на хвосте два пласта филе без единой косточки. Готовые половинки он вешал на жердь, так, я понял, как он собирается переносить пойманную рыбу, ведь на рыбалку он отправился без мешков. Мы взяли на плечи жердь с рыбой и направились к берегу моря. Он аккуратно развесил на веревку свой улов, на оставленных хвостах половинки очень хорошо держались, и начал наносить по мясу надрезы в виде сетки.

«Юкала, такую рыбу у нас называют юкала, мы всегда так заготавливаем рыбу», – сказал Иван, методично и сосредоточенно делая надрезы. Я пошел готовить обед, а Иван остался у рыбы, стеречь ее от медведей и чакек. Не дождавшись его к столу, я понес ему к морю тарелку шурпы и хлеба и нашел его мирно спящим в обнимку с Бимом, свернувшись калачиком в один клубок, они не

давали друг другу замерзнуть. Бим услышал меня издали, он повернул ко мне голову и смотрел на меня, не издавая ни одного звука и не шевелясь, не желая будить Ивана, даже когда увидел у меня в руках тарелку с едой. Такой преданности я от него никогда к себе не видел.

Иван проснулся от шума гальки под моими ногами, он потягивался, зевая, и тер кулаками глаза, как мальчишка, нехотя вставая в школу. Бим зевал вместе с ним, а Иван трепал ему холку и снова говорил ему что-то не понятное мне. Ел он тут же, сидя на гальке. Часть мяса из шурпы и остаток хлеба он отдал Биму, и тот, благодарно виляя хвостом, вылизал тарелку. Перекусив, Иван направился к заросшему склону сопки, откуда вернулся с большой охапкой пахучего багульника. Он начал снимать с веревки рыбу, которая неплохо подвялилась за день, мясо ее стало более темным и стянулось на шкуре по прорезам, образуя красивый клетчатый рисунок. Иван стал обрезать хвосты и аккуратно складывать рыбу в рюкзак, перекладывая пласты ветками багульника. «Для запаха?» – спросил я. «Для запаха, и от насекомых, я им и от комаров спасаюсь, когда «Дэта» заканчивается», – ответил он. За рыбой он уложил сматанную в кольцо веревку и топор, после чего, некогда маленький, рюкзак стал похож на мешок с картошкой. Все обрезанные хвосты он собрал и унес к реке. «Чтобы лохматого сюда не приваживать», – сказал он. А я наблюдал за ним, за точностью и скрупулезностью всех его действий, он напоминал мне хирурга за операцией, все делал размеренно и сосредоточенно.

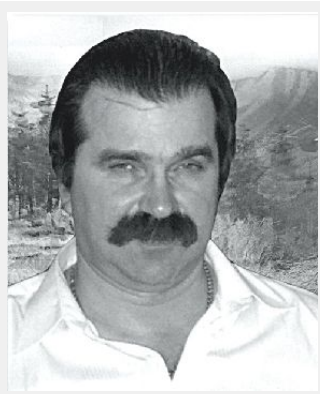
«Ну что, Петр, живи не хворай, а я пойду. Путь у меня не близкий, надо засветло подняться в гору. Благодарю за все», – сказал Иван и, не глядя в глаза, протянул мне руку. Я пожал ему руку и помог поднять рюкзак, который, несмотря на внушительные размеры, оказался совсем не тяжелым. «Может, возьмешь крупы или мяса?» – спросил его я. Но он только мотнул головой и молча пошел на север, вдоль морского берега залива Одыя. Бим увязался за ним, шагая немного позади, так они и скрылись вдвоем за горизонт. А я прожил на том стане до конца августа, вел хозяйство, следил за медведями и охранял реку от браконьеров. Несколько раз ко мне приходили орнитологи, разбавляя мою однообразную жизнь, они всегда привозили с собой шоколад и свежие новости с большой земли. Я часто вспоминал Ивана, особенно когда сталкивался с превратностью стихий – ураганными ветрами, штормами в море, ливнями и разливами рек, оставаясь наедине с природой, Иван был ее неотъемлемой частью, настоящей солью земли, на которой он жил. И я ни на минуту не сомневался, что он преодолеет намеченный путь, но я видел, какие трудности уготовлены ему на этом пути. Моя встреча с ним не была случайной, жизнь преподносит нам такие встречи как подарок, как бесценный урок, и вряд ли они когда-то забудутся. Они дают возможность понять свое место и предназначение на земле, на которой ты живешь в единении с ней. Потом, по прошествии лет, я узнал, что в переводе на русский язык Ительмен значит – живущий здесь, точнее про Ивана и не скажешь.

Сергей Малашко

Родился в 1962 году в г. Зей Амурской области. Юношеское увлечение охотой стало его профессией. В 1984 году получил диплом охотоведа, работал по специальности в Хабаровском крае и Магаданской области.

Публиковался в альманахах «Охотничьи просторы», «Колымские просторы». В 2008 году издал книгу «Весенняя охота на гуся или бегство от себя к себе». В 2009 году опубликованы четыре рассказа в книге «Неизвестный Магадан». Печатался в литературных сборниках Международного Союза писателей «Новый современник», в международных изданиях медийной группы «Интеллигент». Живет в Магадане.

Лауреат «Серебряного Пера Национальной Литературной Премии «Золотое Перо Руси» 2013 и 2018 года, дипломант и обладатель различных наград в 2014, 2015, 2016 и 2017 годах. Соучредитель Медийной группы «Интеллигент», учредитель газеты «Интеллигент Магадан».

Бомж

Уже лет шесть праздник мужской души в компании близких друзей устраивается один раз в неделю. Одно время это происходило по пятницам, ныне по четвергам. Называется этот праздник просто – Баня. Именно так, с большой буквы и никак иначе. Русская парилка даёт отличный оздоровительный эффект, да и общение с друзьями дорогого стоит.

Ждёшь его уже в пятницу после прошедшего четверга, когда была крайняя банька. Так вот, дождавшись праздника души, изрядно укатанный недельными делами, я вышел из машины и направился в один из популярных магазинов. Нужно прикупить минералки, соку и чего-нибудь перекусить.

Его я заметил сразу же. Он был не стар, давно не брит, невысок и широкоплеч, сидел на крыльце магазина, в чёрном старомодном пальто, чёрной шапочке. Возле ног стояла баночка для подаваний. Я не дошёл до него шагов пять, но почувствовал, что это не совсем обычный бомж. В устремлённом на меня взгляде я не увидел безысходности, озлобления, опьянения. Его серо-голубые глаза смотрели на меня устало, но с достоинством. Он улыбался смиренной улыбкой человека, терпеливо переживающего обстоятельства, в которые попал. Можно сказать, он даже как-то располагал к себе, сам того не подозревая.

Среди людей, просящих милостыню, приходилось встречать всяких: кто-то тут же пропивает подавание, некоторые на предложение купить еды почему-то требуют именно денег и посылают очень далеко, если предлагаешь купить еды.

Приходилось встречать паренька,

который просил милостыню возле магазина. Разговорившись, узнал, что мать пьёт уже неделю, и ему просто нечего есть. Я купил ему в тот раз продуктов и до сих пор помню его благодарные глаза. Не думаю, что он меня обманул, по крайней мере, не хотелось, чтобы так оказалось. Ведь сдобную булочку и кефир он жадно начал есть сразу же.

Я приближался к бомжу, поравнялся с ним. Какая-то неведомая сила заставила меня остановиться.

– Простите, пожалуйста, могу я к Вам обратиться с просьбой? – первым заговорил он.

Само обращение в таком тоне слегка удивило, и я ждал продолжения диалога, сам вступив в разговор,

– Конечно, – коротко ответил я, внимательно всматриваясь в глаза собеседнику.

– Будьте любезны, купите мне хлебушка, – попросил он, протягивая мне три пятирублёвых монетки. – Мне очень тяжело ходить. Если встану, боюсь упасть.

На меня по-прежнему был устремлён взгляд человека, вопреки всем жизненным обстоятельствам сохранившего чувство собственного достоинства. Я опешил от неожиданности, просьба вогнала в ступор. За полувекковой жизненный путь ничего подобного встречать не приходилось – просили много, но никогда не предлагали купить хлебушка за свои деньги. Пристально, даже жёстко, глянул в его глаза, сомневаясь в искренности просьбы. Лжи и лукавства или озлобленности не увидел, что-то, пока непонятное, шевельнулось в душе, не до конца осознанное, но тёплое. Появилось желание хоть как-то помочь

человеку. С этим чувством я вошёл в магазин.

Прикупил всё необходимое для бани, купил булку хлеба, батон колбасы и вышел на улицу.

Он по-прежнему сидел на крыльце и смотрел в сторону улицы, а не в дверь магазина. Говорило это только об одном – он не ждал меня специально.

– Возьми, пожалуйста, в память о моём умершем отце, – сказал я, протягивая ему хлеб и колбасу. В пластиковую баночку положил немного денег.

В его глазах промелькнула гамма эмоций, от неверия и ожидания какого-либо подвоха, до благодарности. И даже в этом взгляде я увидел чувство собственного достоинства, которое ему удалось сохранить. Деньги из баночки он убирать не стал. Он взял продукты, убрал их в сумку, предварительно завернув в чистый полиэтиленовый пакет.

– Храни Вас Бог. Скажите, как звали Вашего отца? – спросил благодарный бомж, – Я помолюсь за него.

– Лёвой его звали. Ну а Вам пусть Бог даст сил преодолеть все свои трудности, – ответил я новому знакомому и направился к машине, спиной ощущая благодарный взгляд.

Это вроде бы мимолетное событие несколько дней давало повод для размышлений.

Я в первый и, возможно, в последний раз видел этого человека, не знаю его прошлого – но то, что он совершил, достойно всяческого уважения. Эти монетки в руке в его положении – это поступок, на который способен не каждый, даже благополучный, человек.

Пусть ему повезёт ...

Тишина

Четвертое мая 2015 года. Мы с другом седьмой день принимаем эмоционально-оздоровительные процедуры. Уже седьмой день не звонят телефоны, не слышно проникающего везде суетного городского шума, разрушающего человеческую психику, подавляющего городского жителя морально и физически. Нервные нагрузки города часто оканчиваются нервным срывом или, в худшем варианте, какой-нибудь из болячек. Мы живем жизнью нормальных людей, хотя, по словам друга, с которым отохотились не одну весну, я впервые за много лет дней пять не мог отключиться от опостылевших городских проблем. Да и сам чувствовал, что тяжеловато происходило в эту весну очищение души от негатива большого города.

По метеопрогнозу, который часто опровергается с точностью до наоборот, сегодня с неба на грешную землю должен был сыпаться снег. Высунув утречком нос из дверей, я был готов получить порцию снежной крупы в лицо. Разочарование было приятным – видимый из двери кусочек неба порадовал яркой и сочной лазурью. Сейчас на тундре в домиках, палатках, будках находились люди, ожидающие встречи с весенним гусем. В этот раз перелетные птицы явно не спешили на встречу с охотниками. Мы за это время целыми днями не видели гусей и даже не слышали их криков. Нахождение в таком положении не все воспринимают спокойно и начинают тихо звереть, изредка постреливая, не совсем понятно в кого и как.

Только вчера, на радость страждущим охотникам, кто-то всемогущий открыл невидимый небесный шлагбаум и с весеннего неба стали раздаваться долгожданные, пронзительные, прекрасные голоса красавцев гусей. Отчаянно гомоня, эти хозяева весеннего колымского неба, послушные зову природы, неудержимо летели на север. Всего пару часов после обеда звучала многоголосая небесная симфония. И не беда, что гуси летели очень высоко. Такие стаи мы называем стратосферными – они проходят очень высоко, на недосягаемой для выстрела высоте. Прокладывая по голубому небосклону чёрные пунктирные линии, гордо, независимо и красиво вожак вели свои стаи в бескрайние просторы Северо-Востока. Громко переговариваясь в полёте, они словно насмехались над с бессилием наблюдавшими за ними с грешной земли охотниками.

Предыдущая ночь была тихой, никакая из заблудившихся гусиных стай не удосужилась снизиться и разбудить нас среди ночи громким гомоном. В эту ночь нам удалось угадать количество дров для печки, и не пришлось среди ночи, покрывшись липким потом, открывать дверь домика.

Только так можно спастись от дикой жары. Мы продолжали наслаждаться размеренным течением полевой жизни. После того, как сделаны все необходимые подготовительные работы, все обитатели нашего домика погружаются в состояние свободы. Каждый из нас волен с самого утра делать, что захочется. Можно спать или читать сколько угодно, можно не вставать с нар дни напролёт, можно идти в гости к соседям километра за три, можно сутками проводить время в скрадке, в ожидании гусиного налёта. Можно немного попить, только без бандитизма, в меру и с преобладанием по весу и объёму закуски над спиртным.

Напарник собрался к себе в скрадок, я пожелал ему удачи и скорой встречи с гусями. Он покинул домик, немного пошумел, надевая рюкзак, ружьё, и вскоре я отчетливо услышал удаляющийся скрип лыж, скользящих по утреннему насту. Он быстро затих, и я оказался в тишине. Не знаю, почему, мне пока в стоящий на льду озера скрадок не хотелось, и я решил еще немного подремать, заняв место на уже ставшей родной мягкой лежанке. Я потянулся во весь рост до хруста в суставах. Состояние трудно поддавалось пониманию. Можно было предположить, что именно сейчас я переключился на волну полевой жизни, понемногу очищаясь от шелухи большого города. Нервы приходили в норму, жизнь становилась ярче, краски насыщеннее, водка слаще и закуска вкуснее, сон дольше и здоровее. Не привыкшие к таким физическим нагрузкам мышцы понемногу адаптировались. Я самозабвенно валялся на лежанке, наслаждаясь порядком подзабытыми ощущениями душевного покоя.

И вот, неожиданно для себя, я осознал, что же так благотворно действовало на меня. Это понимание яркой вспышкой озарило выздоравливающее сознание.

Оказывается, тундровая первобытная тишина, в которую я погрузился сейчас, может действовать так магически. Это тишина особенная. Она была до и будет после нас. Это мы, приезжая в этот домик, приходим к ней в гости. Она молчаливо присутствует с нами везде, пока мы находимся здесь. Она иная, отличная от тишины, которую называют гробовой. Она не застывшая, вязкая, созданная человеком города, отгородившего себя от всего пластиковыми окнами. Это тишина, исцеляющая душу, тело и дух. Я стал вслушиваться в неё. Она обволакивала и затягивала в себя, словно погружала меня в целебную ванну.

Меня осенило: впервые за все прожитые годы я задал себе вопрос «а из чего состоит

тишина?»! Гробовая тишина, когда вообще нет и не будет никаких звуков? Или нечто иное, что нужно понять? Если этому нет названия и понимания, то попытаться назвать и понять.

Мне сейчас слышалось потрескивание печи, ворчание чайника, бульканье бульона на борщ. Проснувшаяся большая синяя муха весело жужжала, пытаясь покинуть домик через полиэтиленовую пленку на окне.

Сознание всё же сформировало долгожданный вопрос – чем же являются слышимые мной звуки? Нарушают ли они первозданную вечную тишину или являются её составной частью, обволакивающей всё и всех, – от самой тонкой травинки до величавого горного хребта, от охотника, приехавшего покараулить диких гусей, до красавца лебедя?

Звуки, которые улавливал слух, продолжали доноситься, не раздражая и не нарушая настигшей меня умиротворенности. Когда находишься в домике, многие звуки, раздающиеся снаружи, слышатся отчетливее и раньше. Лишнее подтверждение тому – появившийся рокот работающего снегоходного двигателя. На фоне всего слышимого сейчас, он выглядел инородным, совершенно не гармонирующим со всем тем, что ласкало слух. Он был напоминанием о том мире, из которого мы бежали неделю назад в поисках уединения. И так не хотелось в него возвращаться, хотя бы ещё дней десять.

Решил выйти на улицу. Меня встретила пронзительная синева неба, на котором сочными мазками были нарисованы белые облачка. Слабый ветер шевелил ветки лиственниц, стоящих вблизи домика, шелестел прошлогодней желтоватой травой, несколько синичек своим весёлым свистом приветствовали неотвратимо наступающую весну. Где-то вдалеке, совсем не видимые глазу, но громко заявляя о себе, прокричали гуси. Этот звук взбодрил, вернул в состояние тонуса, – ведь мы же на охоту приехали, и каждый услышанный гусиный крик может перерасти в такой желанный налёт. Было понятно, что он, даже в безветренной тишине, слышался очень слабо, поэтому, быстро успокоившись, я вновь погрузился в расслабленное состояние.

Возможно, это нечто, претендующее на маленькое открытие, возможно, это плод моих ошибочных рассуждений, но мысль возникла и требовала осмысления и понимания.

Ведь все звуки, которые я слушал сегодня, никоим образом не нарушают древнюю и вечную тундровую тишину. Это она просто состоит из них. Именно они, вечные и первозданные, создают её,

многократно переплетаясь, и дополняя друг друга.

Очень хочется, чтобы Дед, местный Дух Охоты, простил нас за то, что приносим с собой из другого мира иные звуки, которые совсем не гармонируют с первозданной тишиной. Это звуки выстрелов, иногда прерывающие полёт и роняющие на землю красавца гусака, звук работающей бензопилы, вгрызающейся в ствол поваленного дерева. Можем оправдаться перед Дедом, что никогда не добываем дичи больше, чем можно взять, не валим деревья напрасно, бережём тундру от страшной напасти – лесного пожара.

Я сел в стоящее невдалеке раскладное кресло. Мне не нужно было никуда спешить, по крайней мере пока. Просто совсем не хотелось выходить из того блаженного состояния, в которое погрузила меня всепоглощающая и вечная таёжная тишина.

Впереди, за оставшиеся десять дней праздника души, целебная тишина подарит нам возможность услышать трубные голоса спешащих на север лебедей, мелодичный посвист чиркового селезня, свист крыльев стремительно несущейся в плотном весеннем воздухе стаи шилохвостей, потрескивание крыльев гусиной стаи, заходящей на круг перед посадкой. Порадует слух и душу жваканье чиркового селезня. Низко, с басовитой хрипотцой, прокричат таёжные гуменники, раздастся высокий фальцет пiskuлек. По утрам ошавевший от наступившей весны куропад будет устраивать нам побудку, словно по будильнику. Уже скоро начнёт свой бесконечный монолог тундровый ручеёк, который только на одному ему понятном языке рассказывает нам о Ланковской тундре. Возможно, придётся услышать жутковатый вой майской пурги, взбесившейся от бессилия перед наступающей весной, покачивающей каркас нашего прочного домика. Если повезёт, по воле Деда, гусь в массе пойдёт Ланковской дорогой, мы сможем услышать непрерывный гомон проходящих на разных высотах гусей и лебедей. Ни с чем несравнимую перекличку гусятных базаров, иногда поднимающихся на крыло, и тогда тундру накрывает звуковой вал от голосов тысяч одновременно кричащих гусей. Трудно описать разговор многосотенной гусиной стаи, пришедшей уже в ночной тьме отдохнуть на лёд озера.

Все это тишина подарит нам в оставшееся время. Ведь день вылета в город уже определён и приближается со всей своей неизбежностью. Но это будет потом, а сейчас совсем не хочется думать об этом. Так хочется ещё побыть погружённым в тишину.

Где-то вдалеке послышался гусятный крик, значит, тишина продолжает нас радовать. Дай Бог, чтобы чаще и дольше.

ПРИЛИВ НА НАХТАЧЕ*

Эту поездку можно назвать, в некоторой мере, выстраданной. Вопреки всему, она все же состоялась, и третьего октября в десять утра, погрузившись в выданный не только виды, но и нечто большее, «Прогресс», я все же совершил рывок в параллельную реальность. Для этого местный рыбак и охотник Михаил при помощи семидесятилетнего «Тохацу» должен был доставить меня к моему приятелю Сане Лахтаку, который из всех возможных видов отдыха осенью предпочитал месячное пребывание на «даче». Так он с любовью называл свой домик, находящийся на мысу в Тайском Лимане. Главным занятием в это время для него было его величество Охота. Заезжал он туда с открытием осенней охоты по перу, не обделяя своим вниманием особо нагложее медвежье поголовье. Означало это только одно – он не занимался заготовками медвежатины, а просто выбирал интересный трофей. Познакомились мы, как ни странно, в интернете на одном из Охотничьих Порталов, телефонное общение стало регулярным. Связь на «Даче» была хорошей, и после его прибытия туда я каждый вечер был в курсе всех его удач и разочарований. При одном из таких разговоров он предложил:

– Послушай, Серега, давай ко мне в гости на недельку? Утаков постреляем, душой отдохнем. Бросай все к известной тете.

– Саня, спасибо, дружище, если позволит работа, то под циклончик можно будет и подтянуться. Вдруг гусики потянут, – поблагодарил я «дачника».

Наш разговор состоялся числа десятого сентября. А затем началось – подхваченный вирус вышиб из колеи на неделю, появившийся в виде бонуса гайморит и борьба с ним отнял еще дней десять. За это время пятнадцатого сентября город на пару дней погружался в снежный коллапс, был толчок гусятинного хода и Саня, изловчившись, взял одного белолобика.

– Послушай, Серега, ты много говорил о гусеке в сметано-брусничном соусе, так что имей в виду, один такой ждет тебя в ожидании кулинарной экзекуции. Короче, давай, приезжай, – накапал он мне на саднящую охотничью душу со всей возможной лахтачей деликатностью.

Я понимал, что самое благоприятное время уже ушло, но охотничья вера – вещь особая. Глянув на метеопрогноз, понял, что есть шанс попасть под циклон, который накроет окрестности Магадана пятого или шестого октября.

«Тоха» без видимых усилий мощно понес лодку к цели. Прямой путь к домику занял не более пятнадцати минут, но по дороге Михаил решил проверить несколько мест, где могут быть утки. Увы, пришлось немного сбраконеерить, в результате чего в лодке оказались пара чирят, шилохвость и красавец таёжный гуменник, сбитый красивым одиночным выстрелом. Переход в параллельную реальность, то есть короткий путь к «Даче» произошел минут за двадцать пять, и вскоре лодка уткнулась носом в берег.

Была желанная встреча, недоуменно-удивленный, но без зависти взгляд человека, который провел на охоте почти месяц и кое-как взял одного гусака. Здесь мне пофартило сразу же. Гумеш действительно был великолепен и вскоре оказался на «вешалке» – так называлась жердина, на которую вешалась вся добытая дичь.

Два дня прошли очень быстро, наполненные отличным общением, поездкой вверх по речке Усуле на Саниной надувной лодке под «Тохацу-18», обходом всех его угодий, очень хороших для охоты самотопом. Венцом этих дней была кулинарная диверсия в виде приготовления моего коронного блюда – дикого гусака в сметано-брусничном соусе.

К вечеру появились признаки смены погоды: небо затянуло, заметно потеплело. Вечернюю зарю проводили прямо у домика в тшетной надежде на налет.

– Чует моя пятка, что завтра может оправдаться метеопрогноз. Глядишь, и белые мухи полетят, – поделился своими мыслями Саня.

– Мы ведь этого и ждем. Глядишь, гусики с моря довернут, а здесь мы с дрючком. В твоём доме с таким запасом дров можно пережить две атомные войны. А поэтому делаем то, что должны, и будь что будет. Темно уже, пошли спать, – предложил я Лахтаку.

После крепкого чайку выполнили намеченное. Спали крепко, ни шальная гусятинная стая, ни громогласные красавцы лебеди, ни хулиганистый ветер не потревожили нашего покоя.

Проснулся я в шесть утра. Поразила звенящая тишина с равными промежутками времени, нарушаемая лишь Саньими дыханием. Глянул в оконце и не увидел ставших привычными за проведенные здесь дни ярких и сочных красок синего неба, повсюду прекрасных цветов осенней разноцветной травы и сочной зелени кедрового стланика. Разнообразие в цветовые ощущения мира внесли различные оттенки белого. А это означало только одно – метеопрогноз оправдался, и с небес на грешную землю сыпался обещанный им снег. Присмотрелся в оконце – действительно, предчувствие меня не обмануло. Большие и пушистые снежинки падали на землю вертикально. То, что они падали именно так, говорило только об одном – это был просто ласкающий взор и душу снег, а не шальная и дикая пурга, переживать которую приходилось не раз в гораздо более худших условиях. Я лежал на нарах и смотрел в окошко на ставший другим мир, который в данный момент олицетворяли плавно планирующие на землю посланцы неба – пушистые, хрупкие и нежные снежинки. Не спало, и минут через пятнадцать я решил покидать уютную лежанку. Одному было скучно, за компанию я просто решил разбудить мирно спящего Саню.

– Але, мужик, хорош харю рвать. Порвешь, не сложишь. Вставай, будем домик откапывать. Тут снежку с метр насыпало, берем лопаты и откапываемся отсюда и до обеда, – решил я взбодрить хозяина дачи.

* Нахтач – мыс в Тайском лимане.

– Ну и ладно, откапаясь, если чего, – слышалось в ответ.

Саня очень быстро достал себя из-под теплого одеяла и присел на нарах.

– Ну и чего там случилось? – прозвучал риторический вопрос.

– В общем, все в порядке. Вторая попытка зимы этой осенью напугать Колыму снегом, – ответил я, открывая дверь домика.

В дверном проеме мириады белых мух стремились на землю, пытаясь окрасить ее в белые цвета. Частично у них это получилось. На первый взгляд казалось, что в некоторых местах им удалось соткать небольшие белые коврики толщиной сантиметров в десять. Видимые из дверей кусты стланика надели белые пушистые воротники. В прямоугольнике дверного проема таежной избушки наблюдалась картинка приготовления природы к зиме. Было понятно, что этот снег не последний, часть его еще сойдет, а природа готовится к приходу побеждающей осень зимы.

– Саня, послушай, а почему эту идиллию не нарушают голоса какой-нибудь шальной гусачей стаи или хотя бы парочки низко летящих белогвардейцев*? – задал я волнующий обоих вопрос.

– Об этом знают только они, но встретиться хочется, – с неубиваемым оптимизмом ответил довольный жизнью дачник.

– Знаешь, я еще не выходил на улицу, но у меня есть дикое желание прямо сейчас позавтракать, залить термос, собрать рюкзак и прогуляться по берегу моря. Тем более, что там есть несколько озер, где могут быть утки. Вдруг какая-нибудь шальная гусачья стайка с моря завернет, и нам удастся встретиться. Я с ней в манок поговорю, – поделился я с Саней своими планами и покинул лежанку. По традиции бросил пару поленьев в печку и поставил чайник на газовую плитку.

Начинался новый день, в который мы были готовы войти, чтобы принять все его блага и неожиданности. Быстренько позавтракав, повинувшись неумному желанию уйти в намеченный маршрут, я собрал рюкзак, дополнил свое снаряжение белым маскировочным костюмом и вскоре был в готовности к выходу. Сердце переполняло предчувствие встречи с чем-то необычным, невиданным ранее, с тем, что остается в памяти может быть на всю оставшуюся жизнь. Саня с интересом, молча и одобрительно наблюдал за моими сборами.

– Эх, батенька, ты я вижу уже готов к походу? – спросил он меня, когда я надевал рюкзак и проверял оружие. – Удачи, старина.

– Спасибо. Я не долго. Дойду до большого озера под Дельфиним мысом и вернусь, – обозначил я Сане свой маршрут.

Каждый должен знать, куда и на какое время уходит твой напарник.

В предвкушении встречи с чем-то необычным я направился в сторону береговой линии открытого моря. Сразу же привычно огляделся по сторонам, пытаясь запомнить ориентиры – ближайшие сопки не были видны совсем, видимость по горизонтали была не дальше пары сотен метров. Заблудиться здесь было просто невозможно, но отложить в па-

мяти ориентиры стало просто привычкой. Пару раз убеждался в этом в очень непростых ситуациях.

Судя по степени наполненности заводи возле домика, сейчас был полный отлив или начало прилива. Все её пространство было почти полностью укрыто снежным покрывалом, и только посередине ее оставшаяся вода была перемешана со снегом и превратилась в подобие снежной каши. Осторожно ступая, преодолев полосу принесенных приливом и ставших в один миг скользкими бревен, жердей, коряг и палок, я вышел на укрывшуюся снежком прибрежную полосу. Сквозь этот покров просматривалась желто-коричневая трава, сочные темно-зеленые пятна низеньких кустиков кедрового стланика, поэтому этот участок пути походил на пошитое экономной хозяйкой лоскутное одеяло, которая бережно использовала для его пошива дорогие ее сердцу лоскутки. Благодаря труду хозяйки по имени Приходящая зима, все получилось просто, но со вкусом.

Осторожно ступая по этому одеялу, я вышел на тропинку, которая вела к морю. Оглянувшись назад – ставший родным домик уже с трудом различался в пелене вертикально падающего снега. Я прошел совсем немного и услышал шум моря. Открытое море было пока не видно, усиливающийся шум ощущался волнами, усиливаясь по звуку, достигал пика, уходил на некоторое время и возвращался вновь. Для выхода на берег мне предстояло преодолеть еще одно препятствие – вдоль всего берега штормам, которые иногда здесь бывают просто лютыми, выбрасывается очень много плавника. Это вынесенные в море реками различных размеров лиственницы, тополя, чозении. Они были отшлифованы морской водой. Все это за многие годы превратилось в довольно широкий и плохо проходимый прибрежный пояс. Иногда вдоль него можно идти довольно долго, чтобы найти безопасный выход на берег моря. Лазить по мокрым и гладким стволам деревьев совсем не хотелось без крайней необходимости, поэтому я нашел безопасное местечко, где мне удалось выйти на берег моря.

Видимость по горизонтали по-прежнему была той же, и под волнообразные звуки шума моря, который совместно с продолжающимся снегом создавал ощущение кратковременной параллельной реальности. Мир сузился до круга диаметром метров в двести, сверху ограниченного вечным небом.

В ясный день были видны поселок и дорога, сейчас все это вместе с его звуками потонуло в бархатной снежной пелене. В один миг ты оказываешься в ситуации, когда с тобой рядом только берег, шумящее серо-стальное море и вечное небо, которое награждает тебя сейчас этим снегом. Передвигаясь по берегу, мне приходится перемещать в пространстве доставшийся сейчас кусочек мира, поневоле становясь его центром. В этот момент со стороны берега из снежной пелены в мой мирок вторглись два больших ворона. Они прошли невысоко, добавив некоторое разнообразие к ставшим привычными для меня звукам шума моря свистом своих черносмоляных крыльев.

Развернувшись надо мной, они направились в сторону Дельфиньего мыса, переговариваясь между собой на своем, только им понятном языке.

Открывшаяся картина заставила остановиться на мгновение для того, чтобы насладиться ее прелестью и необычностью. Вся полоса от берегового вала непроходимого валежника до отступившей в отлив и начинающей вновь наступать на берег воды, укрылась огромным снежно-белым горностаевым манто, на очень короткое время подаренным этому утру Богом. Глянул в бинокль, пытаясь заранее заметить предмет охотничьей страсти – сидящих на береговой линии гусей. Такое бывает нередко, но сейчас охотничья удача была за пределами доступного мне для обозрения кусочка мироздания. Не знаю почему, но расстройству по этому поводу я совершенно не испытывал. Иногда между снежными зарядами на короткое время появлялись окрестные сопки и мыс Дельфиний. Двигаться по снежно-белому манто было даже неловко, но я шел вперед, оставляя за собой цепочку следов. До цели мне оставалось еще километра два.

И вот здесь, сквозь шум начавшегося прилива, из снежной пелены со стороны моря, слышались долгожданные гусиные крики. Все же какая-то изрядно задержавшаяся стая удостоила нас своим присутствием. Было понятно, что идут они высоко и далеко, но я попытался привлечь их манком, хотя вероятность удачи была близка к нулевой. Стая не стала снижаться и доворачивать ко мне.

Я получал неизвестное мне ранее удовольствие от прогулки в роли центра маленького мирка, который передвигался вместе со мной. Когда оказался напротив большого озера, со стороны моря появился табун шилохвостей, который я проводил взглядом.

До цели похода оставалось совсем немного, и очень скоро я очутился возле здорового тополя, оказавшегося по воле стихии вдали от места, где вырос. Толщина его у комля была не менее восьмидесяти сантиметров, его основательно замыло в береговой песок, и это было отличное место для моего отдыха. Снял оружие и рюкзак, прислонил к дереву оружие и расположил рюкзак на тополе. Сразу же достал термос. Свежий чай с лимонником под шум прибоя, когда пушистые снежинки падают тебе в кружку с парящим чаем, имеет особый шарм. Шум усилился, но только сейчас я понял, почему так недовольно и ворчливо он шумит.

Он был страшно недоволен тем, что всего за ночь, так рано заявляющая о себе Зима смогла отвоевать у морского побережья береговую полосу, укрыв ее по своей воле горностаевым манто из пушистого снега. За Весну и Лето он привык здесь властвовать единолично, и первый звоночек от наступающей Зимы был ему крайне неприятен. Он понимал, что она на время победит в их извечном и бесконечном споре, закует берега в забереги и надолго укроет прибрежную полосу покровом из снега и льда. Но это будет потом, а сейчас прилив недовольно ворчал, уже обдумав план возврата временно утраченной территории. Усиление его шума означало только одно – он начинал осуществлять задуманное.

* Белогвардеец – местное жаргонное название лебедя

Чаевал на тополе я почти полчаса, наслаждаясь вкусом чая и атмосферой чайной церемонии. За это время недовольное ворчание наступающего прилива переросло в уверенный, настойчивый и даже угрожающий говор набирающего силу персонажа, требующего сатисфакции.

Где-то над сопками, невидимые глазу, прокричали спешащие в теплые края лебеди. Понятно было только одно – стайка была небольшой, ведь мне приходилось слышать звуковой вал, обрушивающийся на землю, когда одновременно слышишь несколько сотен кричащих птиц.

Снег немного ослаб, видимость по горизонту позволила вновь ненадолго увидеть вершины близлежащих сопкок. Получив удовольствие от прогулки и одной из самых необычных чайных церемоний, решил возвращаться назад.

Прилив уже вел полномасштабное наступление на береговую линию, волны стали заметно выше, шум стал еще сильнее, и все чаще и чаще он заканчивался смачным ударом пока еще невысокой волны об берег.

Не торопясь, двинулся назад, изредка осматривая в бинокль береговую линию и понемногу открывающееся море. Не могу точно сказать, сколько я прошел, но в бинокль увидел на границе суши и моря нечто необычное. Издалека это походило на темные, по форме близкие к округлым, предметы, которые каждый раз обмывала накатывающаяся на берег неслаская, грязно-серая охотоморская волна.

– Блин, что бы это могло быть, может, нерпы? – предположил я и перезарядил оружие дальнбойным патроном, в надежде на неожиданную удачу. – Друг это они, и подпустят на выстрел.

С этими мыслями ушел в сторону берега, пытаюсь, насколько возможно, укрыться на полого опускающейся к морю береговой линии.

Прошел метров двести и вновь осмотрел в бинокль увиденное ранее. Осмотр дал понимание, что это точно не морские звери. Форма предметов близка к округлой, они по-прежнему омываются водой, но за этой группой вдали по берегу я увидел еще множество похожих предметов.

– Что бы это могло быть? – искренне удивился я, уже открыто направляясь к границе прилива.

Разгадка была близка, и не было предела моему удивлению, когда я понял, что это такое.

Ведь можно прожить более полувека, почти утратить способность удивляться. Но каким приятным оказывается возвращение этой способности. Так было и сейчас, когда с удивлением я понял, что на берегу, на границе земли и воды, купающаяся в волнах, лежат созданные из снега предметы различных размеров и по воле Творца близкие по форме к шару. Цвет их был далек от привычного белого. Они были окрашены в грязно-серо и темно-коричневый цвет. Размеры их были до полуметра. Одна их часть была выброшена волной на берег, другие же продолжали купаться в холодной осенней воде. Лежащие на берегу, они обреченно ждали, когда волны прилива, неизбежно настигнув их, будут пе-

редвигать их по суше, каждым коварным прикосновением, сокращая и без того короткую жизнь снежных шаров.

На что походили эти чудеса творения? Издалека они напоминали грязно-коричневые тундровые кочки, лишенные растительности, головы любопытных нерп, шары из промышленных мельниц, покрашенные снежки различных размеров, детали для сбора снеговика экзотического цвета. Это первое, что пришло в голову под впечатлением от увиденного.

Я еще раз осмотрел берег и с непроходящим удивлением увидел, что вдоль границы воды и суши таких групп снежных загадочных творений видно еще несколько.

В нелегком недоумении я стоял рядом с омываемыми водой предметами с кучей гипотетических названий, пытаюсь в рамках своих скромных знаний об окружающем мире понять – каким образом на поверхности моря падающий снег смог собраться в подобные предметы? Ведь родились они именно в море, а не на суше!!! Каким образом им была придана получившаяся форма? Вопросы не находили ответа, и я в очередной раз осознал свое бессилие перед величием и мощью Творца. Главное, что у меня есть возможность насладиться возможностью видеть все это. По его воле у всей этой картинке очень короткая жизнь. Вероятно, что уже к вечеру от этого снежно-морского чуда не останется и следа.

Высота приливной волны неотвратимо росла буквально на глазах. Мне показалось, что на берег начали изливаться волны уже метровой высоты, сопровождая все это более мощными шумом и плеском.

Прилив методично с каждым ударом о берег в свои краски перерисовывал картинку, нарисованную заявившей о себе Зимой. Белые цвета горностаевого манта, которым была укрыта береговая полоса, замещались на грязно-серо-коричневые. Происходило это постепенно, мелкими, но уверенными шагами. Вначале на белый снег изливалась серо-стальная волна, увенчанная бело-серой пеной. Она сразу же окрашивала небольшую полосочку манта в грязно-серо-коричневый цвет, которая по злой воле прилива превращалась в снежную кашу. Следующим ударом очередной приливной волны, созданная ранее каша растворялась и уходила в вечность, превращаясь в песок, оседающий на вечный песчаный берег. Таким образом, обозленный на Зиму прилив неумолимо вытеснял ее с береговой полосы, превращая сказочное белое горностаевое манта в унылый серо-коричневый берег.

Снег ослаб, увеличивая видимость, но на береговой линии продолжалась борьба на выживание между приливом и Зимой. Волны прилива продолжали свое наступление, исход которого был вполне предсказуем. Они одержат Пиррову победу над Зимой, которая уже очень скоро возьмет реванш до Весны, окрасит все в разные оттенки белого и закусает берега в припай. Ну, а пока прилив не удержит в своем желании вернуть себе контроль над береговой линией, и помешать ему в этом никто не может. Это противостояние вечно, с того момента, как создан этот мир, и будет продолжаться, пока он существует.

Я по-прежнему стоял в том же месте, где

увидел первую группу грязно-коричневых созданий Творца, не имеющих точных названий, под все усиливающийся шум прибоя и сочные шлепки волн об отвоеванный у зимы берег. Сейчас это звуковое однообразие дополнили крики появившихся чаек, которые усаживались невдалеке от границы наступающего прилива и несколько оживили суровый пейзаж побережья.

Стало понятно, что самое интересное и запоминающееся сегодняшним утром на этом участке побережья, скорее всего, закончилось и, поблагодарив судьбу за представленную возможность полюбоваться дивными картинами сегодняшнего дня, я решил возвращаться в домик. По дороге я встретил еще три места, где на берегу лежали неподвластные разуму, по воле Творца, снежные творения.

Оглянулся назад, когда уходил от последнего видимого места их нахождения. Запала в память картинка, как так же медленно и неотвратимо набегающие волны поглощали оставленные мной следы на белом покрове берега, забирая их в вечность. Это навело множество философских ассоциаций о бренности всего находящегося в этом мире. С подобными мыслями, в состоянии появившегося умиротворения я продолжил путь в ставший дорогим и близким домик на Нахтате.

В положенное время я увидел издалека дымок из печи. Он был призывно-синеватым, и навел мысли о чайной церемонии без падающих в кружку снежинок, хотя в этом есть особенная прелесть. Вскоре я подходил к домику, между кустами припорошенного снегом стланика меня встречал улыбающийся и довольный жизнью Саня.

– Как прогулялся, бродяга? Может быть, чайку горяченького? – предложил он. – Чего интересного видел?

– Да я и стопарик покрепче принял бы. Ну а видел сейчас столько всего, что требует спокойного осмысления и понимания, – ответил я хозяину «дачи», снимая оружие, рюкзак и располагая их на стенке домика. – А ты, дружище, когда и где приглотил парочку черной, что расположились на вешалке?

– Дык, это я здесь, неподалеку, в проточке их нашел. Удалось взять сидячими, – поделился он своей удачей. – И вообще пошли в домик, там чай горячий ждет, тебя стопарик, а меня «Балтика 0» и кусочек привезенного тобой сыра.

Очень скоро нас приняло ласковое тепло Санниного домика, мы уютно устроились за столиком и каждый получил то, чего ему особенно хотелось в этот момент.

За окружающим нас миром мы могли наблюдать из прямоугольника дверного проема, который по аналогии с «Черным квадратом» Малевича я бы назвал «Прямоугольником Лахтак».

Сегодня к вечеру мы ждем нашего общего стародавнего приятеля Володю, который обещал приехать к нам в гости. И к его приезду Саня грозился приготовить в особой духовке и рукаве кряка, фаршированного куликами. В качестве крышки, закрывающей кряка сзади, он грозился применить неимоверно жирную спинно-крестцовую часть, оставшуюся от гусяка. Ну а это уже совсем другая история....

Иван Паникаров

Журналист, историк, публицист. Член Союза журналистов РФ. Инициатор создания в пос. Ягодное Ягоднинского района Магаданской области общества «Поиск незаконно репрессированных» (1990), создатель (1994) и директор Музея памяти жертв репрессий «Память Колымы». Ведет поисковую и просветительскую работу, издает книжную серию «Архивы памяти» (публикация воспоминаний и произведений узников Гулага). Всего издал более 30-ти брошюр и книг по истории региона и воспоминаниям бывших заключенных Колымских лагерей.

Лауреат премии губернатора Магаданской области в сфере культуры и искусства за 2007 г. в области музейного дела за просветительскую и выставочную деятельность по истории Магаданской области.

В 2011 г. был удостоен премии Правительства РФ в области культуры как составитель книги стихов репрессированных поэтов «Полюс лютости» (совместно с А. Ф. Суздальцевым), которая вышла из печати в 2010 г. в Магадане.

Интервью И.А. Паникарова с учредителями Международной медийной группы «Интеллигент» С.Л. Пашковым и С.Л. Малашко

– Здравствуйте, Иван! В наших изданиях печатаются в основном авторы, которых предлагают для публикации наш совет редакторов, наши представители за рубежом и в регионах Р.Ф., а потому первый мой к вам вопрос. Как вы узнали о нас, как познакомились с нашими изданиями?

– В Ягоднинском (пос. Ягодное Магаданской обл. – районный центр) Доме культуры самодеятельные поэты регулярно проводят мероприятия под названием «Литературная гостиная». Участниками их являются те, кто любит поэзию и сам «балуется» стихосложением. О газете «Интеллигент» не раз говорили на таких встречах поэтессы из пос. Синегорье. А потом однажды я увидел на столе директора ДК Светланы Пестерниковой газету «Интеллигент», которую она мне подарила. С интересом прочёл...

– Прежде чем начать с вами знакомство, почитал ваши материалы о Колыме. И сразу же для себя отметил, что в то трудное время и комсомольцы-добровольцы, да и многие

обычные советские граждане так же жили и работали. В великую на Западе депрессию люди трудились и жили отнюдь же не лучше, и многие из США даже эмигрировали в СССР. У меня к вам такой вопрос, так откуда же появляются люди, которые описывают якобы ужасы на Колыме, что они хотят этим и у кого заслужить?

– Сегодня о Колыме (с конца 1980-х гг. и особенно в 1990-е гг.) в различных газетах и Интернет столько написано негатива, что диву даёшься – откуда берутся такие сногсшибательные «факты». То, что пишут иностранцы, ещё как-то понять можно (имею в виду не смысл) – в большинстве случаев их задача – охаивать прошлое, да и настоящее, России. По сути, мы для них враги. Но ведь и среди российских журналистов есть борзописцы, которые в унисон иностранным СМИ без зазрения совести считают наших отцов и дедов (весь народ) «стучаками», «шестёрками», предателями и палачами, конечно, и т.п. Возможно, им за это хорошо платят. Бог им судья. Но лучше было бы намного, если бы их судили

по-настоящему за ложь и осквернение наши российские суды. А берутся такие люди (их уже много) из... наших детей, которых государство учит уму разуму по европейским шаблонам. Мы уже забываем русские слова: вместо «да» с удовольствием произносим «окей», такие словечки вошли в моду, как «фейк», «вебинар», «истеблишмент» и др., хотя сказать то, что имеется в виду, можно, да и нужно, по-русски...

Я уже отметил, что тогда все так жили, особенно освоители, а осваивать приходилось практически все. Может, кому-то просто не нравился бесклассовый – равноправный советский социальный строй и такие хотели бы быть, так сказать, равнее других?

Я думаю, и не только я, а многие россияне, помнящие 1960 – 1980-е годы, что в это время мы жили при КОММУНИЗМЕ. Просто не осознавали этого. А кто-то мыслил по-иному... Вот и пришли к финалу: народ просто напорог ограбили и продолжает это делать кучка богатых, сверхбогатых, отмороженных, поте-

равших совесть. Им не нравится всё то человеческое, что прививали людям в годы социализма...

– Осваивается ли сейчас активно Крайний Север или же идет отток населения и предприятия приходят в упадок?

– Что касается освоения Колымы, то, скорее всего, происходит регресс и целенаправленное выселение жителей. Создаётся впечатление, что этот богатый полезными ископаемыми (не только золотом) край планируют отдать кому-то в аренду, а то и насосем. Очень интересные цифры: в 1989 году в Магаданской области проживало почти 543 тысячи человек, из которых около 21 тысячи пенсионеров, причём, видимо, работающих. Сегодня на 144 тысячи жителей области приходится более 30 тысяч пенсионеров, в т.ч. и большинство неработающих.

– Что бы вы посоветовали для развития этого края, ведь программа правительства с передачей одного гектара земли в частное пользование, по сути, не сработала?

– Властимущим, от главы администрации самого крохотного посёлка до президента, не обещаю того, что не может выполнить. Особенно обещают чиновники во время предвыборных кампаний. Если совсем кратко, говоря лагерным языком: «Каждый должен отвечать за базар и нести ответственность».

– Ваши края славятся лесными богатствами, возможно там создавать зверосовхозы, рыболовные хозяйства с переработкой, грамотно заниматься лесозаготовкой и охраной леса, или китайские товарищи себя

там ведут, как в своей колонии?

– Да, Колыма богата не только золотом, но и дарами природы. А в годы лихолетья – репрессий – здесь (в совхозах-лагерях «Эльген» и «Красный богатырь») выращивали даже пшеницу! Помидоры росли в открытом грунте и, уж совсем невероятно, – яблоки, груши и сливы в этом суровом краю!

Северных оленей в 1980-е гг. было около 800 тысяч голов, а в 1971 году все птицеводческие хозяйства (птицефермы) области собрали 79,2(!) миллиона штук яиц...

Сейчас мы, колымчане, питаемся почти всем привозным, по сути, не знаю толком, что едим – натуральный продукт или искусственный. Продуктами и «тряпками» нас снабжает в основном Китай. И мы, зная, что товар не всегда качественный, всё равно берём. И если бы не эта страна, то мы бы ходили голые и вымирали бы от холода и голода, как мамонты. Дело идёт к тому, что Колыма, в полном смысле слова, скоро станет чьей-то колонией (только называться будет не так, а как-то по-хитроумному).

– Ваше видение уровня и развития литературы именно в Ягоднинском районе Магаданской области? Есть ли взаимодействие с Организацией Союза писателей, оказывают ли помощь местные власти, спонсоры?

– Что касается творческой жизни региона, т. е. Магаданской области, то, она, конечно же, не бурлит. Выходят книги, издаваемые магаданским издательством

«Охотник», кто-то сам издаёт небольшие сборники стихов и рассказов, писательская организация выпускает пару журналов – «На Севере Дальнем» и «Колымские просторы», Магаданская областная библиотека и Областной краеведческий музей издают, но не регулярно, по журналу – «Магаданский краевед» и «Краеведческие записки». Ну и Ягоднинское общество «Поиск незаконно репрессированных», председателем которого я являюсь с апреля 1990 года, выпускает серии книг «Архивы памяти» (33 книги) и «Малая родина» (5 книг).

К сожалению, все эти издания выходят тиражом от 100 до 500 экземпляров, некоторые – до 1000. И не более. Случается, что в областной библиотеке проводятся презентации книг. Возможно, что-то презентуют и в районах. Что касается Ягоднинского района, то мы регулярно презентуем книги, выпускаемые обществом «Поиск незаконно репрессированных», а также сборники стихов поэтов посёлка Синегорье, которые они издают сами.

– Что вы пожелаете нашему проекту медийной группе «Интеллигент»?

– Газете «Интеллигент», несмотря на её небольшой тираж, желаю быть настоящим «гласом народа»! И, конечно же, писать правду. И если это возможно, сделать патристическую рубрику, дабы читатель знал не только о настоящей России, но и о её прошлом – о Союзе ССР. Думаю, будет что рассказать (возможно, и негатив) и тем читателям, кто живёт за рубежом.

Михаил Сверлов

Родился 1 декабря 1946 года в посёлке Бухта Угольная, Анадырского района, Камчатской области, Хабаровского края. Заслуженный работник физической культуры Российской Федерации, ветеран труда России и Магаданской области. Окончил среднюю общеобразовательную школу посёлка Провидения. Служил в армии с 1965 по 1968 год в г. Луцке, Западная Украина. Работал учеником автослесаря, автослесарем, матросом-рулевым буксира «Волга» Херсонского речного пароходства, пожарным бойцом ВОХР Провиденского морского порта, мастером по обработке мехов, председателем райспорткомитета, заведующим организационным отделом, первым секретарём Провиденского райкома комсомола, заведующим отделом спортивной и оборонно-массовой работы Магаданского обкома комсомола. Двадцать четыре года работал председателем Комитета по физической культуре и спорту администрации Магаданской области, был главным редактором спортивных программ Магаданского телерадиокомитета.

С 2004 года на пенсии, проживает в г. Россошь, Воронежской области. Женат. Воспитал двух детей. Публиковался в периодических изданиях: «Полярник» – Провиденский район, «Советская Чукотка» – г. Анадырь. В магаданских изданиях: «Магаданская правда», «Территория», «Магаданский комсомолец», журнале «Колымские просторы».

Сила духа (из рассказа «Гонка»)

Завершились Олимпийские Игры в Пхенчхане. Я, как и многие любители лыжного спорта, с интересом наблюдал за выступлением наших лыжников. Не скрою, был обрадован результатами практически молодёжной команды. Обрадован, но не удивлён. Вы спросите, почему? Просто я хорошо знаю президента федерации лыжных гонок России – Елену Валерьевну Вяльбе, Лену, Ленульку. Да, да! Именно так, со времён Лены Трубицыной и начала её выступлений на первенствах Магаданской области по лыжным гонкам среди девочек, девушек, юниорок и так далее до трёх золотых Олимпийских медалей, четырнадцать званий чемпионки мира и пяти Кубков мира. Тренер, который вывел её на Всероссийскую лыжную среди школьников, а затем и мировую лыжную – Виктор Максимович Ткаченко – показал её, тринадцатилетнюю, мне, председателю Магаданского областного спорткомитета.

На лыжной трассе Снежной долины, располагавшейся в 19-ти километрах от Магадана, проходил чемпионат области по лыжным гонкам. На дистанцию пять километров в общей группе допускались не только женщины, но и девушки, и юниорки.

– Ты посмотри, посмотри вот за этой девочкой, – Ткаченко ткнул рукой в ребёнка, шедшего с лыжами в стартовый городок. – Она сегодня даст прикурить Лене Климовой.

Лена Климова (впоследствии Кутукина) – молодая лыжница из колымского посёлка Ягодное только что вернулась с бронзовой медалью чемпионата Мира среди молодёжи, прошедшего в немецком городе Мюрау. Она могла стать и победи-

тельницей, но, не вписавшись на трассе в поворот, упала и проиграла чемпионке всего двенадцать секунд.

– Максимыч, а ты ничего не путаешь? – спросил я, глядя в стартовый протокол. – Младшенькая с шестьдесят восьмого года, а старшенькая с шестьдесят третьего. Пять лет в их возрасте – это пропасть.

– Так в том-то и дело! Этот «малёк» упёртый до не могу. Вывернется наизнанку, но не отпустит Климову. Даю слово! Она по жизни такая. Сказала «дам жару» – значит, даст.

Не стану рассказывать, как проходила гонка. Ограничусь высказыванием Лены Климовой:

– Виктор Максимович! Это вы кого ко мне «привязали»? Эта маленькая как вцепилась в меня со старта, так и не отпустила почти до самого финиша. Я пыталась убежать от неё в горку, ускорялась и под горку, а она как приклеенная. Сопит сзади, но не отстаёт. Я её за восемьсот метров до финиша пропустила вперёд, чтобы посмотреть, как она себя чувствует. И только тут увидела, как она сильно устала и идёт на воле. Пришлось мне включиться уже по полной. Кто такая?

– Лена Трубицына. Она всем вам, чемпионкам, ещё покажет!

– Да чем там показывать? Одни косточки да сухожилия.

– Э, нет! Главное, что внутри. А внутри кремень. А всё остальное... «Были бы кости, а мясо нарастёт!»

Шёл 1982 год. Лене Трубицыной, впоследствии Вяльбе, было тринадцать лет.

Она действительно потрясала всех специалистов и любителей лыжных гонок своими результатами. В четырнадцать лет выполнила норматив Мастера спорта СССР. На чемпионате мира по лыжным гонкам среди молодёжи в городе Азиаго (Италия) она стала чемпионкой на одной из дистанций. Но чудеса она сотворила в эстафете. На четвёртом этапе Лена ушла из лыжного городка, проигрывая лидеру, молодой итальянской звезде Стефании Бельмондо, более минуты. Уж на чём она шла, где нашла в себе силы, чтобы догнать её и финишировать первой, знали только она и Максимыч, уже работающий тренером молодёжной сборной команды СССР.

На следующее утро на первой странице центральной спортивной газеты была напечатана фотография Елены. Страница из угла была рассечена широкой полосой, внутри которой красовался заголовок «Удар с Востока!»

А она объяснила мне, возвратившись в Магадан с двумя золотыми медалями, что просто не могла проиграть эстафету: «Я вообще не люблю проигрывать!»

На чемпионате мира, проходившем в 1989 году в финском городе Лахти, где Лена впервые принимала участие, первый раз проводилась марафонская тридцатикилометровая гонка для женщин.

«Вечером перед гонкой Михаил встретил Лену в проходной домика нашей сборной, где был в гостях у тренеров. Его провожал главный тренер сборной команды СССР Виктор Александрович Иванов. Лена уже выиграла золотую и серебряную медали.

– Ой, здравствуйте, Михаил Николае-

вич! Можно я с вами немножко прогуляюсь?

– Конечно! Почему же нельзя, если главный отпустит, – я посмотрел на Иванова. Тот утвердительно кивнул головой. – Мне приятно пройти с первой чемпионкой мира из Магаданской области.

– Да ладно вам издеваться. Чего тут особенного. Я и завтра выиграю.

– Откуда ты знаешь?

– А я на пресс-конференции об этом сказала.

– На какой пресс-конференции?

– Да сегодня проходила пресс-конференция с призёрами эстафеты, ну, и там один итальянский журналист задал вопрос о том, кто победит в тридцатикиллометровой гонке среди женщин. Ведь она проводится впервые на чемпионатах мира.

– И что?

– Финки и норвежки стали мямлить, что, мол, дистанция новая и победить на ней может каждая участница, что опыта её прохождения ни у кого нет.

– А ты?

– А я сказала, что раз я тут, то чего вопросы задавать? Я зачем сюда приехала?

– Ну, ты даёшь! Тебя руководитель команды не «убил»? Чего это тебя на такие заявления потянуло? Ты же только против себя всех настроила. Ты хоть это понимаешь? Если завтра проиграешь, он на тебе отыграется по полной программе. Да и на мне тоже, – заметил Михаил.

– А чего он на меня окрысился после эстафеты? – голос Лены задрожал. – Тут и так всё на нервах. Это только для прессы мы дружный коллектив, а так каждый хочет выиграть и готов всех и каждого сожрать. Знаете, как тяжело? – на её глазах появились слёзы.

– Ну, что ты, что ты, моя хорошая. – Михаил обнял Лену за плечи и стал гладить рукой по спине. – Успокойся, успокойся. Да они все и одной слезинки твоей не стоят. Что ты, малышка? Ты уже совсем взрослая, хоть и двадцать лет. У тебя есть сынулька. Вот он будет гордиться своей мамой! И мы все тебя любим! Все за тебя переживаем. Ну, успокойся, успокойся!

– Знаете, так хорошо, когда рядом есть кто-то свой! Я так хотела, чтобы мой тренер сюда поехал. Но он с молодёжкой уехал в Италию, – и она плотнее уткнулась в грудь Михаила.

Так они постояли несколько минут. Странно, но улица, на которой они находились, была совершенно пуста, и это в семь часов вечера. Михаил, конечно же, опоздал на ужин, но это его волновало меньше всего.

На городской башне ударил колокол. Михаил посмотрел на свои часы и увидел, что уже без пятнадцати минут восемь.

– В восемь уйдёт мой автобус, – сказал он Лене, – надо успеть.

– А чего тут успевать? До него ходу пять минут. Вы же от кафе уезжаете?

– Да! А ты откуда знаешь?

– Да это традиционное место отправления автобусов. Когда нет соревнований, он отходит с городской площади, а во время соревнований от кафе.

Когда они подошли к автобусу, то все были в сборе. Но увидев Вяльбе, туристы бросились её поздравлять и сорвали плановый выезд автобуса. Однако никто об этом не пожалел, и уже в автобусе они поблагодарили Михаила за то, что он привёл Лену к ним. Хотя именно она привела его к автобусу.

Утром Лена проснулась в приподнятом настроении. Вечером, распрощавшись со своим председателем облспорткомитета, она ещё немножко погуляла по городу, пожалела о сорвавшемся на пресс-конференции заявлении, но решила для себя биться до последнего. «День выдался ясный, а значит, со смазкой не должно быть проблем, – подумала она. – Ну что ж, это к лучшему».

Сделав зарядку и слегка перекусив, она отправилась на стадион тестировать лыжи.

– Ленулька, а погодка-то твоя, – подмигнув, сказал ей главный смазчик Александр Смирнов, передавая лыжи.

– Значит, я не зря вчера свечку поставила, – смеясь, ответила Лена.

Откатав лыжи и выбрав для себя пару, она зашла в домик команды, вновь немного перекусила взятыми с собой бутербродами и чаем, а затем вышла разминаться на лыжню. Было видно, что соперницы по гонке с удивлением смотрят на неё, и от этого настроение стало ухудшаться. «Всё равно выиграю! – думала она. – Сказала «Гоп!», значит, надо прыгать».

Михаил вместе с Виктором Поликарповым, государственным тренером Спорткомитета СССР по Магаданской области, пришли к лыжному домику минут за сорок до старта. Найдя Иванова – а он что-то выяснял у стоящего рядом руководителя сборных команд страны по лыжным видам спорта в Лахти Виктора Фёдоровича Маматова – они остановились в сторонке, ожидая окончания их разговора. Маматов, заметив северян, что-то сказал Иванову, и они оба направились к ним.

– Есть причина ругаться с Вами, сказал

Маматов. – Слышал, что вчера учинила ваша любимица?

– Это насчёт пресс-конференции?

– Ну, а на счёт чего же. Вся пресса только об этом и пишет. Причём, издевается. Говорят, что никому больше выходить на лыжню не надо, мол, русские уже всё решили и все медали разобрали. Вот такая незадача. Теперь представь, что будет, если мы проиграем? Не Вяльбе, нет, а мы. Я думаю, что головы полетят не только у нас с Виктором Александровичем. Вот обсуждаем вопрос – ставить на гонку Вяльбе или нет? Может быть, лучше, если она заболит?

– Тогда уж всех не ставить. Как у старика Хоттабыча: «Проверка показала, что все лыжники срочно заболели коклюшем!» А лучше уж прямо объявить, что всех пробил понос.

– Не гоните! – сказал Иванов, – вы уж не зарывайтесь, Михаил Николаевич. Никакого поноса нет, а вот досада на бездумное заявление спортсменки, есть. И сдаваться никто не собирается. Тем более что специально Птицыну на эту гонку готовили и берегли. А вы уж своей воспитаннице хвоста тоже накрутите.

– Да всё мы вчера вечером обговорили.

– Каким вечером? – Лицо Маматова вытянулось. – Я же запретил, кому бы то ни было из спортсменов покидать деревню!

– А никто и не покидал, – начал откат Михаил, который понял, что нечаянно подставил Иванова. – Просто мы вечером разговаривали с Леной на проходной.

Несколько наших туристов попросили меня взять у неё автограф.

Маматов косо посмотрел на Михаила, затем на Иванова и, махнув рукой, пошёл в сторону стадиона.

– Ну, вы чуть меня не завалили, – облегчённо выдохнув, сказал Виктор Александрович. – Чего примчались-то?

– Виктор Александрович, – вступил в разговор Поликарпов, – у вас нет лишнего стартового протокола, да и может чем помочь нужно?

– Нужно! У меня людей на всю дистанцию не хватает. Вот глядите, – он дал каждому из них по стартовому протоколу, затем достал схему лыжной тридцатки, – три круга по десять. Вот здесь, на шестом и седьмом километре, никого нет. Надо бы вам туда добраться и гнать наших девчонок вперёд. Раций дать не могу. Их просто нет. Но вы там сориентируйтесь по времени. Сможете?

Виктор утвердительно кивнул головой.

– Давайте сверим часы. Так, всё в порядке. Старт в десять ноль-ноль. Стартуют через тридцать секунд.

Иванов посмотрел на северян.

– И давайте, подгоняйте Ленку. Она девка заводная. От неё любых чудес ждать можно!

Распровавшись, Михаил и Виктор напрямую пошли к указанной им точке. Добравшись туда, «погоняльщики» осмотрелись и поняли, что можно, перебегая с точки на точку, в четырёх местах перехватывать нужного спортсмена. Правда, их удивил тот факт, что здесь совсем не было зрителей. Оказывается, не по всей трассе стояли любители лыжных гонок.

Издали раздался голос диктора, объявляющий по стадиону порядок старта. Это обрадовало северян, так как они могли ориентироваться на его информацию.

Лена и Лариса Птицына стартовали во второй, сильнейшей группе спортсменов. Причём, Лена бежала в двух минутах за Ларисой, замыкая эту сильнейшую группу.

Наступило время старта, и Михаил с Виктором одновременно включили свои секундомеры, находившиеся в часах. Плюс, Виктор включил и профессиональный секундомер, висевший у него на шее. Они стояли рядом, и Виктор по ходу гонки объяснял своему председателю практику работы с секундомером по определению времени лыжниц. «Вон идёт спортсменка под номером пять, – говорил Виктор. – У нас есть время старта первой лыжницы, и время, когда она поравнялась с теми вот деревьями. Это метров шестьдесят отсюда. Пятую лыжницу засекаем там же, у деревьев. Так. От засечённого времени номера пятого отнимаем две минуты. Она стартовала пятой, значит, в двух минутах от первой. Что выходит? Выходит, что у неё пока второе время, то есть плюс шесть секунд». Так, потренировавшись на нескольких участниках, Михаил стал сносно определять время.

Сильнейшая группа открывалась номером двадцать шесть. Здесь результаты пошли в гору. Когда подошла Лариса Птицына, то Виктор уверенно прокричал ей в лицо: «Лидер! Плюс семь у всех!». Через две минуты к месту, где стояли северяне, подошла и Лена. Она тоже проигрывала лидеру семь секунд.

Промчавшись через лес, северяне выскочили на другой отрезок трассы и успели вновь засесть время Птицыной. Подошедшая туда же Вьяльбе проигрывала уже одиннадцать секунд.

– Ничего, – сказал Виктор, – это она силы бережёт.

– Может, что-то не заладилось? Смазка, там, или ещё что-нибудь?

– Да нет, идёт, вроде, спокойно, без нер-

вов. А там, кто его знает? Не остановишь и не спросишь.

Прошло время. Со стадиона всё время раздавался голос диктора, сообщающий результаты участниц после первых десяти километров. Лариса продолжала идти первой, а вот Лена проигрывала ей уже больше тридцати секунд.

– Вот тебе и «я выиграю!» – в сердцах бросил Виктор. – Ничего у неё не клеится!

– Ещё не вечер, – перебил его Михаил, – когда там начинается марафон?

– После сорок пятого километра.

– Значит, у нас он начнётся после двадцать пятого.

В лыжных кругах все знали, что в лыжном марафоне у мужчин, а он проходил на дистанции в пятьдесят километров, всё расставляли на свои места последние пять. У кого оставалось больше сил и желания, тот и побеждал. Это, конечно, не касалось тех, кто проигрывал к сорок пятому километру по три-пять минут.

Снова появились сильнейшие лыжницы. Теперь они шли то небольшими группками, то расстояние между ними было в несколько минут.

Вот пролетела мимо Лариса Птицына. Ни намёка усталости в движениях, ни тени сомнения на лице. С отставанием от неё в пятьдесят секунд прошла Лена. Ход её был прежним, только вот во взгляде не было огонька.

Виктор рванул через лес к следующей точке на лыжне и, когда Лена стала там подходить к ним, он неожиданно заорал: «Ленулька, давай, давай! Потерпи немножко, легче станет!»

Михаил, не понимая, чего это вдруг заорал Виктор, подключился к его крикам: «Ленуля! Ещё не вечер! Ты третья! Всё впереди!»

Лена пронеслась мимо них, никак не отреагировав на крик. Они переглянулись и побрели на определённое им место. Там, проанализировав время других сильных спортсменок, они выяснили для себя, что за медали будут бороться две наши лыжницы и две норвежки. Причём, одна отставала от Лены на полминуты.

– Ты чего орал ей «потерпи»? – спросил Михаил, – ей терпеть ещё тринадцать километров.

– Да нет. У меня такое впечатление, что у неё наступил кризис.

Должно появиться второе дыхание. Вот я и кричал

Со стадиона продолжал доноситься голос диктора. Прошла Вьяльбе. Отставание од-на минута и тринадцать секунд.

– Всё! – сказал Виктор. – По такому, как у неё, настроению это не отыгрывается. Теперь ей надо бороться за серебро.

– Может, покатит?

– Может, и покатит, кто это сейчас может сказать!

Они замолчали. Вновь к ним подходили лыжницы из сильнейшей группы. Скоро должны были показаться и Лариса с Леной.

– Ну, я, пожалуй, пойду вон за тот бугорок. А вы уж тут её подгоняйте. Затем на седьмой километр. Там встретимся, – сказал Виктор и пошёл вдоль лыжни.

Через несколько минут после его ухода показала Лариса. Михаил засёк её время, отметив про себя, что выглядит она немного уставшей. «А вот и Лена, – сказал он сам себе, увидев вынырнувшую из-за поворота лыжницу. – Так, стоп! Она проигрывает Птицыной пятьдесят девять секунд. Чертовщина какая-то! Было же минута тринадцать?» Пока он обдумывал ситуацию, Лена прошла мимо, и только тогда он крикнул ей в спину: «Минус пятьдесят девять!»

Лена начала гонку в привычном для себя темпе. Первые два километра она втягивалась в работу, а затем стала идти с той скоростью, которая должна была обеспечить ей хороший результат. Однако после первых трёх километров тренеры подсказали, что она проигрывает не только Птицыной, но и двум норвежкам, финнке и чешке. Это озадачило её, но она решила не ускоряться: «Посмотрим, что будет после десятого километра». Но уже после пятого километра отставание увеличилось, а после десятого стало составлять более тридцати секунд. Это сообщение как-то подавило её. Навалилась усталость, и стало тяжелее дышать. Всё вроде бы работало по-прежнему, но чувствовалось, что нет прежней свежести. Она видела, как волнуются её председатель комитета и государственный тренер, слышала их подсказки, но отреагировать не было сил.

Вот снова стадион. Зрители кричат, подбадривают участниц. «Что там со временем?» – подумала Лена. И, как будто отвечая ей, диктор сообщил, что она проигрывает минуту и тринадцать секунд. Выходя с лыжного стадиона на последний круг, она увидела на огромном демонстрационном табло, что идёт третьей. Впереди была и норвежка, но всего в двадцати секундах. «Так! Эту достану. Хотя второе место будет. Не так стыдно людям в глаза смотреть».

Она шла по лыжне, и никто не подсказывал ей, как она идёт по отношению к лидерам. Все тренеры сборной, по заведённой традиции, перебегая с места на место,

гнали вперёд Ларису Птицыну.

Сейчас для них важнее всего было довести её до золотой медали. Тогда закончились бы все эти досужие разговоры о русских, которые уже «разобрали» все медали.

«Дёрнул же чёрт меня бахвалиться, – думала Лена. – И чего раскудаhtалась? Правильно говорят: «Не говори «Гоп», пока не перепрыгнешь!»

Показался из-за поворота председатель. Он почему-то тряс часы, с недоумением смотрел на них, смешно шевеля губами. Пройдя мимо него, она услышала его отчаянный крик, но не разобрала, что он кричал. «Если время, то значит меньше минуты! Господи! Хоть кто-нибудь разборчиво подскажет?»

Выскочив на пригорок, она чуть не столкнулась с Виктором Дмитриевичем, и тот чётко, как на тренировке, отчеканил: «Минус пятьдесят три!»

«Так! – Сердце Лены лихорадочно заколотилось. – Я не ускоряюсь! Значит? Значит, Птицына «сидится», устала. Появляется шанс! Кто бы ещё чего сказал?»

За пять километров до финиша она вновь увидела неразлучную парочку. «Минус двадцать три! – закричали они хором. – Давай, Ленулька! Лариска капнула!»

«Так! Ну, теперь мы посмотрим, кто кого!» Она уже не чувствовала усталости. Былая тяжесть осталась позади, а появившийся азарт гнал её вперёд.

«Давай, давай! – кричало всё в ней. – Всё в твоих руках!»

Появившиеся за два километра до финиша зрители бурно приветствовали эту русскую девчущку, которая как на крыльях неслась мимо них. А Виктор и Михаил, сквозь лес, пересекая все лыжные трассы, неслись к последнему на лыжне подъёму, «заглотышу», как его прозвали лыжники. Именно там должно было всё решиться. Подбегая к подъёму, они увидели, что Лена пошла вниз к нему, но подобраться им к лыжне, казалось, не было никакой возможности. Все подходы к ней были забиты зрителями в три-четыре ряда.

Вот Лена уже у самого основания подъёма. И тут Виктор с разбегу бросился животом на снег, прикрыл голову руками, и со страшной скоростью ударил всей массой своего нехилого тела по стоящим впереди ногам зрителей. Образовалась огромная кучамала, но он сумел протиснуть свою голову почти к самым ногам Лены и оттуда, снизу, спокойно сказал: «Плюс двенадцать!» Тут на него рухнул огромный финн и, поняв, что он, Виктор, сообщил лыжнице время, стал обнимать его, что-то крича по-фински.

Михаил за ноги вытащил Виктора из кучи, тот вскочил, и они понеслись в сторону финишного городка. Но, вероятно по запарке, сбились с нужной тропы и выскочили на пригорок прямо перед финишным створом. Видно было, как на финиш неслась их Ленулька. По её красивым движениям было понятно, что она полностью восстановилась. Громко заорав, два мужика по восемьдесят килограммов весом каждый, в красно-белой форме, бросились прямо к финишу. Стоявшие в оцеплении финские стрелки молча расступились перед ними, решив не связываться с этими ребятами, и они оказались у самой финишной черты, где уже стояла без лыж тяжело дышавшая Лена. Она выиграла у Птицыной тринадцать секунд!

Михаил подхватил её на руки и стал кружиться в каком-то немыслимом танце. Рдом бесновался Виктор. Затем, опустив лыжницу на снег, они втроём обнялись и закрутили хоровод. Лыжный стадион громко хохотал и приветствовал этих странных русских, которым тридцать километров – не дистанция, а оцепление – не помеха.

По прошествии нескольких минут к ним подошёл представитель судейской бригады и пригласил Лену на цветочную церемонию. Михаила и Виктора судьи проводили на трибуну, где к ним сразу же подскочили наши туристы и вручили красный флаг.

Когда призёры этой захватывающей гонки проходили мимо трибун, группа русских организовала такой шум, что перекричала всех. Лена и Лариса – а она заняла второе место – приостановились и стали в ответ махать им руками, посылая воздушные поцелуи.

Сзади Михаила раздался знакомый голос: «Ну, вы северяне и даёте! Не думал, что Лена выиграет гонку. Молодцы! Слово держите!» Обернувшись, он увидел улыбающихся Маматова и президента федерации лыжных гонок Союза Бориса Михайловича Быстрова.

– На том и стоим, – сказал скромно Виктор.

– Вы хоть с ней-то до старта говорили?

– Да, я сказал ей, – хитро начал Михаил, – что нам золото не нужно. У нас своего в области пруд пруди. Любую медальку сделаем. А вот принцип есть принцип. Только из-за принципа и выиграли!

Все засмеялись.

– А что думают северяне насчёт завтрашнего марафона у мужчин? – Маматов с интересом смотрел на них.

– А чего тут думать? Завтра Прокуроров будет в медалях, – весело сказал Виктор.

– Почему так думаете?

– Да Лёшка – гордый. Как это ему, олимпийскому чемпиону, и без медали возвращаться!

– Ваши слова да богу в уши, – сказал Быстров. – Чем сейчас заниматься намерены?

– У нас тут традиция образовалась, – Михаил засмеялся. – Всем туристам нравиться.

– Мне бы тоже понравилась, – отреагировал Быстров, – да вот шеф не даёт.

– Мы своё наверстаем, – пообещал Маматов. – Ну, ещё раз поздравляем и спасибо за лыжницу! – он пожал им руки.

– Вы уж там Лену не ругайте, – поддел его Михаил.

– Ну и колючий вы человек, товарищ председатель, – засмеялся Маматов. – Так и быть, обещаю!»

Я рассказал это к тому, что что свой характер, желание не уронить честь своей Родины, выиграть, во что бы то ни стало, не отступать и не пасовать перед трудностями формировалось у Лены Вяльбе с младых ногтей. И способствовал ей в этом любимый тренер Виктор Максимович Ткаченко, которого, к глубокому сожалению, сегодня с ней рядом нет. Спасибо тебе – Максимыч!!!

P.S И ещё один пример:

В 1997-м на чемпионате мира в Тронхейме произошел скандал. В пробе шестикратной чемпионки Олимпийских Игр Любы Егоровой, выигравшей на этом чемпионате мира одну из пяти гонок (четыре остальные выиграла Елена) обнаружили запрещённый бромантан. Результат Егоровой был аннулирован. Вяльбе вышла на стадион, где присутствовали король и королева Норвегии, и прилюдно принесла свои личные извинения за случившееся.

Дело было вовсе не в Егоровой, а в том, что Люба стала причиной того, что под удар попала честь страны. И Вяльбе бросилась её защищать – как умела. Не могла перенести унижения.

Так же она бросилась в Пхенчхан защищать честь России, своих молодых ещё не совсем оперившихся во взрослом спорте воспитанников, несмотря на то, что МОК отказал ей в официальном приглашении на Олимпийские Игры. Нахождение её на зрительской трибуне успокаивало и вселяло в ребят и девочек уверенность, что у них всё получится. Да разве какие-то преграды могут остановить русского человека, если дело касается чести страны, чести твоих воспитанников!

И ребята ответили ей сполна МОЛОДЦЫ!

Никита Ионов

Учитель русского языка и литературы МАОУ «Гимназия №30». Окончил филологический факультет ФГБОУ ВПО «Северо-Восточный государственный университет» (СВГУ, г. Магадан) в 2015 году. Стихотворения начал писать с 2007 г. Публиковался преимущественно в печатном органе нашего университета – газете «Gaudeamus». Обладатель награды «Лучший журналист СВГУ – 2013». Участник, призер, а также победитель городских и областных конкурсов чтецов. В 2015 году, в частности, занял I место в номинации «Художественное чтение» в областном конкурсе чтецов и исполнителей патристической песни «Живое слово о войне». В 2016 году завоевал I место в номинации «Театральный жанр» на фестивале творчества работающей молодежи «Открытая сцена» за авторское стихотворение, посвященное 75-й годовщине начала Великой Отечественной войны. «Творческий коллектив Н.С. Ионов», куда входили учащиеся МАОУ «Лицей ЭБ», – обладатель специального приза жюри IV областного фестиваля молодежной культуры «ART-квадрат» в 2017 году. Серебряный лауреат Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2019). Тематика стихотворений разнообразна. «Каждое написанное стихотворение представляет собой определенную часть мозаики моей души, которую я буду складывать всю жизнь».

«ЧТО НАПИСАНО ПЕРОМ... ЗОЛОТЫМ ПЕРОМ», ИЛИ НИКИТА НА БОЛЬШОЙ НИКИТСКОЙ

(очерк)

– Здравствуй, уважаемые слушатели, – этими словами начинается мое умозрительное выступление, которое, хоть и не прошло никогда на самом деле, но его стоило непременно выдумать. – Эта история началась в августе 2017 года на традиционном уже для Магадана мероприятии «Куваевский костер», где я познакомился с Сергеем Львовичем Малашко. Эта история о том, что в жизни случаются поворотные встречи, которые открывают перед нами новые горизонты. Благодаря творческому сотрудничеству с Сергеем Львовичем позднее удалось опубликовать свои работы в таких изданиях, как международная литературно-публицистическая газета «Интеллигент Магадан», авторский литературный журнал «Северо-Муйские огни». Нет смысла дополнительно напоминать, насколько важно человеку пишущему преодолевать маниящие бездонные пучины стола, грозящего навечно похоронить в себе все написанное, и обязательно публиковать все то, что прошло «медные трубы» внутреннего авторского «высшего суда». Именно от Сергея Львовича я впервые узнал о национальной литературной премии «Золотое перо Руси»... (стремительно перебираю страницы подготовленного выступления, подгоняемый неодобрительным шепотом присутствующих, возмущенных моим чрезмерным предисловием).

Эта история о том, что «филолог – птица гордая: пока не пнешь, не полетит» (не помню, от кого я это услышал, но фраза хорошо запомнилась). Как говорится, без знатного пинка не бывает рывка. Для меня участие в «Золотом перо...» – это именно рывок, попытка прорвать «местечковость» своего творчества (звучит, возможно, уничижительно, но адекватной аналогии я не подобрал), повысить ставки, выйти на другую орбиту...

Эта история и о том, что к финишу приходит не та лошадка, на которую думаешь изначально, а она в итоге оказыва-

ется «темной». На конкурс я подавал несколько работ для участия в трех номинациях («Проза», «Поэзия» и «Теле») и больше уповал скорее на первые две. Признание же настигло меня за десятиминутный короткометражный фильм об использовании метода видеороликов на уроках русского языка и литературы в 9 классе. В моей номинации высших наград были удостоены, например, Олег Анатольевич Шишкин, писатель, журналист, ведущий документальной программы «Загадки человечества» на «РЕН ТВ», а также Евгений Арсеньевич Киндинов, преподаватель ВГИК, Народный артист России. Оказаться в подобной компании – огромный аванс, который еще предстоит оправдать!

Церемония награждения проходила 25 октября 2019 года в Москве в Малом зале Центрального дома литераторов на Большой Никитской. Признаю, что жизнь – превосходный сценарист. Отдельное «Золотое перо» необходимо вручать ей за подобные хитросплетения. Центральный дом литераторов словно пропитан атмосферой стареньких уютных библиотек с многочисленными шкафами, заставленными книгами, к некоторым из которых, возможно, так никто и не прикасался. Свет внутри помещения как будто намеренно приглушен, а состояние внутри такое, что непременно хочется говорить шепотом.

По мере того, как авторы собирались в фойе, складывалось впечатление, что практически все здесь друг друга знают, они когда-то вошли в этот тесный семейный круг, где им комфортно, где им всегда рады не просто как случайным гостям, а как дорогим друзьям.

Учредителям премии, Светлане Васильевне Савицкой и Александру Николаевичу Бухарову, а также, вероятно, многим другим, кто оказывал помощь в организации мероприятия, удалось создать удивительно домашнюю обстановку, лишенную приторного официоза, так что Малый зал пере-

стал казаться тесным, а будто обнимал собой каждого из присутствующих.

Счастье, наверное, не в том, что тебя награждают, а в том, чтобы оказаться в кругу единомышленников и быть принятым как дома, перенестись в то время, когда писатели и поэты собирались в тесных квартирках и при тусклом освещении пили чай, обсуждали творческие наработки, читали стихи, пели под гитару, где-то даже бранили друг друга за несовершенство слога или рыхлость сюжета – а в итоге просто приятно проводили время, которое не всегда было простым для жизни. Вот о чем эта история.

А еще, наверное... (я оглядел слушателей, которых представлял себе: одного мой рассказ совершенно не занимал, другой нарочито хмурил брови, кто-то увлеченно нашептывал что-то своему соседу... но перечислять каждого из присутствующих – дело, согласитесь, утомительное) эта история соединяет в себе множество других историй. А началась она в августе 2017 года с одного знакомства.

Мне бы не хотелось, чтобы в ней была поставлена точка на Большой Никитской. Скорее там уместна запятая (поверьте мне, я немного в этом разбираюсь).

Потому, уважаемые слушатели, – этими словами я почти завершаю свое умозрительное выступление, – пойду я писать продолжение своих бесконечных историй, а эта пусть же остается ярким воспоминанием о нескольких удивительных днях в Москве, о беседах с замечательным Михаилом Ножиным, о встрече с земляком Андреем Кадыкчанским, золотым лауреатом премии (мир, как ни крути, тесен), и о том, что вера в собственное творчество вкупе с поддержкой неравнодушных людей способны лишать слово «невозможное» пресловутой приставки.

Ну и каково теперь без приставки-то?

Заглавные буквы

Сыт этой вечной Болью.
Сыт этой тихой Смертью.
И над немой толпою
Листья пронесит Ветер.
«Ветер» – с заглавной буквы –
Смрадом могильным веет.
Что с нами всеми будет,
Если на самом деле
Боль среди лиц случайных
В очередях за хлебом
Будет стоять, плечами
В нас упираясь? Следом
Смерть приютится, ценник
Тщательно изучая:
«Жизнь прожита бесцельно».
Вдаль отправляя чартер
С незаглушенной Болью,
С непогребенной Смертью –
Робко выходим в поле.
Праведный веет Ветер,
Листья несет над нами.
Кружит покой зловещий.
Если б мы точно знали,
Что это все навечно:
Не прекратятся бури,
Мед с каждым годом горше...
«ветер» – с заглавной буквы –
Нет, не с заглавной все же!

Скрипичный ключ

Я обманул скрипичный ключ.
Я стал ключом от всех дверей.
Птенцу приносят пищу в клюв.
Огню положено гореть.
Ключу положено открыть
Замок – он для того рожден.
А я рождаюсь, чтобы быть
Когда-нибудь таким ключом.
Скрипичному ключу солгав,
Ключом от всех дверей я стал.
И тянется к огню рука
В надежде, чтобы тот солгал.
Но он не лжет в который раз.
Шкварчит обугленная плоть.
Обманчивая ипостась:
Боль принося, дарить тепло.
Отныне я скриплю в замке.
Дверь больше не надежный страж.
По окровавленной руке
Сочится гной, как будто страх
Уходит прочь. Услышать ложь
Страшиться вновь резона нет.
Огня порыв умирот дождь.
Обман не скроется в огне.
Неоперившимся птенцом
Довольствовался тем, что есть,
Что в клюв кладут. Я был глупцом,

Нарочно на рожон не лез.
А то, что было – лишь вранье.
Я стал ключом от всех дверей
Скриплю в замке.
Возможно, в нем
И суждено мне умереть.

Обыкновенный резонер

«Мораль глупа...» – так говорят,
Но говорить, однако, мало.
Все в рассуждениях хотят
Дожить свой век, им не пристало
Слова делами подкреплять.
Так что ж, глупа на самом деле
Мораль? Но, как Христа, распять
Её, конечно, не посмели.
Положим, руки коротки –
До справедливости добраться,
Чтобы в борьбе сгубить-таки, –
Вам, лицемерам, не удастся.
Известно, совести у вас,
Как и всегда, недоставало –
В пору сомнений, в трудный час
Она помехи создавала.
Исчезла, словно атавизм,
Ненужный будто бы придаток.
На нравственность вы сверху вниз
Взираете. Ваш недостаток,
Однако, просто распознать –
С любовью все в вас затрепещет,
Вы захотите лучше стать,
Иначе станете на вещи
Смотреть, но поздно, может быть,
Уж станет – это вам не ясно?
Излишне что-то говорить
И убеждать вас речью страстной.
«Любовь другая...» – говорят,
Желая фразой пространной
Разрушить всё... Но только рад
Борьбе я новой, неустанно
Вновь стану правду защищать,
Любой ваш довод разрушая.
Как можете вы утверждать,
Что в наши дни любовь другая?
Менялись ценности и нравы,
Устои... Да, чего скрывать?
Вы в этом, без сомненья, правы –
Но на другое указать
Позвольте мне: осталась прежней
Любовь, такой, как и была,
Как раньше, с верой и надеждой,
Живет, не принимая зла.
Что вы ответите на это?
Молчите... Вам и не впервой.
Найти достойного ответа
Вам не удастся. Новый бой
Затеять? С помощью уловок
Нечестных можно победить.

Но слишком хрупко ваше слово,
Чтоб мою правду сокрушить.
«Ты в рассуждениях погряз,
А нас безвинно попрекаешь.
Одно и то ж который раз
Без надобности повторяешь», –
Кричите вы, но тих ваш крик,
Как будто расстоянье – вечность.
Да возмущайтесь бесконечно
Сквозь шум, сквозь немоту иль
хрип.

Допустим, грозный ваш порыв
Хоть и свернет мое забрало!
Но... Ваше время не настало –
Вы подождите до поры!..

Сердце

Мое сердце все ближе...
Все дальше, все тише
Замолкают рассветом
Неугасшие звезды.
То, что мысленно шепчешь
И вслух говоришь ты –
Опрометчиво рано
Иль стремительно поздно?
Необдуманно, странно...
Многоотче безмерно
В своем твердом желаньи
Обездвижить пространство.
В этом времени рваном,
Неотчетливо скверном
Все движенья жеманны.
Вновь, как будто бы в трансе,
Мы сорвемся, и плавно
Разорвет равнодушие
Изнутри нас. А важным
Было то, что снаружи...
Было то, с чем не сладить
Обезумевшей фальши.
Мое сердце все ближе...
Твое сердце все дальше...

Любовь к пунктуации

Ты снисходительно прекрасна...
Ты снисходительно мила
Здесь точек нет, здесь есть –
пространство.
Но и его заволокла
Твоя пленительная дерзость
Неколебимой красоты.
Слепой, я лицезрею взрыв,
Что плену мою прорезал.
Как пунктограмму в устной речи
Едва сумею передать,
Так и тебя, мой день и вечер,
Моя реальность и мечта –
Не воспою я в дивных красках,
Хоть в них и так по горло влез.
И точек вновь не будет здесь
Ты снисходительно прекрасна

Екатерина Лимонова (Титаренко)

Родилась 10 января 1988 года в п. Синегорье Магаданской области. Первая проба пера состоялась в 12 лет. В юности занималась несколько лет макраме и два года училась игре на фортепиано.

Публиковалась в международных литературно - публицистических изданиях «Интеллигент-Магадан» и «Интеллигент – New-York», а также в авторском литературном журнале «Северо-Муйские огни», в коллективном сборнике синегорьевских поэтов «Содружество», в еженедельной газете Ягоднинского городского округа «Северная правда», в Ольской районной газете «Рассвет Севера», в еженедельной общественно-политической областной газете «Магаданская правда», в молодёжном издании «Светотени», в антологии «Северная строка. Колымская поэзия XX-XXI веков» (г. Магадан, 2014), в сборниках: «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя».

В 2005 году в газете «Северная правда» вела свою «Молодёжную страничку».

В 2018 году в г. Магадан вышел первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя». С юности принимает участие в конкурсах стихов и рассказов, где неоднократно занимала первые места. Некоторые стихотворения были положены на музыку и стали песнями.

Одной из главных задач в своей жизни считает не давать падать духом ни себе, ни кому-либо другому.

«НЕ ВЫРАЗИТЬ СЛОВАМИ БЛАГОДАРНОСТЬ»

Памяти учителя

Разные люди знали с разных сторон Анатолия Фёдоровича Суздальцева. Одни как журналиста, члена Союза Писателей России, поэта и автора сборников стихов «Далёкого детства река», «Прибавление света» и книги о детстве и юности «Красное яблоко на белой скатерти». Другие как талантливого редактора местных газет «Северная правда» и «Синегорье». Многие как преподавателя в восьмилетней школе в посёлке им. Гастелло. Мне же посчастливилось узнать его с совершенно другой, неизвестной для многих, стороны.

Я глубоко убеждена в том, что в этом мире ничего не происходит случайно. Наше знакомство с ним было предопределено свыше. Когда мне было четырнадцать лет, наши жизненные пути неожиданно пересеклись. Я ещё училась в школе, а он уже был редактором местной газеты «Северная правда». В его руки попали несколько моих робких стихотворений, именно так их и называл Анатолий Фёдорович. Но это не мешало ему, поэту-

профессионалу, обратить внимание на мои неуверенные шаги в мире поэзии. Он позвонил мне и в непринуждённой, располагающей к себе, манере предложил опубликовать их в ближайшем номере газеты.

Застигнутая врасплох столь важным звонком, я от неожиданности растерялась. Беседа была короткой, но результативной: «Екатерина, два Ваших стихотворения войдут в следующий номер газеты», – спокойным тоном сообщил Анатолий Фёдорович. Вежливо поблагодарив редактора, я положила трубку. И тут же начала обзванивать подруг, чтобы поделиться радостной новостью. Через неделю состоялась обещанная публикация, за которой последовали и другие. Сейчас, мысленно возвращаясь в прошлое, я понимаю, что он уже тогда поверил в меня. Хотя в то время я ещё ничего не знала о золотом правиле альтернанса, не различала женские и мужские рифмы, не догадывалась о существовании ямбов и хореов. Но всё это, как оказалось, не мешало ему разглядеть будущее моих стихов, которые найдут своего читателя.

Анатолий Фёдорович видел, как я тянусь к поэзии. Он почувствовал, что стихи для меня не баловство и не временное увлечение, а продолжение меня самой. Время от времени созваниваясь по телефону, он с большим вниманием слушал мои новые стихи. Всегда отмечал удачно подобранные образы, давал грамотные советы. А

также, будто между делом, рекомендовал к прочтению знаменитых поэтов, наизусть декламируя их по одному короткому стихотворению. Бывало, в игровой форме тренировал моё умение рифмовать слова – он начинал стих, а я должна была угадать слово, каким заканчивается строчка. Когда мой ответ оказывался верным, я радовалась как ребёнок, чувствуя, что у меня получается что-то очень важное, но что именно тогда ещё не понимала.

Шли годы, и издаелека за моей старательной работой над ошибками незаметно наблюдал Анатолий Фёдорович. Я – всё также продолжала делиться по телефону недавно написанными стихотворениями. Он – отмечать в них больше красивых строк, удачно подобранных рифм и, самое главное, – зёрнышек для размышления.

В 2012 году он поделился со мной радостной новостью и значимым событием – вышла в свет его книга «Красное яблоко на белой скатерти». Я искренне поздравила его и с присущей мне непосредственностью заявила, что с интересом прочитала бы повесть о его детстве и юности. Он несколько был удивлён моим желанием, но не отказал, а, напротив, поблагодарил и через время прислал свою книгу по почте с для меня очень ценной дарственной надписью «Екатерине Титаренко с надеждой, что её стихи доставят радость почитателям её таланта. Вперёд и выше! А. Суздальцев. г. Магадан. 15.05.2013». Эти строчки до сих пор являются для меня огромной поддержкой и истинным подарком. Потому что всё, что говорил или пи-

сал Анатолий Фёдорович, было всегда несколько раз взвешено и хорошо обдуманно. Он придерживался негласного правила «Если и хвалить человека, то только за дело». Зная эту особенность, редко встречающуюся в людях, я понимала бесценность сказанных им слов в книге.

Через год уже я поделилась с ним своей радостью и главным событием в жизни – рождением дочери. Он искренне поздравил меня, сказав: «Это самое главное Ваше творение!». Его слова глубоко вошли в сердце, растрогав меня до глубины души. И пока я жива, навсегда сохранию их в памяти.

После рождения дочери я стала чаще задумываться о собственном сборнике, но, трезво оценивая свои стихи, понимала, что они ещё довольно сырые и требуют тщательной доработки. Не откладывая в долгий ящик, принялась за редактирование набравшегося за годы материала. Как оказалось, строить с нуля гораздо легче, чем заниматься реконструкцией построенного. Но меня подогревало огромное желание показать все отобранные стихи Анатолию Фёдоровичу. Поэтому медленными, но верными шагами я двигалась вперёд. Незаметно пролетала неделя за неделей. Пока я, полностью погружённая в жизненные хлопоты, продолжала работать над творческой задумкой, здоровье Анатолия Фёдоровича медленно покидало его. Он мужественно справлялся с новыми ударами судьбы, безжалостно попадающими прямо в его доброе сердце. Созваниваясь по телефону, старалась подбодрить его, вселить надежду, что всё обязательно образуется. В тот момент я ни на секунду в этом не сомневалась. В один из разговоров откровенно призналась ему: «Прежде чем мой сборник увидит свет, хочу, чтобы весь материал был прочитан и одобрен Вами». На что получила совершенно ошеломляющий, неожиданный ответ: «Ради этого стоит ещё пожить», – сказал он и засмеялся, по-доброму с еле уловимым оттенком грусти. Не смотря на то, что совсем недавно он перенёс серьёзную операцию на сердце, а восстановление проходило совсем непросто, Анатолий Фёдорович, преодолевая все трудности, не потерял чувства юмора. Он открыто и смело смотрел действительности в лицо.

Прошло ещё несколько месяцев, утомительная работа над материалом то останавливалась, то продолжалась. Я

чувствовала, драгоценное время уходит и мне необходимо поторопиться, но обстоятельства оказались сильнее меня. То, что произошло дальше можно отнести в разряд фантастики. Это нечто за гранью сознания, пробирающее до мурашек. В один из самых обычных дней мне приснился сон: я вставляю кассету в видеопроигрыватель и вижу следующее – солнечный день, на небе ни единого облачка. У меня перехватило дыхание от взгляда на величественные сопки, сочно-зелёные листья на деревьях. На фоне красивейшей колымской природы в лёгкой дымке видится знакомое, ставшее уже родным лицо Анатолия Фёдоровича. Он будто куда-то уезжал. Вместо музыки на плёнке звучал его голос, читающий стихи. Мне стало невыносимо грустно. Быстрым движением нажимаю на кнопку «стоп», вытаскиваю кассету и, сидя на корточках у телевизора, начинаю горько плакать. Сон оборвался, я проснулась, чувствуя непреходящую тоску в душе. Понимая, что это сновидение может означать, я с нехорошим предчувствием и бьющимся через раз сердцем, взяла телефон, нашла нужный контакт и нажала на кнопку вызова. Мысленно молила Бога, чтобы трубку взял именно он, человек, когда-то разгневший в пору моей юности во мне личность, способную развиваться, идти вперёд, достигая новых творческих побед. Шансов на то, что раздастся его голос на другом конце провода, практически не было. На пятом гудке в трубке раздался голос молодой женщины. Я сдавленным голосом спросила: «Можно ли услышать Анатолия Фёдоровича?» – «Папы не стало чуть больше месяца назад», – после короткой паузы подавленным голосом сообщила его дочь. Мои опасения подтвердились. Я выразила соболезнование всей семье. По моим щекам одна за другой побежали горячие солёные слёзы. Чувства невосполнимой потери, пустоты, огромного сожаления нахлынули с невероятной силой. Молча, мужественно я перенесла утрату не просто человека, а мудрого наставника вложившего в меня кусочек своей светлой души. Прошло время, и вышел в свет мой первый сборник стихов «Не забывай, что я люблю тебя». Я горжусь тем, что мой учитель принимал участие в редактировании нескольких стихотворений вошедших в этот сборник.

Спустя некоторое время, я узнала от своего знакомого, который лежал

вместе с ним в больнице, один интересный факт, говорящий сам за себя. В палате с выкрашенными стенами, незадолго до своего ухода, Анатолий Фёдорович беседуя со своим товарищем, сказал обо мне несколько добрых слов. Он похвалил моё умение строить яркие образы в стихах и говорить коротко и ясно о необъятных вещах. Эти слова стали тем самым маленьким, но важным кусочком, последним недостающим фрагментом в моём собственном представлении и знании о личности этого удивительного человека.

Прожив в посёлке Синегорье несколько лет, он помог выпустить небольшой сборник «Содружество», для которого сам лично отбирал стихи синегорцев. Более того, внёс неоценимый вклад в наш синегорьевский коллектив пишущих людей. Именно он придумал и организовал «Поэтическую гостиную», где люди собирались раз в месяц, говорили о поэзии, читали друг другу стихи. Анатолий Фёдорович каждый раз с удовольствием присутствовал на встречах, с интересом слушал произведения каждого и, если считал нужным, ненавязчиво давал ценные рекомендации. До сих пор собираясь на поэтические встречи уже небольшим кругом людей, мы каждый раз вспоминаем о нём. Будучи на небесах, Анатолий Фёдорович незримо продолжает присутствовать среди нас за столом и внимательно слушать наши стихи. Я глубоко убеждена в том, что такие люди как он рождаются не раз в сто лет, а раз в тысячелетие.

Наше знакомство с ним продлилось двенадцать лет, мы много раз созванивались, но так никогда и не увиделись. Все эти годы, с самого первого звонка, он всегда обращался ко мне уважительно на Вы. Никогда не усомнился в моих будущих успехах, всегда одинаково верил в мои силы. И, навсегда покинув этот мир, о себе он оставил мне не только два сборника и великолепную повесть о детстве и юности, за время прочтения которой у меня не раз наворачивались слёзы на глазах... У меня осталось гораздо больше – это память и безграничная благодарность к нему, которую не выразить словами.

Я глубоко убеждена в том, что в этом мире ничего не бывает случайным, как и моё знакомство с ним.

«Моя любовь похожа на зефир»

Моя любовь похожа на зефир
Фруктово-ягодный, воздушный, белый.
Давай всё бросим, и устроим пир,
Раскрасим красками мир этот серый.

Твоя любовь – фруктовый мармелад:
Лимонный, яблочный, порой клубничный.
Не по душе мне горький шоколад,
К нему я, если честно, безразлична.

Нальём без сахара зелёный чай
И будем вместе наслаждаться пиром.
Теперь я знаю, что такое рай,
Он пахнет мармеладом и зефиром

«Мы стали снегами белыми»

Мы стали снегами белыми,
Холодными и несмелыми.
С поступками не серьёзными,
Мы стали такими взрослыми.

С глазами без капли нежности,
С улыбками повседневности
Плывём по реке забвения,
Плюём на людское мнение.

Играем в любовь отчаянно,
Я часто бываю ранена.
Молчанием мшу намерено
И рвутся наружу демоны.

Шагая дорогой к вечности
Стираются наши личности,
Теряем по капле храбрости
В Пути к невесёлой старости.

Ворвёмся с тобой торжественно
В тот мир, где поют божественно,
Где ангелы окрылённые
Нас сделают вновь влюблёнными.

«Я лягу у ног твоих кошкой»

Я лягу у ног твоих кошкой
И преданно буду лежать.
Смотреть будем вместе в окошко,
О чём-то приятном мечтать.

С тобой не страшны мне метели
И вьюги пронзительный вой.
Глаза твои лишь бы блестели
Всегда только рядом со мной.

«Корабли моей жизни»

Корабли вы мои, корабли,
Детство с юностью вдаль унесли
По волнам, далеко, безвозвратно,
Не вернётесь ко мне вы обратно.

Если встретят вас злые ветра –
Не дожить вам уже до утра
И не плыть по просторам бескрайним
К берегам неизвестным и дальним.

А пока у причала стоят
Корабли мои новые в ряд.
Они ждут мою зрелость и старость,
Чтобы жизни забрать моей радость

Вслед за вами уйдут и они
И погаснут на небе огни.
Корабли уплывут в бесконечность
Вдаль по морю с названием «Вечность».

«Я духом крепче стала»

Огнём мне душу выжигала боль,
Тисками сердце мучила до крови,
С ума меня сводила вновь и вновь,
Всё думала, сломаюсь я от боли.

С колен на землю падала плашмя
Без сил, растерзанная, но живая.
Холодный дождь лил с неба на меня,
Всю соль из ран на сердце вымывая.

Ветра подталкивали с силой встать,
Тянул ко мне клён ветви свои – руки,
Хотел меня с земли сырой поднять,
Ещё улавливая сердца стуки.

Но ЖИЗНЬ во мне сильнее всех невзгод,
Всегда боролась за меня упрямо.
Спасибо ей, что я из года в год
Вперёд иду и духом крепче стала.

«Поздравление свыше»

Упади на мою ладошку
Первым снегом октябрьским, папа.
Свою дочку согрей немножко,
Я, поверь, буду очень рада.

Улыбнись мне улыбкой счастливой,
Я почувствую, будь уверен.
Мне не будет уже так тоскливо,
Или грустно, по крайней мере.

Засияй ярким солнцем мне свыше
В тридцать первый мой день рожденья,
Я проснусь, и в окне свет увижу –
Твоё, папочка, поздравленье...

«В космосе»

Средь тысяч звёзд я потерялась,
В огромном космосе – одна,
Как будто что-то оборвалось –
Не дочь я больше, не жена.

Я – вечность, свет звезды холодный,
Космическая пыль, ничто.
Я – ветер в космосе свободный,
Меня не видит тут никто.

Но где-то там звезда сияет
И светит только для меня.
Она мне Путь мой освещает,
Её люблю за это я.

Вокруг такая бесконечность
Ни гор, ни леса, ни домов.
Среди планет живёт здесь вечность
И прячет ключ от всех миров.

«Моя душа, как хрупкое стекло»

Моя душа, как хрупкое стекло,
Разбить которое совсем несложно.
А без души на свете тяжело,
А если честно, просто невозможно.

В себе несу бесценный Божий дар –
Душа особенная мне досталась,
Но вдруг случись Судьбы большой удар
И всё – я без души совсем останусь.

Поэтому жалей меня, Судьба,
Тебе свою я душу доверяю.
Не будь ко мне жестока и груба,
Будь ласкова, тебя я умоляю.

«Ты дорог мне, колымский край!»

Ты дорог мне, колымский край,
Своей особенной природой.
Люблю тебя, холодный рай,
Великий, как мужчина гордый.

До неба, кажется, рукой
Легко здесь можно дотянуться,
Найти душевный свой покой
И с вечностью соприкоснуться.

На свет я появилась здесь,
Вдали от суеты столичной.
Мне выпала большая честь
В краю родиться необычным.

Природа здешних мест меня
Поэтом сделала до тризны,
Я без поэзии ни дня,
Я без неё не мыслю жизни.

Живу в посёлке небольшом
С названием редким «Синегорье»,
С рожденья он мой отчий дом,
В нём для души моей раздолье.

И я совсем не рвусь в Москву,
И не стремлюсь в Париж красивый,
Ведь я в таком краю живу,
Где каждый человек счастливый.

«Не нужно больше боли»

Не нужно больше боли,
Печали, слёз и бед.
Мне хватит в ранах соли
На много-много лет.

Собакой пусть удача
У ног моих лежит,
Не воет и не плачет,
А счастье сторожит.

«Доброе утро»

Я проснулась утром рано,
Медленно сползла с дивана.
Спотыкаясь об игрушки,
Кубики и погремушки,
Как-то добралась до ванны.
Сонно чищу зубы. Странно.
Вкус у пасты непривычный,
Да и запах необычный.
Я на тюбик посмотрела,
Прочитала «Крем для тела».
Дочь над мамой пошутила,
Пасту кремом заменила.
Окончательно проснувшись,
Отраженье улыбнувшись,
Завтрак всем пошла готовить
Тихо, чтоб не беспокоить
Сон дочурки баловницы,
Нашей с папиной шутницы.

**«Ты дочь моя»
(Триолет)**

Ты дочь моя, моя отрада,
Мой лучик солнца, яркий свет,
Моя вселенная, мой след.
Ты дочь моя, моя отрада.
Ты в небе сказочный рассвет,
От Бога высшая награда.
Ты дочь моя, моя отрада,
Мой лучик солнца, яркий свет.

«Люблю, когда звучит аккордеон»

Люблю, когда звучит аккордеон,
Мне звуки дороги его с рождения.
Я шлю нижайший дедушке поклон,
На нём всегда играл он с вдохновением.

Как хочется вернуться мне назад
И молча слушать дивное звучанье.
О, как бы дедушка мой был бы рад
От внучки получить своей вниманье.

Тогда горела жизнь в его глазах,
Во рту дымились часто папироска.
Теперь мой дед живёт на небесах,
Принять мне это далеко непросто.

Люблю, когда звучит аккордеон,
Его звучанье в детство возвращает
И мой протяжный, тихой грусти стон
Он будто специально заглушает.

«Когда я на небе у Бога была»

Когда я на небе у Бога была
Тебя повстречала однажды.
Носил за спиной ты два белых крыла
И выглядел очень отважным.

Тогда попросила у Бога тебя:
«Пусть станет опорой по жизни,
А крылья его сохрани у себя,
Отдам их у самой лишь тризны.

Он будет от бури меня укрывать
И холода с ним не узнаю.
Не станет меня никогда обижать,
Я вижу, я верю, я знаю.

Я буду ему самой верной женой,
Поддержкой, любимой и другом.
Любить обещаю любовью большой,
Он будет мне лучшим супругом.

А втайне от всех и него самого,
Я крылья над милым расправлю
И буду его защищать от всего,
В беде никогда не оставлю».

«Дождь стучит в окно»

Я слушаю, как дождь стучит в окно,
Как будто просится: «Впусти меня погреться».
А я сижу, мне будто всё равно,
Не отзывается на просьбу моё сердце.

Стекает каплями дождь по стеклу,
Пытается разжалобить меня слезами,
А я который день уже не сплю,
Покоя нет, в душе беснуется цунами.

Я знаю, свет сильнее тьмы, но вдруг
Холодный дождь прорвётся в душу ненароком?
Что делать мне, чем вылечить недуг,
Как оправдаться за уныние перед Богом?

«Отхлебни с моей чаши грусти»

Отхлебни с моей чаши грусти
И узнай, что в душе моей.
Кто тебя ещё в душу пустит,
Кто позволит копаться в ней?

Всё как надо сложи – по полкам,
С моей памяти вытри пыль,
Выкинь все от мечты осколки,
Вырви с корнем траву-полынь.

И наполнится чаша счастьем,
Мы её осушим до дна.
Быть счастливыми в нашей власти.
Пусть так будет, Господь, всегда!

Не хочу я больше воевать

Не хочу я больше воевать
Ни с тобой, ни с кем-нибудь другим.
Я хочу сама собою стать,
Снять с лица потрескавшийся грим.

Эта роль, увы, не для меня,
Не люблю жестокость на показ,
Ведь внутри совсем другая я
И намного лучше, чем сейчас.

Дай возможность крылья распрямить,
Снять оковы с честности моей,
Жизнь начать за всё благодарить,
Выйти в свет из сумрачных теней.

Вытянуть осколки всех обид
Из души, из памяти навек.
Меч мой – нежность, а любовь – мой щит.
Я – другой отныне человек.

«Я хочу сказать гениям – благодарю»

Как же много написано в мире стихов,
И бессмертной талантливой прозы.
Это книги – шедевры из тысячи слов,
В них и счастье, и горькие слёзы.

Я хочу сказать гениям – БЛАГОДАРИЮ
Ваш талант бесконечно великий.
В моё сердце проникли и в душу мою,
Словно тонким звучанием скрипки.

И во мне вы оставили мысли свои,
И испытанные вами чувства,
Солнце юности вашей и грусти дожди,
Мудрость прожитых лет и безумство.

«Церковный перезвон»

Ветра завывают магически,
Церковный вдали перезвон.
Становится легче физически.
Волшебный, наверное, он.

Коснуться губами мне хочется
Иконы Иисуса Христа.
Молиться и сосредоточиться
Мешает всегда суэта.

Упасть на колени отчаянно
И Господа благодарить
За то, что душа хоть и ранена,
Но всё же, умеет любить!

«Мой отчий край – посёлок Синегорье»

Мой отчий край – посёлок Синегорье,
Мой милый дом, мой сказочный дворец!
Своим бескрайним покори раздольем
Ты много человеческих сердец.

Тобой горжусь, тобой я восхищаюсь,
Тебе всем сердцем предана навек,
Пред красотой колымской преклоняюсь,
Как и любой в посёлке человек.

Край лиственниц, берёзок белоствольных,
Пленительно чарующих небес,
Растёт немало тополей здесь стройных,
Кедровый стланник украшает лес.

Средь сопки удивительно красивых
Построили тебя, посёлок мой,
Как много судеб видел ты счастливых,
Гордятся очень многие тобой.

Свою любовь тебе, как дар, вручаю,
Родное Синегорье от души,
Тебя любить всю жизнь я обещаю
И посвящать тебе свои стихи.

Моей дочери посвящается. Когда мы
ещё не знали пол ребёнка, мы
ласково звали тебя – малыш.

«Малыш»

Малыш мой маленький, родной,
Желанный и неповторимый,
Бесценный, лучший, дорогой,
Комочек счастья наш любимый.

Ты греешь изнутри меня,
Щекочешь, ласково играя,
Растёшь во мне день ото дня,
Мою реальность изменяя.

Бог спас меня от пустоты,
От пропасти и мук душевных.
Мой Ангел Счастья – это ты!
Моя мечта из сокровенных!

С тобой развеялась печаль,
Притихла боль, душа сияет.
Дней прожитых теперь не жаль,
Меня любовь переполняет.

Храни Господь тебя от бед,
От горя, боли и печали.
Живи, как минимум, сто лет
В любви под яркими лучами.

Молюсь о здравии твоём
И о судьбе твоей счастливой.
Малыш! Мы так тебя здесь ждём,
А дни идут неторопливо.

Мне хочется тебя обнять,
Губами пальчиков коснуться
И долго-долго целовать,
С тобой в мир детства окунуться.

Твоё рождение на свет –
Есть чудо, высший дар, награда!
И выше счастья в мире нет,
Мне большего, чтоб жить, не надо.

Максим Семиколенов (Ларин)

Родился в 1996 году в городе Элиста, Республика Калмыкия. В 2003 году вместе с родителями приехал в Магаданскую область.

В Магадане в 2014 году закончил с золотой медалью среднюю общеобразовательную школу с углубленным изучением математики – № 15 – и исполнил свою мечту – поступил в Новосибирский государственный технический университет на факультет автоматики и вычислительной техники. В период учебы в школе и университете занимается любимым делом – литературным творчеством. С 14 лет публикует свои работы на литературном портале «Что хочет автор».

В издании «Провинциальный интеллигент» в 2010 году публиковалась работа Максима «Однажды в библиотеке».

ДЕД

Старик тихо умирал в своей покосившейся избушке, слушая вьюгу за окном. Ветер, неистовый, яростный, полный дикой первобытной силы, завывал, словно репетируя зауспокойную по умирающему.. Солнечные лучи в последний раз мазнули алой краской по убранству неказистого жилища и скрылись за лохматыми тяжёло-сизыми, словно дым, тучами. Старик отдавал себе отчёт в том, что никогда больше ему не увидеть солнца, но никакой горечи он, к своему удивлению, не испытывал. Он слишком устал от жизни, слишком многое ему пришлось пережить.

Робкий, колеблющийся от любого дуновения ветра, свет керосинки, стоящей на прикроватной тумбочке, не столько разгонял мрак, сколько сгущал его. Старик вдруг подумалось, что его разум сейчас представляет такую же картину: – светлое пятнышко разума в круге темноты беспомощности. И достаточно любого сквозняка, чтобы задуть этот огонёк. Навсегда.

Повернув голову, он взглянул на пожелтевшую от времени фотокарточку рядом с лампадой. Близоруко вглядевшись в лица изображённых на ней людей, он прислушался к своим ощущениям. Огонёк его жизни разгорелся чуть сильнее, вызвав лёгкую улыбку на морщинистом лице.

С карточки на него глядели, счастливо улыбаясь, молодые друзья-геологи. Долгие десятилетия прошли с тех пор, как они прибыли сюда в поисках новых богатств, которые бы они могли подарить своей Родине. Никакие капризы Судьбы – ни суровая природа, ни опасность золотой лихорадки, ни страшные лагеря не смогли сломить этой их дружбы. Только вот

самих друзей становилось всё меньше и меньше, пока, наконец, не остался один, которому Судьба преподнесла особый подарок. И особую миссию...

Осталось недолго, потерпите... Старик спрятал фотокарточку за пазуху и оглядел своё жилище. Его взгляд скользнул по распахнутому шкафу, на полках которого стояли покрытые сетью трещин тарелки в мелкий и – ему всегда почему-то так казалось – невыносимо глупый цветочек. Старик перевёл взгляд на грубый стол, покрытый клеёнкой с завернувшимися от перепадов температуры углами. На столе стоял помятый в нескольких местах чайник, да железная кружка с замёрзшими остатками травяного – иного здесь давным-давно не водилось – чая.

Ничто больше не держало его здесь, подумалось ему. Ничего, кроме одной вещи. И, хотя он твердо знал, что всё случится именно этой ночью, нетерпение наполняло каждую частичку его тела. Что, если нет? Что, если всё зря?.. Нет, этого не может быть. Всегда так было, и всегда так будет. Потому что здесь не может быть иначе. Иначе Север существовать просто не сможет, так уж он устроен с самого начала.

Старик прислушался к звукам снаружи. К завываниям ветра присоединился ещё один звук. Почти неслышимый для обычного человека, он понемногу усиливался. К избушке кто-то приближался. Сердце старика радостно забило из последних сил. Вот! Наконец это случится.

Дверь, невыносимо скрипя ржавыми петлями, давно просившими масла, неторопливо приоткрылась. На пороге смутно проглядывался силуэт че-

ловека, закутанного в тёплый камуфляж. За спиной у него виднелась старая двустволка. Человек осторожно вошёл и притворил дверь за спиной. Его испуганный и одновременно усталый взгляд скользил по хибарке и, наконец, остановился на её хозяйине.

Жестом едва-едва повиновавшейся руки дед подозвал гостя к себе. Тот настороженно подошёл к старику и наклонился над ним. Умирающий приподнялся на локте и начал судорожно нащёптывать на ухо вошедшему то, что он сам – измученный беглец – когда-то давно точно так же услышал от уходящего в мир духов шамана, приняв его пост.

Лицо охотника постепенно меняло своё выражение с испуганно-недоверчивого на умиротворённо-понимающее. Ему стало ясно, почему он набрел на эту избушку, когда никакой надежды выбраться из бурана уже не оставалось. Ему стали ясны многие вещи, которые он привык относить к воле случая, но никак не умысла.

Наконец, старик перестал шептать и бессильно упал на подушку, закрыв глаза. В тот же миг порыв ветра распахнул двери настежь и задул лампадку. А когда охотник вновь зажёг её, старик уже не дышал. И стоило только гостю коснуться его безжизненного тела, как оно рассыпалось миллиардами светящихся частиц, выпорхнувших из избушки сквозь зазоры в окнах, чтобы присоединиться к бурану.

Мысли гостя – точнее, уже хозяина – стали чисты, как никогда в жизни. Он неторопливо осматривал место, где предстояло ему нести свою долгую вахту, осознавая свою новую роль. Роль Смотрителя.

Елена Хомка

Елена Хомка родилась в Приморском крае, в возрасте двух лет она вместе с родителями приехала в п. Синегорье. Печаталась в следующих изданиях: «Северная правда», «Магаданская правда». Сборники «Поэт года», «Дебют», «Наследие», «Русь моя». Публикует свои стихи на сайте стихи.ру (уже более полутора тысяч стихотворений), в основном пишет о любви с уклоном исключительно на позитив. Автор не приемлет грусть и уныние, поэтому и в стихах настрой только на хорошее.

В Гаване клуб Флорида...

В Гаване клуб «Флорида»,
И ты сегодня в нём...
Ты пьёшь своё мохито
В раздумьях о былом.

По доброте душевной
Ты любишь прозу дней..
Твой автор, несомненно,
Эрнест Хэмингуэй,

По настроенью близок,
И нет в Судьбе зеро,
Когда, порой, капризы
Играют болеро.

Его простая лира
Живет в сердцах людей,
Он не воюет с миром,
Хоть пишет о войне.

И ты такой же самый,
В тебе есть свет искусств...
Ты любишь дух Гаваны
И пьёшь мохито чувств.

Отгремели грозы...

Отгремели грозы. Блики молний
Были и прошли в родном краю.
Чудный вечер радугой наполнил
Душу загрузившую мою,

Отогрел чудесными цветами,
Выплеснул палитру своих чувств.
И исчезла вдруг за облаками
Давняя непрошенная грусть....

Дочке

За окошком тишина,
День исчез вдали.
Ты не спишь, ведь нету сна,
Где-то он в пути.

Задержался он опять,
В сказочных мирах,
Чтобы ты смогла витать
Сладостно в мечтах.

На подушке на твоей
Волны из волос,
Среди всех других морей
Здесь обитель грёз.

Детство нежное твоё
К юности спешит.
А пока в руках ещё
Зайка мирно спит.

Ты, как фея, пропоёшь
Песенку ему.
До зари с ним уплывёшь
В сонную страну.

И порадует тебя
Край волшебных мест,
Там, где мачта корабля
С парусом чудес.

Антуан и Консуэло

Прекрасный автор «Маленького принца»
Без неба свою жизнь не представлял...
А на земле не смог он не влюбиться
В ту женщину, с которой он познал

Какие-то и взлёты, и падения,
Проклятия, скандалы, суету,
Но в этом он лишь видел вдохновенье,
Поэзии и счастья красоту.

Он этим состоянием увлёкся,
И ей всё это нравилось в пути.
Казалось, в этом были парадоксы,
Но их они любовью нарекли.

Он на браслете чётко и умело
Два имени с восторгом написал.
Навеки «Антуан и Консуэло»
Так памятно впечатались в металл.

Его уход наполнен был секретом,
Таким остался всё же навсегда.
Его забрали не земля и небо,
А океана синяя вода.

А Консуэло всё ждала, не веря,
И думала, что он вернётся к ней,
Откроет, как всегда, ключами двери,
И как и раньше, улыбнётся ей..

Она ушла, так не приняв на свете,
Что в этом мире его просто нет.
И лишь потом в одних рыбацких сетях
Запутался потерянный браслет...

О прекрасной любви, о полётах в Галактиках грёз...

О прекрасной любви, о полётах в Галактиках грёз
Вновь спускаются свыше красивые, дивные строки.
Видно, там наверху поэтичные Ангелы звёзд
Неустанно рифмуют небес световые потоки.

И не просто рифмуют, а снова творят волшебство,
Где высокие чувства находят в словах воплощенье,
И опять бесподобно, лирично, и очень легко
Вновь смыкаются вместе тетрадный листок с вдохновеньем.

До чего же приятен такой превосходный союз,
Когда небо и звёзды в написанных фразах сияют,
И Вселенной всегда уникальные гаммы искусств
Из вербальных картин никуда уже не исчезают.

Я и ты, мой родной, ощущаем всегда чудеса,
Наши Ангелы шлют нам с тобой поэтичные речи.
Мы в лиричных сюжетах любви своей смотрим в глаза,
Ведь в пространстве стихов происходят счастливые встречи.

Счастье маленького роста...

«А счастье, по-моему, просто
Бывает разного роста...»
Эдуард Асадов «Что такое счастье?»

Солнце ласковое светит...
Хорошо вокруг опять.
И родители, и дети
Вышли вместе погулять.

И в потоке том едином
Мы куда-нибудь идём.
Не спеша гуляем с сыном,
Лету радуясь вдвоём.

Может, где-то всё непросто,
Но сейчас душа поёт:
Счастье маленького роста
Меня за руку ведёт...

От Москвы к Магадану дорога длинна...

От Москвы к Магадану дорога длинна,
Но душа сюда рвётся всё время.
Ничего, что такая у нас широта
И шагами её не измерить.

Километры пути ускользают вперёд
Сквозь Урал до Охотского моря.
Бесконечно тайга свою песню поёт
На прекрасном Колымском просторе.

Этот нежный мотив ветер носит с собой,
Украшая тональностью звуки,
Поднимает легко над красивой землёй
То синиц, то бекасов в округе.

Он вплетает в их трели журчания реки
Золотые чудесные ноты.
Здесь волшебная Муза природной любви
Непременно согреет кого-то.

А в окрестностях чудной реки Колымы
Храм стоит, и в положенном часе
Колокольные звоны святой красоты
Дополняют мелодию счастья.

И порой, за какой-то сплошной суетой
Сделать паузу хочется где-то,
Чтоб послушать мотив, может быть, и простой,
Но наполненный радости светом

Белая ночь укрывает дворы..

Белая ночь укрывает дворы...
Точно, как днём, только тише...
И на берёзах повисшие сны
Дивной романтикой дышат.

В них удивительно грёзы живут,
Явившись, подчас, ниоткуда.
И колыбельную счастья поют
Феи – кудесницы чуда.

С этой мелодией наша любовь
Витает легко и свободно,
Чтобы вдали в белизне облаков
Чувствовать нежность полёт

Гудела пустота в моей судьбе...

Гудела пустота в моей судьбе,
Пространство жизни эхом отдавало.
Я без любви лишь на одном крыле
Летать к просторам неба перестала.

А музыка, звучавшая в душе
Печалью скерцо тронула возможно.
И крохи чувств, как будто бы драже,
Рассыпались совсем неосторожно.

Но только вот однажды невзначай
Столкнулись мы с тобою в переулке.
И зазвучало нежное: «Прощай
Пространство пустоты тоскливо-гулкой»

Ты вроде бы не сделал ничего,
Ты лишь собрал расстроенные чувства.
Ты мне вернул надежду и тепло,
Где краски жизни не играют тускло.

Вновь кисть любви рисует блеск Луны
И звёздную сонату откровений,
В которых два крыла одной мечты
Уносят нас к вершинам вдохновений.

В краю чудесных белоснежных грёз...

В краю чудесных белоснежных грёз
Так хочется, порою, задержаться,
Чтоб насладиться красотой берёз,
Тихонечко по-дружески прижаться.

Рукой коснувшись тонкого ствола,
Я чувствую: тепло передаётся,
И боль, что в сердце раненом была,
Уходит, и обратно не вернётся.

Возможно, я разборчива в судьбе,
А может быть, не то я выбираю...
Но в белоснежной искренней мечте
Душа летит к берёзовому раю...

Мы встречаемся в снах...

Мы встречаемся в снах без запретов и трудных дорог,
Улетаем вдвоём в совершенно бескрайние дали.
Всё, что было до этого с нами – пролог,
Мы так много друг другу чего-то ещё не сказали.

И пускай нас, порой, окружает туман бытия...
Сквозь него проникая, мы рвём безнадёжные сети.
И Вселенную чувств в высоте навсегда обрета,
Мы не держим признания наши с тобою в секрете.

Нас в пути не коснутся сверкания гроз
Потому, что нам ближе гармония, нежность, сердечность.
А вокруг многоточие трепетной россыпи звёзд
Обещает в пространстве любви бесконечность.

Я рисую тебя на холсте своих чувств...

Я рисую тебя на холсте своих чувств
Акварелью красивых фантазий.
Ты выбрал в себя лучшее мира искусств
В каждом взгляде, в движении, фразе.

Не нужны мне гламурные мачо, поверь,
Хоть о них не скажу я плохого.
Только ты в моём сердце навеки теперь,
И не надо кого-то другого.

Ты меня возвращаешь к цветущей весне
Из любых не весенних сезонов.
Оттого на прекрасном и нежном холсте
Каждый штрих в краски жизни влюблённый.

Моя жизнь – то полёты, то стуки колёс...

Моя жизнь – то полёты, то стуки колёс,
То баранка дорог рулевая...
Сколько было, порою, несбывшихся грёз,
Видит Бог, абсолютно не знаю...

Знаю только, что все и недели, и дни
Неустанно считаю до встречи.
И конечно, всегда, возвращаясь в пути
Обнимаю любимые плечи.

Пусть на жизни весах, всё же, больше разлук,
Только дни, где вдвоём, я не скрою,
Берегу от каких-то нечаянных выюг,
И ношу в своём сердце с любовью,

Ведь они для меня от беды оберег,
И надежда на счастье святая
Потому, что живёт дорогой человек,
Ожиданьем своим согревая.

И вновь мечты, как птицы, улетают...

Летят к тебе навстречу, будто птицы,
Мои мечты на крыльях моих снов.
Но знаю точно то, что мне не снится
Прекрасная взаимная любовь.

Она пришла, собой сменила круто
Все временные рамки бытия,
И разменяла грустные минуты
На вечность вдохновений и огня,

В котором ничего не обжигает,
Приносит только свет и теплоту.
И вновь мечты, как птицы, улетают
И покоряют в чувствах высоту

Стихотворение о Магадане

Для кого-то юга – замечательный рай,
Для кого-то Восток – дело тонкое,
Для других Старый Свет – удивительный край...
Ведь Земля наша очень огромная...

Ну а я среди тех, кто дорогу свою
Видит только в краю Магадана.
Не скажу, что другие места не люблю,
Я их очень люблю, это правда.

Только здесь на прекрасной суровой земле
Нахожу видно, больше уюта,
Здесь таёжные тропы в лесной тишине
И природа похожа на чудо...

На Гороховом поле люблю я пройти
Позабыв про любое смятение,
Над рекой Магаданкой на мостик взойти
И смотреть на неё с умилением.

У Нагаевской бухты люблю постоять
И с Высоцким смотреть вдаль куда-то,
И тихонько ему будто в такт подпевать
Про морские известные фрахты..

Здесь при въезде «олени» и стелла стоят,
И стоит в центре города вышка,
Мини-копия в чём-то она, говорят
Башни Эйфеля в чудном Париже.

И пусть сам Магадан городок небольшой,
И пусть он несравним с мегаполисом,
Здесь особенный мир, не смотря ни на что,
И особое в жизни достоинство.

Пусть смех звучит повсюду

Пусть смех звучит повсюду,
Тоска сойдёт на нет,
И жизнь, подобно чуду,
Несёт свой яркий свет.

Пусть радости фиеста
Над городом поёт.
И пусть от сердца к сердцу
Всё доброе идёт.

Север в сердце навеки

Снова утро пришло, я гляжу за окно,
Там природа одежду меняет.
И в туманных лесах, и в безлюдных дворах
Белый снег потихоньку летает

Всё покрыл он уже, и дома, и пути,
И уже до весны пролежит, не растает.
И зима тут длинна, и нет лета почти,
Так на юге нигде не бывает.

Каждый житель здесь солнечным днём дорожит
И несёт в себе солнце, как знамя.
Люди дарят друг другу частицы души
И они согревают, как пламя.

Здесь холодны ветра и сурова зима,
И суровы прошедшие вехи.
Только если уеду куда-нибудь я,
Север мой будет в сердце навеки.

Из вчера сквозь сегодня и завтра...

Из вчера сквозь сегодня и завтра
Продолжается свет наших чувств.
Кто-то свыше нам шепчет, как мантру,
Что мы связаны нежностью уз.

Это больше, чем просто банальность
Взявшись за руки, где-то идти,
Это жизни такая реальность,
Что в других никогда не найти

Совпадение двух подсознаний,
Двух, казалось бы, разных миров,
И совсем не случайность касаний
В созидании слова любовь.

В нём есть доля успеха и фарты,
И мы знаем с тобой наизусть:
Из вчера сквозь сегодня и завтра
Продолжается свет наших чувств.

Нет ни в чём покоя, вечные заботы...

Нет ни в чём покоя, вечные заботы
Всё меняют часто в круговерти дней.
Но спешу всё время вечером с работы,
Чтобы окунуться в мир своих детей.
На столах девчонок кисти, акварели,
В комнатах – игрушек непочатый край.
И висят в проёме яркие качели,
Сын с улыбкой просит: «Мама, покатай!».

Счастья, знаю точно, не бывает много,
И его возможно разделить на всех.
Так совсем неважно, что там за порогом,
Если в доме радость, сердцу милый смех.

Знаю, неизбежно дети повзрослеют,
Ведь бежит куда-то времени река,
Но в пути далёком их всегда согреет
То, что не забудут с детства никогда...

Пытаясь найти вдохновение...

Пытаясь найти вдохновение,
Забыв про комфорт и престиж,
Найдя для себя утешение,
Приехав в гламурный Париж,

Красивая женщина смело
В мечтах о прекрасной любви
«...на правую руку надела
Перчатку с левой руки...».

Художник назвал её нежно
«Канатной плясуньей» своей,
А в сердце рождалась надежда
На вечное пламя страстей.

И став для художника Музой,
Осталась в картинах его.
Но горечь измен будто грузом,
Засела в душе глубоко.

Она «До свиданья» сказала
Парижу, забыв про любовь,
Чтоб снова Россия встречала
Свою королеву стихов.

*«...на правую руку надела перчатку с
левой руки...» – из стихотворения
Анны Ахматовой «Песня последней
встречи», 1911 г.*

Синегорцы

Нас по-разному величают
И на родине и вдалеке.
Северяне мы, колымчане,
Ведь живем на колымской земле.
Нас зима не пугает нисколько,
Хоть морозы суровы, крепки.
И средь многих хороших поселков
Синегорье здесь крепко стоит.

Синегорцы, Синегорцы!
Вы – особенный народ!
Вы несете в себе солнце,
Смело смотрите вперед!

Вы построили поселок,
Вы создали ГЭС и ВЭС,
Для того, чтоб мы сегодня
Дорожили тем, что есть,
Чтобы было больше света,
Чтобы был уют в домах.
А у тех, кто все ж уехал,
Синегорье есть в сердцах

Синегорцы, Синегорцы!
Вы – особенный народ!
Вы несете в себе солнце,
Смело смотрите вперед!

Всё, что было между нами...

Всё, что было между нами,
Всё, что будет впереди,
Всё сложу я в оригами
В белых модулях любви.

В оригами что-то значит
Каждый модуль. Он возник,
Чтоб поведать про удачи,
Передать печальный миг.

Время вечной вереницей
Продлевает жизни ход.
И взлетая в небо птицей,
Строго следует вперед.

Вот все модули сложились
В суете минувших дней
И красиво превратились
В двух чудесных лебедей

То плывущих, то летящих
Верно в помыслах мечты,
Будто в жизни настоящей
Эта пара – я и ты!

Истины в первой инстанции...

Когда хочется жить, отдавая тепло для кого-то,
И как птица, укрыть от ненастий надёжным крылом,
Это значит, в душе есть такое прекрасное что-то,
Что нельзя объяснить и нельзя отложить на потом.

Ведь добро никогда никакого удобного случая
В мире грёз и разлук не умеет с покорностью ждать,
Оно просто несёт для других только самое лучшее,
Превращая мечты в осязаемую благодать,

Не смотря ни на что, не деля ни кого на сословия,
На гражданство, на веру, цвет кожи, цвет глаз.
А в основе его всё пронизано Божьей любовью,
Чувством тем, что себя не являет ни в чём напоказ,

И оно не сойдёт на одном из этапов дистанции
Под названием жизнь, где бесспорно становится то,
Что добро и любовь – это истины в первой инстанции,
Прикоснувшись к которым в душе постоянно тепло.

К Храму путь и светел, и красив...

К Храму путь и светел, и красив,
Он не замечён пургой бесчувствий.
Здесь святая истина молитв
Без тепла на сердце не отпустит.

Здесь Всевышний дарит чудеса,
И душой к душе легко касаться,
Ведь смотря всегда глаза в глаза
Очень трудно лгать и притворяться.

Ирина Хомка

13 лет, ученица седьмого класса, родилась в п. Ягодное. Рассказы начала писать в 11 лет. Публиковалась в газетах «Северная правда» и «Интеллигент Магадан»

Храбрость Дружка

Однажды два друга получили в подарок домашних животных: Гриша – кошку по имени Мурка, а Костя – собаку по кличке Дружок. И вот Костя пошёл в гости к Грише, чтобы похвастаться своим новым другом. Он не успел ещё пройти в квартиру, как его собака побежала в комнату, где находилась кошка. Костя очень быстро снял своё пальтишко и ботинки, и вместе с Гришей они вбежали в комнату, потому что испугались, что Дружок накинется на кошку. Но когда они вошли, пёс и кот мирно сидели посреди комнаты и ждали своих хозяев. С этого дня у них завязалась крепкая дружба.

Костя часто приходил к Грише с пи-

томцем. Однажды, когда он был у него в гостях, неожиданно в дверь постучала соседка, и сказала, что в доме пожар и нужно срочно покинуть дом. Дружка сразу же бросились на улицу, Дружок выбежал вслед за ними. Когда они оказались на улице и огляделись, то заметили, что Мурки рядом нет, она осталась в квартире. Пожар быстро разрастался, он охватил квартиру Гриши. Мурка была в опасности. Ребята издали наблюдали, как горит дом и сильно беспокоились за кошку, Дружок не находил себе места, переживал за Мурку. Тут приехала пожарная машина и скорая помощь. Но ребят это не успокаивало, они всё равно боялись за кошку. И вдруг пёс храбро бросился в горящий дом.

Он нашёл Мурку. Оказалось, она в испуге забилась под кровать, надышалась дымом и уже не смогла покинуть помещение. Дружок аккуратно взял её за шкурку и побежал к выходу. Гриша и Костя не знали, что и думать. И вдруг они увидели, что пёс несёт в зубах кошку. Они радостно подбежали к своим четвероногим друзьям. Гриша взял Мурку на руки, а Костя похвалил своего Дружка за храбрость. Дружка сразу же отнесли кошку к ветеринару. Через несколько дней к Мурке вернулись прежние силы. Все были очень рады! С этих пор Дружок и Мурка не расставались, а пса совершенно заслуженно прозвали Храбрым Дружком.

Страна Воображания

– Конечно, проходи!

Жил на свете мальчик Илья, и уж он очень любил воображать. Он даже мечтал что, когда вырастет, то он станет мэром города и всё поменяет! И он мечтал даже на уроке математики: «Была бы у меня такая ручка, которая сама может и решить все примеры и задачки на пять!». А, уходя из школы, он мечтал иметь летающие кеды. Чтобы на них можно было долететь до дома за три минуты!

Однажды папа Илья показал мальчику старый фотоальбом, который передавался в их семье по наследству. Илья так долго разглядывал его, что уснул. Во сне ему приснилась страна, где можно вообразить себе, что угодно, и оно сразу же появится! Илья шёл по дороге и увидел знак, где было написано: «Налево – страна Воображания, прямо – страна Потех, направо – страна Ужасов». Мальчик сразу же пошёл налево. Вскоре он увидел золотые ворота. Их охраняли двое солдат. Они сурово посмотрели на Илью и спросили:

– Тебе чего, мальчик?

– Я хочу попасть в страну Воображания. Вы меня пропустите?

Солдаты сначала посмотрели друг на друга, потом на мальчика и сказали:

Они открыли ворота, и Илья открылись прекрасные виды страны Воображания. Издалека доносилась красивая мелодия, под которую хотелось танцевать. Илья туда шагнул, но неожиданно стал падать. Но мальчик не растерялся. Он вообразил свои любимые летающие кеды, и они мгновенно появились на его ногах. Илья был так рад. Он летел по небу и пока ничего не видел. Но почему? Илья летел и летел, и так до сих пор ничего не попадалось ему на глаза.

Мальчик решил приземлиться и что-нибудь вообразить. Когда он приземлился, чуть-чуть отдохнул и вообразил дом на горке, где стоят маленькие вентиляторы для охлаждения при приближении к ним. Но у него это не получилось. Он стал пробовать ещё несколько раз, но попытки были напрасны. Илья присел на корточки, закрыл руками лицо и чуть не заплакал. Но здесь неожиданно открылись золотые ворота и заиграла красивая мелодия, и стали появляться разноцветные и разные дома, разные животные и летающие машины. Потом появились жители города и король. Они подошли к мальчику.

Илья поднялся, вытер маленькие глазки

и сказал:

– Здравствуйте, Ваше Величество! А это Ваш народ? Скажите, почему у меня не получилось ничего вообразить, ведь это страна Воображания?

– Илья, здравствуй. Да, это мой народ. У тебя не получилось ничего вообразить потому, что вокруг не было ни чего вообразяемого, а теперь вообрази свой домик с горкой! Илья подумал, и домик мгновенно появился на соседней улице, которому он тоже вообразил и назвал её своим именем.

Король разрешил мальчику гулять по городу, пока ему это не надоест. Илья подружился с жителями, которых зовут Булька, Бонька и Лёнька. Дружка отвели Илью в кафе, где можно придумать своё мороженое и оно будет в меню. У мальчика было самое красивое мороженое – радужный рожок, начинка из ежевики и сверху вишенка. Булька, Бонька, Лёнька и Илья пошли в парк аттракционов. Там они пошли в комнату кривых зеркал, покатались на большом слоне, стреляли в друг друга из водных арбалетов и были все мокрые. Но это путешествие уже подошло к концу ведь мальчик услышал тихий и нежный голос мамы:

– Илюша, вставай, уже утро.

Путешествие Зайчонка

Ночью у мамы зайчихи появились на свет семеро зайчат. От холода маленькие комочки прижались к маме, и она их согрела своим телом, покрытым мягким пухом.

Прошло несколько дней. И однажды утром, зайчата, наевшись досыта, отправились вместе с мамой в лес на прогулку для того, чтобы научиться уму-разуму. Они спешили друг за другом, но лишь один маленький зайчонок по имени Бий загляделся на окружающий его мир и остался в стороне. Он шёл и думал о том, как прекрасен мир вокруг него, а когда очнулся, заметил, что ни мамы, ни братьев, ни сестёр вокруг нет. Зайчонок так испугался, что побежал сам не зная куда. Он бежал и бежал, пока не забрался в норку под пнем, где и провёл почти весь день.

Потихоньку начало темнеть, ведь наступал вечер. Бий пока не знал, как прокормить себя и позаботиться о себе. Он выбежал из убежища и побежал не разбирая дороги. Вдруг он почувствовал какой-то приятный запах и быстро направился туда. Оказалось, что так вкусно пахнет морковь и капуста. Зайчонок начал их грызть, а потом задремал.

Бий проснулся от того, что его взяли и медленно начали гладить. Он не привык к людям и начал волноваться. Но, к счастью, он находился в руках у очень хорошего и доброго человека, местного лесничего Григория Степановича. Он накормил маленького зайку свежей капустой. Тот не отказался, а напротив, обрадовался и с удовольствием покушал. Наверное, зайчонок у него бы остался,

но ему надо было возвратиться к своей семье.

Григорий Степанович работал лесником уже двадцать три года, и на месте Бия были многие. Он понимал, что хотели все эти зверушки и со спокойной душой отпускал их домой, а иногда и провожал, ведь в лесу ему было знакомо каждое дерево и каждая норка.

Лесничий сделал запас моркови и капусты для Бия и его семьи. Затем отнёс зайчика к его норке, в которой пряталось всё его большое семейство. Григорий Степанович попрощался с Бием и отпустил его к родным. После чего положил овощи на землю возле норки.

Вот как бывает на Земле, что люди не только помогают людям, а ещё и животным.

Радуга

Ранней осенью несколько друзей: Миша, его брат Никита, Петя, Гриша, Саша пошли в лес строить шалаш. Ребята выбрали для этого прекрасное место. На поляне несколько кустов смородины и три пня. Вокруг много деревьев с шишками. Со всех сторон доносились песни птиц и стук дятла. Рядом протекал небольшой ручей.

Саша сразу предложил заняться делом, но Миша сказал, что нужно подкрепиться, ведь путь был не близкий и друзья изрядно подустали. Ребята согласились и стали доставать из рюкзаков бу-терброды с колбасой и сыром. Гриша вместе с Сашей стали собирать грибы, а Никита разжёг костёр. Все собрались у костра. Каждый мальчик нашёл палочку, чтобы нанизать на неё

грибы. Пока они жарились, Саша и Миша сбежали к ручью и набрали водицы.

После того, как все перекусили, началось строительство шалаша. Миша, как главный из них, начал распределять роли.

Он сказал:

– Саша, ты будешь собирать крупные ветки и отдавать их Никите. А ты, Никита, делай основу для шалаша.

Мишу перебили Гриша и Петя:

– А нам что делать?

– Гриша, ты копай большой ров (и провёл камнем по земле, отчего остался след), вот поэтому следу и копай ров. А ты, Петя, носи воду из реки, – поставил им задачу старший.

Но ребята не согласились с этим и решили, что она им не подходит! И тут началась ссора! Ребята кричали друг на друга. Они не заметили, как небо покрыли тёмные мрачные тучи. Пошёл дождь, и неожиданно подул тихий ветерок. В некоторых местах на небе исчезли тучи, но дождь шёл.

Но вскоре выглянуло солнце и в небе появилась радуга! Вдруг Петя заметил её – прекрасную и красивую. Он тихо прошептал: «Смотрите, радуга!». Как только спорщики услышали эти слова, сразу перестали ссориться. Они долго смотрели на радугу. А когда она пропала, ребята забыли про ссору и приступили к строительству шалаша. Они надолго запомнили этот прекрасный день, когда их помирила радуга.

Гора Рыцарь

Как всегда, вечером мы сидели за кухонным столом и ужинали. Я неожиданно спросила папу:

– Вот в некоторых сказках пишут про русалок, в других про великанов, а в некоторых и про гномов. И правда ли, что давным-давно на Земле жили эти сказочные существа, а может быть, они совсем и не сказочные?

И папа мне ответил:

– Дочка, сложно говорить о том, чего сам не видел.

Эти слова мне очень хорошо запомнились.

Вечером я легла спать, а ночью мне приснился чудесный сон. Раньше в стране великанов жил рыцарь по имени Джон. Он очень любил участвовать в

рыцарских боях, потому что всегда выигрывал. Часто он объявлял на главной площади города, что хочет сразиться с очень сильным рыцарем-великаном на поле боя. На его призыв однажды пришёл Гастон и сказал, что согласен сразиться. Джон обрадовался, ведь он думал, что обязательно выиграет.

В стране великанов была такая традиция, что перед поединком тот рыцарь, который согласился на бой, должен выбрать то оружие, с которым они будут сражаться. Гастон выбрал копьё. Это решение очень понравилось Джону. Выйдя на поле, они, сидя на лошадях, встали друг напротив друга и сурово посмотрели во все стороны. Судья крикнул, что можно начинать. Всадники на своих роскошных лошадях кинулись друг на друга. Раздался треск копьёв. Бой был

долгим, но они не сдавались!

В конце концов, Гастон пронзил своего противника копьём и тот упал на землю.

Прошли годы. На месте, где погиб Джон, образовалась красивая гора, у подножия которой выросли берёзы, а чуть выше лиственницы. Как будто бы природа так сказала о том, что она чудеснее и сильнее человеческих поединков.

Я проснулась и утром рассказала этот сон родителям.

На что папа мне сказал:

– Может быть, гора Рыцарь на самом деле так и появилась, кто знает?!

А мама добавила:

– Хороший сон тебе приснился! Если хочешь, напиши по этому поводу рассказ.

Александр Соколовский

Соколовский Александр Валерьевич родился в 1969 г. В г. Магадане.

Стихи пишет с юности, увлекается фотографией. В 1997г. в Магадане вышел его первый сборник стихов «Мои настроения», в 1998 г. Александр стал одним из авторов московского сборника «Душа птица вольная», в который вошли стихи лауреатов Всероссийских фестивалей творчества инвалидов.

В 2011 г. В Магадане увидел свет второй сборник стихов А.Соколовского «Такой же, как все...» Стихи Александра публиковались также в региональных СМИ, в русскоязычных изданиях «Интеллигент» (СПб) и «Интеллигент Русского Мира», «Северо-Муйские огни» (Бурятия).

А.Соколовский – номинант международной премии «Филантроп», национальной литературной премии «Поэт года 2012» (Стихи.ру), Лауреат 1-го межрегионального творческого фестиваля славянского искусства «Русское поле» (2012г.). Стихи А.Соколовского вошли в сборник «Северная строка» (Колымская поэзия XX-XXI века, г.Магадан 2014г.). Несколько стихотворений А.Соколовского, переложённых на музыку композитором А.Нагаевым, стали песнями.

На протяжении ряда лет А.Соколовский является организатором, ведущим, активным участником культурно-массовых мероприятий с участием граждан, имеющих инвалидность. В 2017г. На Магаданском этнофестивале «Дыхание моря» в фотоконкурсе «Удивительный миг» стал дипломантом в номинациях «Пейзаж» и «Животный мир». А.Соколовский получил Благодарность от министра культуры РФ. В 2016г. награжден знаком общественного признания «Золото Магадана».

Такой же, как все...

Такой же, как все,
Только хромой
Или в коляске,
Или слепой,
С сердцем больным
Иль рукою дрожащей,
Или немой,
Или лежачий.
Пусть инвалид –
Но душа-то ЗДОРОВА!
И она говорит
Снова и снова
О добре, красоте,
О любви и о вере,
О том, что ЖИВА
В измученном теле.

* * *

Я бегу босиком по зеленой траве!
Жаль, что это лишь сон.
Жаль, что это во сне...

* * *

Летят по небу облака,
Парят неспешно над землей,
Летят сквозь время, сквозь века
Туда, где летом и зимой
Хранят сердечное тепло,
Туда, где в темноте светло,
И где в звенящей тишине
Звучит молитва обо мне.

Всё не то и не так почему-то...

Всё не то и не так почему-то.
Повторение старых ошибок?
Я бегу по кругу, как будто
Лошадь скачет в забеге улиток.

И опять сам себя обгоняя,
Уношусь, уношусь в неизвестность,
Очень многого не понимая
Бьюсь в конвульсиях целую вечность.

Вот она..

Вот она – стройная, чистая, белая.
Зимой она упирается своими
тонкими пальцами прямо в небо,
а летом машет пролетающим
мимо птицам. Весной она молодая
– зеленая, а осенью – в золоте,
умудренная опытом прожитого
лета, расстаётся со своей листвой.
Правда, красиво? Диво...
Ветер-р-р-р!!!
И она, изгибаясь, уже рвет свою кожу.
Черные полосы, как шрамы на ее
прекрасном теле.
Она кланяется земле, но не кричит,
лишь шепчет свою молитву.
Вот она – символ России.
Русская березка.

ПРИВЕТ ИЗ ДЕКАБРЯ

Апрель. Весна. И снегопад.
Вы не поверите, конечно.
Я сам бы ошибиться рад,
Но город белые одежды
Вновь примиряет на себя,
Опять деревья тяжелеют
И, как привет из декабря,
Растут сугробы на аллеях.

* * *

Сегодня вспомнил Петербург,
Неву, ростральные колоны.
Передо мной явились вдруг
Дворцы, музеи и соборы.
И разведенные мосты,
Что смотрят в небо по ночам.
Еще могильные кресты
И памятники тут и там.
Конечно, вспомнились проспект,
Хранящий времени следы,
И власть, которой больше нет,
Страна проклятий и мечты.

Магадан – это...

Магадан – это город судьбы.
Он рожден среди сопок и моря
Покорителями Колымы
Со слезами счастья и горя.

Это край морозов, ветров,
Область ярко палящего солнца,
Край прекраснейших берегов,
Маска скорби, решетка в оконце.

Это край золотого песка,
Ход красно-серебряной рыбы
И судно издалека,
И волны о серые глыбы,

Идущее время вперед,
Навечно застывшие «Сталинки»,
Народ, который живет
С надеждой, верой и памятью.

Всё пройдет...

Всё пройдет в этой жизни, все скроется,
Растворятся страданий туманности.
И на небе Священная Троица
Улыбнется сквозь слезы от радости.

Листва берёзы шелестит...

Листва берёзы шелестит.
Вновь разгулялся свежий ветер.
И в небе облако парит,
И солнце ярко, ярко светит.
И пенье птиц ласкает слух.
Природа согревает душу.
И тополя роняют пух,
Который им уже не нужен.

* * *

Несмотря на потертости фраз,
на банальность измученных слов
и на пошлость, что слышим подчас,
каждый день просыпаемся вновь!

Испытав падение и взлет,
Мы с разбега берем высоту
И с улыбкой идем вперед,
Позади оставляя черту,

За которой смятым листом
Догорают обиды и боль.
Мы знаем вкус меда во рту
Потому что отведали соль.

И ничей истерический ор
Или грязь злых языков
Не заглушат наш разговор,
Не изменят значение слов.

* * *

Морские волны разбиваются о камни.
И небо утопает в облаках...
И сердце говорит о самом главном...
И первый снег в моих руках
Уже растаял, навсегда...
И время будто бы вода...
И ручейки текут, текут
Туда, где верят, любят, ждут...

* * *

Мне больно за друзей,
Обидно за врагов...
И руки опускаются подчас.
Опять считать пытаются
Нас всех за дураков ...
Опять всё повторяется
Уже не в первый раз.

Ольга Кашаева

Родилась в Хабаровском крае, живет в Магадане с 1957 года..

Автор сборников стихов «Тревожит душу ожиданием чудес...» (2015 год) и «Это – Север! Колыма!» (2017 год). Публиковалась в журналах «Бунинский сборник», «Тургеневский сборник», «Литературная столица», «Российская литература», «Северо-Муйские огни».

В 2015 году заняла первое место в областном литературном конкурсе «Колыма литературная».

В 2018 году вышел третий сборник стихов «Здесь и сейчас!».

Колымский рай

(цикл стихотворений)

Здесь вековые тундровые топи
В холодной первобытной мёрзлой мгле,
Здесь золотые девственные копи
В глухой тайге на северной земле.

Охотский необжитый берег моря
Был раньше в наказание многим дан –
Обитель зла, насилия и горя.
Здесь зарождался город Магадан.

Он начинался с лагерей ГУЛАГа,
С нетопленных бараков для зека.
Осужденных – ни родины, ни флага –
Этапами везли с материка.

Для выживших в пути, достигших суши,
Здесь обрывалось всё, что было «до».
Лишь грела их израненные души
Надежда на возврат и на «УДО».

Кайлом и тачками свернули горы.
И не благодаря, а вопреки
Им покорились дикие просторы
От моря и до Колыма-реки.

А сколько в мерзлоте лежать осталось
В глухой тайге, среди суровых скал...
Болезни, лютый холод и усталость,
И голод – смерти массовой оскал.

Какую цену заплатили – жутко
И слишком страшно, чтобы правдой быть.
Пройти через ГУЛАГа ад не шутка –
И больно помнить, и нельзя забыть.

Погибшим край, как братская могила,
Вспахавшая нетронутую глушь.
Их помнит «Маска скорби», всё, как было, –
Приют безвинно убиенных душ.

Он начинался с ситцевых палаток,
С землянок, с непокорной целины,
С романтиков, что ехали когда-то
На край земли, не к теще на блины.

Оставив отчий кров, где в мае клевер,
Все добровольцы – кто если не мы?! –
По зову сердца ехали на Север
Осваивать просторы Колымы.

Пришли по комсомольскому набору
Энтузиасты строить города.
Сидельцы, срок отбыв по приговору,
На Колыме остались навсегда.

На благо территории трудились
Немало делу преданных сельчан.
Да так, что всей страной за них гордились,
За трудовую доблесть колымчан.

Трудились горняки и металлосты,
Строители и морпортовики,
Геологи и автомобилисты,
Сельскохозяйственники, рыбаки.

Преображался облик Магадана,
Сносили развалюхи первых лет,
А берег двух великих океанов
К Москве стал ближе, только взять билет.

Пятиэтажки выжили бараки,
Исчезли бездорожья грязь и пыль.
Так, в результате трудовой атаки
Мечта о чуде превратилась в быль.

Наш город хорошеет год от года –
Фонтаны, скверы, новые дома.
Трудами здесь живущего народа
Сегодня процветает Колыма!

К единой цели шли первопроходцы –
Освоить непокорный дикий край.
Кто репрессирован и добровольцы –
У них один на всех «Колымский рай».

Крутым маршрутом продвигались дальше,
Хоть путь был труден, долг и жесток.
Всё выдержал людской поток без фальши,
Освоил и обжил Дальний Восток.

Чтобы в тайге построить город новый,
Работали на совесть, не за страх.
Как ежедневный подвиг, труд суровый
В мороз трескучий на семи ветрах.

Всем выжившим в эпоху сталинизма,
Всем, кто погиб, но не был побеждён,
Как память и как символ героизма,
Над морем светлый город возведён!

Колымская трасса

Мотает километры на колёса
Мой старенький, но верный мне КАМАЗ.
Окутал перевал туман белёсый,
Поэтому я сбрасываю газ.

Подъёмы, спуски, петли – путь не гладкий.
Не раз я вспоминаю всеу мать.
Загадывает трасса мне загадки,
Решу, смекалки мне не занимать.

То солнце по глазам сечёт, как бритва,
То дождь задёрнул занавес сырой,
То в рейсе помогает мне молитва,
То чёрта вспомню в сумерках порой.

Доставлен груз. Пора опять в дорогу.
Спешит домой мой старенький КАМАЗ
В обратный путь к любимому порогу,
Поэтому я прибавляю газ.

Вокруг тайга, безлюдная дорога –
С Колымской трассой я наедине.
Надеюсь на себя, чуть-чуть на Бога,
Любимой образ помогает мне.

То солнцем тёплым залита кабина,
То дождь ласкает струями стекло.
Приветливо кивает мне рябина.
Легко на сердце, на душе светло.

Мне встречи, расставания, тревоги
На комнатный уют не променять.
Бескрайние колымские дороги
Из дома в рейс зовут меня опять.

Покуда жив, покуда носят ноги,
Как прежде, испытать я буду рад
То чувство неизведанной дороги,
Бегущей вдаль, за горизонт, в закат.

Провинциальный городок

Спит Магадан – провинциальный городок,
Уютно примостившись возле моря.
Делила вместе с ним я ни один годок
Минуты счастья и минуты горя.

Охотский берег на краю родной земли,
Нагаево – Колымское начало.
Когда за тридцать земель была вдали,
Мой городок, я по тебе скучала.

Расположился среди диких берегов
И был воспет поэтом именитым.
Зимой – красавец в полушубке из снегов,
Коротким летом – тянет, как магнитом.

Песчаный берег лижет ласковый накат,
Во всей красе Нагаевская бухта:
Запали в душу мне пылающий закат
И Каменный Венец, из сказки будто.

Колымские самоцветы

Бабье лето стоит на дворе,
Согревая последним теплом.
До чего ж хорошо в сентябре
Прогуляться по лесу пешком!

Лес примерил осенний наряд –
Позолоченные кружева.
Как рубины, рябины горят,
И в багряных узорах листва.

Голубика украсила лес –
Расстелила покров бирюзы.
Он сливается с синью небес,
С чистотой родниковой слезы.

Как янтарные капли смолы,
Разметалась морошка, а вот –
Он достоин любой похвалы! –
Подосиновиков хоровод.

Шикша – северный вечный мотив –
Чёрным жемчугом вышит простор.
А берёзки, чуть-чуть загрузив,
Заступили в бессменный дозор.

Из гранатовых гроздьев поток
Катит волны свои с высоты.
Опьяняет, как хмеля глоток,
Мощь брусничной такой красоты.

Самоцветов колымских не счесть –
Перед ними склоняемся ниц.
Магадан, хорошо, что ты есть –
Чудный город в краю лиственниц!

Национальность – колымчане

Весь мир у ног, а я застряла в Магадане.
Меня не тянет жить в больше города.
Но жизнь своё диктует: вещи в чемодане,
Я покидаю Крайний Север навсегда.

Как карта ляжет в том краю, где вечно лето?
Что ждёт за дальним горизонтом впереди?
Мои вопросы остаются без ответа.
А то, что было и прошло – не бери.

Но почему так на душе скребутся кошки?
Да здесь вся жизнь прошла с пелёнок до седины!
Давно с друзьями разошлись пути-дорожки –
Все поразъехались уже. И ты один...

На Севере национальность – колымчане!
Неважно, чья по жилам кровь течёт в тебе.
И пусть за тридцать земель односельчане –
Есть навсегда надёжный друг в твоей судьбе.

С бухты-барахты

*«Ты не видел Нагайскую бухту – дурак ты.
Улетел я туда не с бухты-барахты».*

Владимир Высоцкий

На край света бежим от себя, от подвоха,
От проблем, от несчастной любви, когда плохо.
Прежней жизни концы обрубам. И баста!
Здесь колымские люди – особая каста.

Я с Нагаевской бухтой сроднился – не как ты.
Что ты видел, мужик, кроме бухты Барахты?

Помню, как Магадан зарождался у моря –
Сколько жизней загубленных, горького горя!
От Нагаево через тайгу и овраги
Проложили колымскую трассу трудяги.

На костях человеческих здешние тракты.
Если это тебе не известно – дурак ты.

Магадан – моя Родина. Здесь моё место.
Меня жизнь не по-детски месила, как тесто.
Было в жизни моей много всякой запары...
От себя убежать разве что на Канары?!

Я Нагаево знаю с пелёнок – есть факты.
В Магадане я видел и зеков, и тракты.

Дней немало прошло с той поры, но ты всё же
Прилетай посмотреть Магадан, если сможешь.
Ты не видел Нагаевской бухты – не прав ты.
Приезжай посмотреть просто с бухты-барахты.

Ты сюда прилетел налегке и без фрахта.
Как Нагаево? Лучше, чем бухта Барахта?

У чёрта на куличках

Шуршат деревья пожелтевшею листвой,
Дождями плачет северное лето,
И заунывный, словно волчий, ветра вой
По закоулкам слышен до рассвета.

Порой мне кажется, что больше не хочу
Жить в холодах у чёрта на куличках.
Но каждый раз с материка назад лечу –
Стал Магадан второй натурой, как привычка.

На Крайнем Севере прошло немало лет:
Жизнь – больше, чем в полвека! – за плечами.
В один конец «туда» не нужен мне билет,
Не заманить любыми калачами.

Живу, где солнце раньше всех в стране встаёт,
Пьянят дурман тайги и запах моря.
Но материк покоя тоже не даёт –
Так и живу, сама с собою споря.

Здесь без меня скучает Каменный Венец
И рады встрече чайки и тюлени.
А на большой земле другая жизнь, конец –
Зачахну от тоски, хандры и лени.

«Маска скорби»

О лагерях ГУЛАГа говорят
Истории колымские страницы.
Они костями умерших пестрят
И воскрешают в памяти их лица.

Учёные, рабочие, врачи –
По пятьдесят восьмой всем по десятке.
Сгорали, как огарочек свечи,
Пытаясь играть со смертью в прятки.

«Крутым маршрутом» чудной Колымы
Сквозь ад прошло осужденных несметно.
Погибших души молят нас из тьмы
Их реабилитировать посмертно.

Прошли года, всё поросло быльём:
Нет их могил, имён и смерти даты.
Но памятью о прошлом мы живём
Погибших всех на Колыме когда-то.

Крутая сопка прошлое таит.
И с прошлым мы приходим на свиданье
К подножью «Маски скорби», что стоит
Грядущим поколениям в назиданье.

А «Маска скорби» смотрит с высоты
На город, на Нагаевскую бухту.
Погибшим возлагаем мы цветы
И слышим их в молчания минуту.

А «Маска скорби» смотрит сквозь века
На край, что был, как братская могила.
Цена за жизнь была невелика,
Нельзя вновь допустить того, что было!

Мы помним всех, пусть ваших нет имён.
И каждый год в день траурных процессий
Склоняются полотнища знамён
В честь памяти погибших от репрессий.

Синегорье

Как надоели мне пустые разговоры
О Синегорье – синей сказке Колымы.
Пора в дорогу. Решено! Оставьте споры!
Я еду в синее безмолвие зимы.

Берут за душу синегорские просторы:
Морозной свежестью пронизана тайга,
Стоят величественно в синей дымке горы
И с голубым отливом белые снега.

На статных лиственницах снежные каскады,
Как будто замерли внезапно на лету.
Здесь не звенят ветров холодных серенады,
Боясь разрушить зимней сказки красоту.

Спит крепким зимним сном колымская природа.
Над Синегорьем растворилась тишина.
Среди безмолвия под синью небосвода
Пью синий воздух и хмелею без вина.

Зимняя сказка

Где-то падают весенние капли,
Утопают в сочной зелени дома,
А у нас куражат майские метели.
Одним словом, это – Север! Колыма!

Невесомые снежинки в белом танце
Тихо кружат под луною визави,
И звучат в ночи, как пушкинские стансы,
Чьи-то робкие признания в любви.

В лунном свете отражаются, как в сказке,
Волшебством на девственном снегу
И неоновых огней шальные пляски,
И оконцев скромный свет на берегу.

От заснеженных ночных красот хмелею,
Наслаждаюсь зимней сказкой по весне.
И поверьте, я нисколько не жалею,
Что прожить среди снегов досталось мне.

Здесь под пальмами не пляшут чунга-чанга,
А деревья в мае зябнут без листвы,
Нет в помине экзотического манго –
Все равно люблю Колымский край! А вы?

Икорка

Ах, зернистая икорка,
Всех застолий ты душа:
С маслицем, с хрустящей коркой
Несравненно хороша!

Популярная в народе,
И уходишь на ура
На банкете, на природе,
Вечерком или с утра,

С чёрным кофе, сладким чаем,
С коньячком и просто так.
Мы икрой гостей встречаем,
Это – магаданский смак!

Как разменная монета
Ты и взятка, и презент,
И гостинец для привета,
В сделках важный элемент.

Лососёвая икорка –
Магаданская еда
С маслицем, с хр-р-рустящей коркой!
Дорогая – вот беда!

Возвращение домой

Меня носило по далёким заграницам.
На перелётах потерялся чемодан.
Я налегке домой – опять родные лица.
Ну, здравствуй, мой холодный Магадан!

Я не спеша прошла по улочкам в тумане,
Где свежий ветер весело бежит.
Всё так же снег на сопке-Марчекане
В июле не растаявший лежит.

Дрожат от холода корявые берёзы.
Деревьев неказистые стволы
Как будто плачут от обиды – словно слёзы
Застывшие янтаринки смолы.

Макушки лиственниц зализаны ветрами –
Стоят, согнувшись, словно старики.
Охотский берег ночью светится кострами:
Рыбачат непогоде вопреки.

Здесь всё по-прежнему: нет ни тепла, ни лета
И холод пробирает до костей.
А за граница в зелень яркую одета,
Полна надежд, соблазнов и страстей.

Но каждый раз к тебе с далёкой заграницы
Я возвращаюсь, искренне любя
Твои дожди, туманы, сопки вереницы.
Всё за границей есть – там нет тебя!

Безлюдная дорога

Бежит среди снегов, расталкивая сопки,
Колымской трассы смертоносная стрела.
Во время рейса не застрянешь в длинной пробке.
Один, как перст, в тайге – житейские дела.

За горизонт бежит безлюдная дорога,
На сотни вёрст ни огонька вокруг в ночи.
Посёлки-призраки стоят, забыты Богом.
Не дозовёшься никого, хоть как кричи.

Готовит трасса испытание на прочность,
Она не терпит ни «авось», ни суеты.
Тем, кто из рейса не вернулся (не нарочно!)
Стоят посмертно на обочинах кресты.

По ним истошно воют северные вьюги,
Их пеленает белым саваном зима,
И горько плачут овдовевшие супруги.
Не отпускает, цепко держит Колыма.

Владимир Папкевич

*«О жизни, простыми словами, с годами набравшими вес,
Люблю разговаривать с вами – что было, что будет, что есть».*

Для меня поэзия – самая увлекательная игра, позволяющая лучше понять происходящее, сказать о наблевшем или просто весело отдохнуть от суеты.

Обладатель Золотого Пера-2009 и лауреат 10, 11, 12-го конкурсов Национальной литературной премии «Золотое Перо Руси».

Время Колымы

Невообразимо длинны зимы,
До обиды мимолетны лета,
Осени всегда неотразимы,
Вёсны круче звёзд кордебалета.

Красота природы первозданной
Колымчанам, как котам сметана:
День и ночь готовы петь осанну
Северной столице – Магадану.

Снег не тает на вершинах горных,
И вода ручьёв нектара слаще.
Колыма – край гордых, непокорных,
Иногда смешных, но настоящих.

Тяга к северам непостижим
Разумом людей с «иной планеты».
Дальше от нелепости режима
На Земле нет места, чем край света.

Всё здесь ярче, шире, натуральней.
Дружба крепче – оттого, наверно,
Что по жизни, кто в России крайний,
Тот её врагов встречает первым.

Горд, кто причащён был и причастен
К тайне под названием Крайний Север.
Кто делил и горе с ним, и счастье.
Благодарны, помним, любим, верим.

Колыма моя малая родина

Колыма моя малая родина.
В океане сомнений маяк.
Лучик солнца на красной смородине
В беспросветных житейских морях.

Колыма моя ранняя, первая,
До последнего вздоха, любовь.
Колыбельная мантра напевная
В бликах вечно сияющих льдов.

В миг осенний она ослепительна!
В зеркалах – королевская статья!
Повернётся, как солнышко, к зрителю,
И вся роль: просто кроной блистать!

А, захочешь речей, поздоровайся,
Да, за ручку, с таёжным ручьём.
Ох и щедрым он будет на новости!
Добродушным, не зря ж, наречён.

Видно время пришло, Колыма моя,
Осознать «всем-всем-всем» морякам
Величайший наш долг перед малыми...
Поклониться родным берегам.

Северный рай (нонет)

Порт
Норд-ост-
Магадан.
Прост, по годам,
Правда ль, магом дан?
В Нагаевской бухте
Чайками – тени судеб
Мечутся над кораблями –
Крыльями быют заката пламя!
Вольному воля, Бог над нами.
Крик, взбудораживший память,
Спорит с морской стихией.
У края России,
Все не остынет,
Стонет причал,
Что встречал
Этап...
В рай.

Рододендроны Синегорья

Рододендроны Колымы
Родней рододендронов юга!
Их, в школе северной зимы,
С лица земли сметала вьюга.

Их исхлестали все ветра,
Их накрывали тонны снега!
Так учат только севера...
Зато потом – какое небо!

Ещё не лето, но – Весна!
Пришла! Воистину, родная!
И свет надежды принесла:
Жить будем! Мама, дорогая!

А им и надо-то чуть-чуть!
Луч солнца и уже – терпимо!
Согрелись ноженьки, и в путь!
Теперь дойдём, хоть до Берлина!

Всё новые ростки встают,
Чтоб бело-жёлтыми цветками
Дать людям праздничный салют
И на высотах лечь венками!

На Колыме не рвут цветов...
Тем более – рододендроны!
На фото видно всё без слов.
Здесь наша память. Здесь мы дома.

Колыма вчера и сегодня

1. Вчера

Не замечая холода и сырости,
Ушел в работу, бросив все дела.
И снова над собой пытаюсь вырасти,
Понять, зачем дана душа была.
Иду на поводу эмоций юности,
К родным местам всем сердцем прикипев.
Я в Магадане! Легче здесь «пургу нести»,
Февральской вьюги слушая напев.

Казалось бы, нет смысла в завывании.
Ну, подняла метель под утро вой,
А слышатся мне страшные названия –
Бутыгычаг, Вакханка, Штурмовой.
Мадаун, Коркодон, Эльген и Кварцевый –
В одном «Дальстрое» двести лагерей!
Просили небо: помереть бы в карцере,
А не за проволокой, где-то на горе...
Не хватит слов и слёз – то горе выплакать.
Сопоставимы жертвы лишь с войной.
Здесь и на штык попробуй яму выкопать...
– Копай, копай! – командует конвой.
Но «счастлив» тот, кто «завладел» лопатой.
Без инструмента на морозе – смерть.
А, что голодный – это дело пятое:
В глазах и так... и так начнет темнеть.

Уснуть и умереть, хоть на мгновение.
Забыть о том, кто прав, кто виноват.
Лишь вьюга не дает уйти в забвение,
Вбивая с воем в голову слова.

Ведь были люди высшего достоинства!
Успели много на своём веку:
И за войну наград всех удостоиться,
И ствол приставить к черному виску,
И выстрелить в висок... портретной Берии,
И загреметь под трибунал, увы,
И выжить на задворках той Империи,
Пройдя сквозь лёд и пламень Колымы.
Жить! Что бы ни случилось, вопреки всему –
Мороз. Блатные. Голод. Люд. И зверь.
Ведь, сколько ни взывай ты здесь к Всевышнему –
«Не бойся, – скажет, – не проси, не верь».
Надежды нет. И веры нет... Но выжили
Немногие, не взявшись за ножи.
Признаний, палачи, так и не выжали,
И не сломали лагерные вши.

Жить! Только б «на свободу с чистой совестью»!
Давайте помолчим, что в мире – грязь,
Не я, не вы – герои этой повести,
Чтобы судить о жизни без прикрас.
За гранями физической реальности,
Где сон, где явь – попробуй тут пойми,
Лишь боль, любовь и труд...
Да к черту все формальности!
Нас оставляют и в дерьме людьми.

Да, то был ад. И вьюги завывания,
Как реквием, с душою в унисон.
Пусть мало чести в счастье забывания.
Но это сон был, правда? Только сон...

2. Сегодня

Не реабилитирую посмертно я,
У власти отнимая «черный» хлеб –
О Колыме так мало слышал светлого,
Без малого прожив здесь тридцать лет...
Вольнонаёмный или зек – иллюзии
Отбросив в сторону, ломали Колыму –
Ломами, словом, родственными узами,
Придя в итоге вместе к одному:
Огромный и почти необитаемый
Остался остров дивной красоты.
Сюда весной стремятся гуси стаями.
Улыбчивы и вежливы менты.
Отсутствуют следы цивилизации...
Почти... И потому ввиду иметь
Не лишне, что возможны провокации:
На днях чуть не сожрал меня медведь.

Шучу! Он был испуган больше нашего!
Так улелётывал – ой, мама, не горюй!
Потом позвал, конечно, брата старшего...
Пришлось бежать... А я что говорю?!
«Что абсолютно весь покрытый инеем,
Везенья остров в океане есть»,
С весьма ассоциированным именем.
А мне нигде так не везёт, как здесь.
Эх, если б рисовать умел я красками!
И Рима, и Венеции цвета
Не выдержат сравнения с контрастами,
Что вносит осень в здешние места!

Зимой дымок струится над зимовьями,
Не тают даже летом ледники...
Но, пригубив нектара «от Зиновьевны»,
Как встарь, разводят руки рыбаки.
Тайга прозрачна, а порой, и призрачна.
Зависит от того, с чем к ней пришел.
Бывает временами так капризна, что...
Кто с чем пришёл, с тем и домой ушёл.
Но даже остов «древнего» бульдозера
Не возмущает гостя этих мест –
Настолько гармонично он у озера,
Отстав от мамонтихи, травку ест.
И дорожить здесь привыкаешь солнышком,
И говорить всегда по существу,
Чтоб успевало маленькое зёрнышко
Дать корнеплод... или, хотя б, листву.

Пять лет, как не был я на тихом острове.
Отрадно то, что климат лучше стал.
Нельзя солёное мне, сладкое и острое.
На завтрак – манка, на десерт – фестал.
И все-таки, здоровье богатырское,
Я ощущаю, встретив Колыму.
Скучать ей не даю – то там потискаю,
То здесь щипну, то просто обниму.
Ведь – золотая! Правда! Не холодная,
Не стылая (коль с тыла подойти).
Красивая до одури! Свободная!
А люди – разные, любимая... прости!

Боготворю твои озёра чёрные,
Когда в них отражается луна!
С тобой мы, видно, Богом обручённые,
Давным-давно... Родная Колыма!

Живы будем, не помрём

Я выжил там, где мамонты замёрзли.
Куда не ходят даже поезда.
Где знают, кто писал «Метаморфозы».
Где «дел за гланды», граммов после ста.

Я выжил там, где за весь день ни звука,
И, кроме лис и зайцев ни души.
Дороже золота где – чай, головка лука.
И есть профессия такая – ингуши.

Я выжил при нехватке кислорода,
При дефиците солнечных лучей.
И, как поэт, что вышел из народа,
Сам не люблю затянутых речей.

Чтоб выжить там, влюбиться надо в Север.
Понять, что движет этими людьми.
В палатке с ними справить новоселье.
Делами снять «проклятье» с Колымы.

Для этого большие ставить цели.
Найти или добыть – то, чего нет.
Творить бетон на смене, как на сцене.
Не мог, но сделал – значит, человек.

Мне вреден материк... вам, кстати, тоже:
Глаз потускнел, с боков свисает жир...
И, как до мамонтов уже, доходит... «Боже!»
Здесь ВЫЖИВАЮТ все, а там я ЖИЛ!»

Но, северян крупницы, в общей массе,
Находим, как в тайге мы – зимовьё!
Ведь, даже, если жизни нет на Марсе,
Нам долететь лишь! Будет! ё-моё!

Золотому фонду Северо-Востока

Дорогие мои горняки,
Закалённые всеми ветрами!
Ваши лица, как те рудники,
Что прославили Север наш Крайний:

За плечами «Кубака», «Луна»,
«Купола», и «Дукат», и «Джульетта».
И гордится сама Колыма,
Земляков создавая портреты.

Столько правды в суровых чертах,
В этих горных и гордых «ландшафтах»!
И в рассказах о разных чертах,
Что порою встречались вам в шахтах!

Кто не нюхал ту рудную пыль,
Кто не лазил по тем восстающим,
Не поверит, что всё это – был!
Тайны недр открываются лучшим...

Горный мастер. Проходчик. Взрывник.
Отпечатано в грубых морщинах.
Потому что идёт напрямик,
Сквозь гранит, настоящий мужчина.

Сжав до боли в ногтях кулаки,
Я молюсь. Вы не слышите, что ли?
Дорогие мои горняки...
Вы всегда выходите из штолен.

Сказка севера: снег и солнце

Со дна души словечек натаскаю...
Здесь, на материке, пишу с тоски!
Жаль, «котелок» оставил на Таскане –
Наваристы бывали в нём стишки.

Все снасти там, на северо-востоке.
А тут, на бредешок, смешной улов.
Ну, выхватишь десяток строк высоких,
Но – нет по-магадански вкусных слов.

Бывало – мАкнем, трошки покемарим,
От Черского хребтинкой закусив,
И, натянув на репу накомарник,
Идём в обход, под умных закосив.

Седой налим запрыгивает в лодку,
Да с хариусом наперегонки:
Узнать – о чём, не чаем смазав глотку,
Орут, будя округу, рыбаки.

А тем – уже похоже, не до рыбы,
И не до стаи жирных «глупых» крякв.
Наоборот – рыбацкие порывы
Заинтересовали «пару рях».

Как говорит мой друг Сергей Малашко:
«Не искушай судьбу без карабина».
Пришла за медвежатами мамашка,
Взглянуть на «Трое в лодке с Коломбино».

В то утро, к счастью, обошлось без ружей,
Забывших в зимовухе, как всегда.
Наш принцип: если ты с природой дружен –
Коль нет нужды, не причиняя вреда.

Соль, чай, крупу, немного дров и спички
Оставь у печки – людям добрый след.
И – вместе с горностаем... или с птичкой,
Улыбкой встретить ещё один рассвет.

Его ростки в душе пустили корни,
И превратился северный мой мир,
В Сакральный Символ Счастья – Синегорье! –
Салют Судьбы, Сияющий Сапфир!

Классический сюжет

Подобно юному Ромео
Спешу увидиться с «Джульеттой».
Я к ней в любви не чуял меру
Ни в прошлой жизни и ни в этой.

О, не вини меня в нахальстве,
Ведь появился я с повинной,
Продлав трудный путь на «Хайсе»
Часов за восемь с половиной.

Я каюсь, что одну оставил,
В межвахту... аж, на две недели,
Чтоб друг от друга не устали,
Друг другу чтоб не надоели!

Скучали-то мы оба, кстати...

В глазах любимых вижу это!
Что делать, если я спасатель,
И рядом РиМ*, и ты – «Джульетта»**...

*РиМ – Рудник имени Матросова

**Рудник «Джульетта»

Музыка

В 1998 году композитор, член Союза композиторов России, Александр создал в Магадане «Театр песни». Он ежегодно дает десятки благотворительных концертов для ветеранов войны и труда, в доме инвалидов, в доме ветеранов на снежной долине, в интернате на Оле, на многих концертных площадках Магадана и области.. Солисты «Театра песни» становились лауреатами вокальных конкурсов, а Халича Расулова и Евгения Белогурова стали лауреатами «Гран При» конкурса «Студенческая Весна». Алена Посохова с песней Александра Нагаева на стихи Игоря Легенького «Русь моя» стала лауреатом Всероссийского конкурса патриотической песни в Москве, затем Алена и Александр стали лауреатами 1-го всероссийского фестиваля Славянского искусства «Русское поле» в Москве, где исполняли четыре песни композитора на стихи Алены Посоховой, Александра Соколовского, Александра Голобокова и Игоря Легенького.

С солистами «Театра песни» А. Нагаев записал три диска; 1-й авторский альбом «Музыка серебряных дождей», среди 14 песен 2 исполняют: Ирина Понаровская – «Знаю, любил» на стихи Джуну, Иосиф Кобзон – «Выдумываем» на стихи В. Буткеева. На втором диске, «Осень на севере», песни А. Нагаева и других магаданских авторов, 3-й «За тебя Магадан», к 75-летию города. На этом диске 6 песен А. Нагаева.

С Александром Хухлаевым возродили «Творческое объединение самодеятельных композиторов Магадана и области», где А. Нагаев был избран председателем правления, и стал записывать ноты песен тем, кто не владеет нотной грамотой, и публиковать их в газетах, к 70-летию города издал сборник из 60 лучших песен о Магадане.

Александр Нагаев

Впервые в истории А. Нагаев записал нотами 25 песен и романсов сочиненных Вадимом Козиным, который не знал нот и свои песни играл на слух. Два сборника были изданы в Магадане, и один – в Москве.

Сохраняя и развивая музыкальные традиции песенной культуры коренных малочисленных народов Севера, впервые, А. Нагаев записал в собственной аранжировке и выпустил два диска самобытной чукотской певицы Веры Гиунеут, записал 15 аранжировок к песням и танцам эвенских ансамблей из Гижиги и Олы. В настоящее время композитор готовит премьеру концерта из своих сочинений с участием симфонического оркестра, его коллег и приглашенных артистов.

Александр Нагаев: Я не могу из сердца вырвать мой Магадан!

– Александр Петрович, в юности в Магадане вы – известный боксер, чемпион. Как вы в 20 лет пришли в профессиональную музыку?

– Мне повезло с детства. Я родился в музыкальной семье. Отец играл на гармошке, мать на аккордеоне, гитаре и балалайке. И хорошо пела. Дедушка мой обладал прекрасным тенором. Так что дома по вечерам часто пели песни. Но, пока я был мал, мне не давали гармонь отца. Я пытался до нее дотянуться, а мне говорили: «Уронишь и разобьешь!». А когда мне исполнилось шесть лет и мои родители развелись, то гармонь осталась дома. И вот тут я в нее вцепился, быстро научился играть по слуху. В пятом классе я уже играл 165 песен и танцевальных мелодий. Потом научился играть на баяне и аккордеоне. Мое детство прошло в маленьком киргизском городе Токмак. Там не было музыкальной школы, и поэтому нот я не знал.

– И Вы, не зная нотной грамоты, поступили в магаданское музыкальное

училище?

– В шестнадцать лет я переехал к отцу в Магадан. Поступил в профтехучилище, успешно занимался боксом, продолжал играть на баяне на всех концертах. Я очень сильно страдал и мучился от того, что не знал нотной грамоты. В восемнадцать лет юношеский максимализм дошел до такой степени, что я сам себе дал слово. Если за два года не попаду в профессиональную музыку, то жизнь теряет смысл... Мне повезло, в двадцать лет я поступил в музыкальное училище по классу баяна. Меня взял директор, Николай Александрович Лесной. Он поставил условие, бросить бокс и заниматься день и ночь только музыкой. Я вставал каждый день в половине пятого утра, играл по три часа гаммы и арпеджио, и вечером занимался до поздней ночи, чтобы набрать технику, ведь у меня после боев на ринге были порваны связки на руках, и перелом сустава пальца. За первый год я освоил программу пятилетней музыкальной школы. И сочинил 18 пьес для баяна, аккордеона, фортепиано, эстрадного ансамбля.

– В музыкальном училище вы дружились с композитором Владиславом Золотаревым. За 4 года учебы сочинили 75 произведений. Ваши песни пел Михаил Шуфутинский...

– Мне повезло учиться вместе с гениальным композитором Владиславом Золотаревым, он принял большое участие в моем творческом росте и развитии. По его примеру я стал писать музыку по ночам, до трех, четырех часов. За четыре года учебы я написал 75 произведений для разных инструментов: скрипки, фортепиано, баяна, эстрадного ансамбля, песни и Поэму для русского народного оркестра, которым я дирижировал на госэкзамене. На магаданском телевидении состоялся 35-минутный концерт из моих сочинений. В 1969 году, еще будучи студентом, в ресторане «Северный» я однажды подошел к музыкантам, и предложил им исполнить свою песню. Дал ноты высокому, черноволосому клавишнику. Он сыграл ее, спел, остальные музыканты подхватили мелодию. Потом оказалось, что это был молодой, еще никому не известный, Ми-

Музыка

хаил Шуфутинский, работавший тогда в Магадане. После этого на магаданском телевидении Шуфутинский записал эту песню со своим ансамблем.

– Александр Петрович, Вы учились во Владивостоке в классе композитора Игоря Забегина. В 1975 году, по настоянию Владислава Золотарева, Вы поступили в московский институт имени Гнесиных...

– Во Владивостоке мне повезло, приехал педагог из Санкт-Петербурга, композитор авангардист Игорь Забегин. Он собрал кафедру, прослушали мои сочинения и приняли решение открыть класс композиции, где я стал единственным студентом. Игорь Забегин мне сказал: «Ваши сочинения написаны музыкальным языком XIX века, а живем мы в XX веке. Вам нужно срочно осовременить музыкальный язык». Ежедневно с 20.00 и до 5-6 утра я сочинял, искал новые мелодии, интонации, созвучия, аккорды. Еще в Магадане Владислав Золотарев посвятил меня в тайны доэкафонии, как сочинять музыку с применением 12-тоновой системы, открытой композитором Арнольдом Шенбергом и подарил мне 12-тоновый ряд из своей 2-й симфонии. Он сказал: «Саша, пиши, музыка все равно будет другая». Эту композиторскую технику я использовал в Прелюдии для фортепьяно. На 1-м курсе я написал Сонатину для фортепьяно и Сюиту для квартета деревянных духовых в 5-ти частях. Когда в Москве, Слава Золотарев ее услышал, то вскричал: «Немедленно переводись в Москву! Ты знаешь, такие квартеты в Московской консерватории пишут на 3-4 курсах, а ты написал на первом». На композиторском отделении в «Гнесинке» было одно вакантное место и семь претендентов на него из разных городов СССР. В том числе одна девушка с рекомендацией от самого Арама Хачатуряна. У нее была написана музыка к пяти художественным кинофильмам. Сочинения абитуриентов звучали внушительно, в записях симфонических оркестров. Когда прослушивали мои сочинения, и зазвучала Сюита, в исполнении квартета Большого симфонического оркестра страны, в середине, все абитуриенты встали и вышли, как потом сказал мне, пожимая руку, абитуриент, композитор Орловский: «Саша поздравляю. Тебя возьмут, а нас нет, мы это поняли по твоей музыке». После прослушивания кафедра объявила результаты – всем поставили два, а Нагаеву пять.

– На 3-м курсе вы написали сонату памяти Золотарева для Баяна. Ваша дипломная работа – Поэма для баяна с оркестром – исполнялась в Москве, в 7 городах Франции, и дважды в Париже. Что Вам посоветовал дирижер Жак Масс?

– В 1975 году Владислава Золотарева не стало (говорили – сердце). Это было сильнейшим потрясением для меня, родных, близких и его коллег музыкантов. Через год я написал Сонату памяти Золотарева в 3-х частях, для баяна В первой части жизнь, борьба и смерть героя. 2-я часть – это плач и причитания по умершему. Идея 3-ей части такова, герой умер, но его идеи и дела остались жить среди людей. Соната сразу вошла в репертуар международных конкурсов баянистов разных стран мира, и принесла звания победителей и лауреатов ее исполнителям. Звучала по Евровидению и Интервидению. Юрий Сидоров, француз Макс Бонне, Жан Лук Монка и Роман Жбанов, в Голландии Олег Лысенко – записали Сонату на своих пластинках. Макс Бонне, тогда же в Нью-Йорке, в Карнеги-Холл, исполнил Сонату на концерте вместе с произведениями Игоря Стравинского, Иоганна Баха, Оливье Мессиана.

Соната была признана лучшей в мире, об этом сказал в аннотации на пластинке Юрия Сидорова, профессор из Норвегии, Ион Фавкстадт. На ряду с двумя Детскими Сюитами, Соната была издана в СССР, в крупнейшем издательстве Европы, Ханса Сикорского в Германии тремя отдельными сборниками, они распространялись в 14 странах Европы.

Поэма для баяна, струнно-симфонического оркестра и ударных инструментов, моя дипломная работа, исполнялась: в Москве, солист Юрий Сидоров, дирижер Игорь Громов, в семи городах Франции, на международном фестивале композиторов, солист Жан Пакале, дирижер Клер Жибо, дважды в Париже, в старинном зале «Гаво», дирижер Жак Масс. Он предложил мне написать еще 6 минут, и тогда это будет симфония. Много лет ушли на раздумья, на сочинение и, наконец, в 2019 году работа завершилась. Так появилась ПЕРВАЯ КОЛЫМСКАЯ СИМФОНИЯ «Апокалипсис XX столетия». 1 часть, размышления о жизни и смерти, о любви и ненависти. 2 часть, «Млечный путь», 3 часть «Атака метеоритов», она заканчивается страшными взрывами и гибелью всего живого на земле. Симфонию запросили для исполнения в России, Италии, Франции, Голландии, Австрии, Хорватии, Финляндии.

Эстрадные песни нам не рекомендовали в консерватории писать (а я их писал всегда). И только после того, как у меня вышли нотные сборники для баяна, а мою сонату на международных конкурсах сыграли выдающиеся исполнители и победили, получив золотые и серебряные медали, после того, как они записали сонату на пластинки в начале 80-х, и все признали что Нагаев – классический ком-

позитор, я решил дать в телеэфир эстрадную песню.

– Ваша песня на стихи знаменитой целительницы Джуны «Знаю – любил» в исполнении звезды советской эстрады Ирины Понаровской стала суперхитом 80-х. А вы – лауреатами Всесоюзного телефестиваля «Песня года 1986». Вы много гастролировали по стране и за рубежом. Почему же вы вернулись в Магадан?

– Песня «Знаю – любил» стала первой в стране, на которую сняли видеоклип. В числе 5-ти лучших советских песен, «Знаю – любил» была представлена на международной музыкальной ярмарке в Каннах, во Франции, а затем телевидение Останкино обменялось с телевидением Нью-Йорка, клип «Знаю – любил» – на клип Майкла Джексона.

На самом деле я никогда не покидал города своей юности. Я просто уехал учиться. И постоянно приезжал домой. Здесь у меня два брата и сестра, мои племянники, друзья. И я никогда не терял связи с Магаданом. Как многие я только поучился в других городах, поработал. Но в какой-то момент я решил не Магадан навещать, а летать отсюда, живя и работая на Колыме. Вот уже двадцать лет я летаю в Москву и в другие страны мира, например, в 2014 году, по приглашению, я работал в Италии, членом жюри международного конкурса баянистов и аккордеонистов, в городе Ланчиано.

Чайковский как-то сказал: «Не было бы Гайдна, не было бы ни Моцарта, ни Бетховена». Перефразируя классика, можно сказать, не было бы композитора Золотарева, не было бы Нагаева. Не знаю, чего бы я добился, если бы он меня постоянно не вдохновлял и не поддерживал. Он сыграл огромную роль в моей судьбе. Как тренер у боксера. Слава Золотарев для меня и учитель, и духовный наставник, и друг. А что касается Магадана, я вернулся к корням и истокам, но продолжаю творческую работу и общения с исполнителями из разных стран мира. Здесь – я дома. Как в 16 лет я влюбился в Магадан, он дал мне путевку в жизнь, так я и продолжаю любить мой город. И я стал композитором еще и благодаря тем людям, которые встретились и помогали мне в Магадане. Меня часто приглашают работать в разные города и страны, в музыкальные колледжи, вести класс композиции. Но я не могу вырвать из сердца мой Магадан!

*Интервью подготовила и провела
Алена Посохова,*

лауреат Всероссийских фестивалей и конкурсов вокалистов в г. Москве.

Первая колымская симфония «Апокалипсис XX столетия»

Интервью с композитором Александром Нагаевым

С 6-ти лет Александр играл по слуху на гармонии, баяне и аккордеоне. В 20 лет, не зная нотной грамоты, поступил в Магаданское музыкальное училище. Его взял легендарный директор, Николай Александрович Лесной. Через 10 лет написанная Александром Соната памяти Золотарева для баяна была признана лучшей в мире (из аннотации на пластинке Юрия Сидорова).

Соната вышла на двух пластинках во Франции, на CD в Бельгии, Голландии, России. Соната и две Детские сюиты были изданы тремя сборниками в Германии в СССР и России, распространялись в 14 странах Европы. В 2019 году Александр закончил работу над Первой Колымской симфонией «Апокалипсис XX столетия».

– Александр Петрович, расскажите нам, это правда, что музыка Симфонии Вам приснилась?

– Да это правда. В 1973 году я учился во Владивостоке в институте искусств, в классе композиции Игоря Забегина, писал музыку ежедневно с 8-ми вечера, до 5-6-ти утра, спал 3 часа на стульях в аудитории, но два раза в неделю я спал по 7 часов в общежитии. Писать по ночам я научился еще в магаданском музыкальном училище у композитора Владислава Золотарева, моего первого учителя, он внушал, пестовал, постоянно хвалил, и он сам писал по ночам. Золотарев открыл мне тайны додекафонии, постоянно говорил: «Ты очень талантливый, но тебе надо больше работать, много писать, но еще больше рвать, главное – писать глубокую и человечную музыку. Но для этого нужно профильтровать через свои мозги и свои чувства, всю предшествующую музыкальную культуру, для этого нужно страшно много трудиться»... талант – это 90% труда. Он научил меня адски много работать. Постоянно. Ежедневно. Мой рекорд – 42 часа без сна. Всем, чего я достиг в мире как композитор, я обязан моему учителю и другу Владиславу Золотареву. В 1980-х годах во Франции писали: «Русский композитор Владислав Золотарев – Гений 20-го столетия».

Во Владивостоке, в одну из ночей в общежитии, мне приснился сон: я вхожу в концертный зал, обитый желтым деревом, зрители, на сцене оркестр, за баяном Слава Золотарев, дирижер – стройная молодая женщина с черными волосами в черном костюме. Ведущий говорит: «Вот и композитор пришел, можно начинать!». Я сел на свободное место, ор-

кестр и Слава заиграли, мощную музыку... И тут я проснулся, а музыка все еще гремит в голове. В 5:30 утра быстро оделся и в консерваторию, за рояль, начал записывать. Одну-две-три страницы, и вдруг вошли студенты на лекции и мне пришлось уйти... Потом я писал другие произведения.

– А как же чудесный сон с прекрасной музыкой? Когда Вы вспомнили о нем?

– В 1975 году по настоянию Владислава Золотарева я перевелся в Москву в знаменитый во всем мире институт имени Гнесиных, в класс профессора, композитора, лауреата двух Государственных премий, Николая Ивановича Пейко. В 1980 году, заканчивая институт, я вспомнил тот сон и написал 12-минутную Поэму для баяна, струнного оркестра и ударных. На моем дипломном экзамене ее исполнил Юрий Сидоров, дирижировал Игорь Громов.

– Как Ваша поэма попала во Францию?

– Французский баянист, выпускник института Гнесиных, Жан Пакале взял партитуру поэмы и исполнил ее в семи городах Франции на международном фестивале композиторов. А дирижировала Клэр Жибо. Жан прислал мне газету – рецензию на Поэму, и там фото Клэр Жибо, которое меня поразило, тем, что это была та самая девушка из моего сна.

Я подумал, сон сбывается, но тогда где же зал, обитый желтым деревом? Через год Жан исполнил мою Поэму дважды в Париже, в старинном концертном зале «Гаво», вот в нем-то и были стены, оби-

На французской пластинке: Бах, Золотарев, Мессиян, Стравинский, Нагаев. И «Баянный Оскар»

тые желтым деревом. Сон сбывлся полностью. А дирижер Жак Масс прислал мне письмо: «Дорогой мэтр Александр Нагаев, Ваша Поэма – 12-минутная очень хорошая музыка. Но вот, если бы Вы написали еще минут 5, тогда это была бы Симфония!» Я загорелся, ведь написать симфонию – это мечта любого композитора. Много лет ушло на раздумья, ведь в Поэме философские размышления о жизни и смерти, о добре и зле, о любви и ненависти, о мире и войне. Я там все сказал, а о чем же я еще могу написать во второй и третьей частях Симфонии?

– И как же Вы вышли из положения? Что вы придумали?

– Сама наша жизнь каждый день дает пишу для тревог и волнений. Что происходит с этим миром? Почему люди не понимают, что они губят планету, губят экологию, ненасытно грабят недра земли, хапают все, лишь бы обогатиться, набить карманы миллиардами, которые они с собой не унесут! Ведь Планета Земля – это живой организм, и, намутившись, она время от времени встряхивается... Поэтому и погибли предыдущие 6 цивилизаций. И эта, наша, цивилизация стремительно идет к гибели. По мнению ученых, точку невозврата она уже прошла...

– Вы написали вторую и третью части симфонии и дали название «Апокалипсис XX столетия», это что – приговор?

– Я решил, что после первой части философских размышлений и надежд вполне уместна будет Космогония. Я написал вторую часть – это «Млечный

Триумфальное исполнение Симфонии АПОКАЛИПСИС в Роттердаме. 2019г.

путь», где в бескрайних просторах вселенной, где-то там далеко от нас, миллионы и миллиарды лет сталкиваются и гибнут планеты, звезды затягиваются безвозвратно в черные дыры... Но нам, здесь, на Земле, к счастью, этого ужаса не видно, и поэтому нам ничего не страшно. А третья часть Симфонии «Атака метеоритов». (Представьте себе, что, возможно, и на нашу бедную матушку-планету). Страшная беспощадная бомбежка, и в конце ужасные взрывы и гибель цивилизации...

– **Ужас! Ваши друзья композиторы спросили Вас: «Зачем ты всех убил?»**

Я никого не убил. Музыка симфонии «Апокалипсис XX столетия» призывает всех людей планеты: «Люди! Остановитесь на минуту, задумайтесь о том, что вы творите! Ведь вы губите планету, вы уничтожаете все живое и сами ведете к гибели свою цивилизацию!!!. Опомнитесь!!!»

– **35 лет Вы работали над Симфонией. Кому Вы предложили исполнить Ваш «Апокалипсис»?**

– В 2018 году, по просьбам, я выслал партитуру Симфонии в восемь стран Европы и в пять городов России.

– **Мировая премьера «Апокалипсиса» состоялась в сентябре в Голландии в Роттердаме. Почему не в России?**

– Первым позвонил из Голландии известный в Европе баянист, Олег Лысенко, он сообщил, что записал на диск мою Сонату памяти Золотарева. Он исполнил ее в Бельгии, в Брюсселе, с большим успехом. Олег попросил исполнить мой «Апокалипсис» на юбилейном концерте известного в Европе скульптора, художника Армандо, в сентябре в Роттердаме. Я выслал Олегу партитуру Симфонии, он начал разучивать. В течение года еженедельно звонил, тербил, подстегивал

меня: «Проверьте ноты, там много ошибок, аккорды страшные, резкие, я таких еще ни разу не встречал!» Я ему написал в ответ: «Олег, это не ошибки, это аккорды стиля композитора Нагаева, я так пишу привыкайте к звучанию, дальше будет еще страшнее».

Кстати, чуть позже мне позвонил из Владивостока известный во всем мире баянист, профессор, заслуженный артист России, лауреат международных конкурсов, Александр Капитан: «Ваша симфония – замечательная, но гармония непривычная, трудновато играть, таких аккордов я еще ни у кого не встречал, но, чем больше я учу Вашу симфонию, тем больше я каждый день открываю в ней новые красоты. Привыкаю, и теперь я могу сказать Вам, что вот эти резкие непривычные аккорды, гармонии – это БРЕНД композитора Александра Нагаева. И это здорово, поздравляю Вас!»

– **Как прошла мировая премьера Апокалипсиса в Голландии, Вы сильно волновались?**

Александр Нагаев и Олег Лысенко после Мировой Премьеры «Апокалипсиса» в Роттердаме. 18.09.2019г.

– До поездки в Роттердам я волновался сильно. Олег сообщил, что в концерте еще будет симфония Шостаковича. Потом сообщил, что заменили Шостаковича на Родиона Щедрина, «Карменсюиту». Я спросил, по какой причине? Олег ответил: «Вы знаете, в этом концерте Ваша симфония это главное сочинение, и поэтому организаторы подбирают композиторов под Вас».

Я расхохотался, ладно бы меня подбери под Шостаковича и Щедрина! А тут, наоборот, под Нагаева подбирают крупнейших композиторов XX столетия. А Олег говорит: «У Щедрина пять исполнителей на ударных инструментах, напишите и Вы в симфонии для пятерых ударников». Я обрадовался, в «Апокалипсисе» у меня два ударника и их не хватает. (У меня в Симфонии 10 ударных инструментов). Четыре месяца я сочинял для пятерых ударников, писал до 20 часов в сутки. Недосып страшный. Прилетел в Голландию измученный, но зато в концерте эти пять ударников задали такого жару, особенно в «Атаке метеоритов», удар звуковой волны был такой страшной силы, слоновьи мурашки у меня по всему телу! Бедные сытые, умиротворенные голландцы были просто ошарашены, весь зал полторы минуты стоя аплодировал, не отпуская меня, громче всех с восторженными глазами хлопал стоящий рядом со мной посол Германии – Дирк Бренгельманн. Ко мне подходили слушатели с горящими глазами, жали руку и говорили: «Потрясающе! Мы такой музыки никогда не слышали!!!» А вдова Армандо обняла меня и сказала: «Более года назад я потеряла мужа, сильно страдала, была в страшной депрессии... Я понимала, чтобы выйти из нее, мне необходимо какое-то сильнейшее потрясение. Сегодня я его получила! Спасибо Вам. (Дала Олегу 100 евро, сходите с Александром в ресторан и угостите его хорошим шампанским! За его талант, и очень сильный, страстный, потрясающий «Апокалипсис» Спасибо !!!)».

Реклама концерта шла на шести европейских сайтах, еще до концерта Олегу поступили предложения исполнить мою Симфонию в Дрездене и на Кипре, в 2024 году.

– **В октябре российская премьера Вашей Симфонии состоялась во Владивостоке, где она явилась к Вам во сне.**

Об этом ведущая рассказала зрителям, что спустя годы композитор Александр Нагаев снова приехал во Владивосток, на Российскую премьеру своей Сим-

Музыка

фонии. «Апокалипсис» великолепно исполнил Тихоокеанский симфонический оркестр, дирижер – заслуженный артист РФ, профессор, Анатолий Смирнов, солист – широко известный в мире баянист, лауреат международных конкурсов, заслуженный артист Российской Федерации, Александр Капитан. Весь зал, стоя, две с половиной минуты аплодировал под непрекращающиеся возгласы «Браво!». (Почему-то громче всех кричали женщины). Поздравления, цветы, фотографии, ресторан.

– 14 декабря состоялась московская премьера Вашего «Апокалипсиса» на 31-ом международном фестивале «Баян и баянисты».

– Да, «Апокалипсис» исполнил Государственный московский камерный оркестр «Времена года», дирижер – заслуженный артист России Владислав Булахов, солист – лауреат международных конкурсов Михаил Бурлаков. Исполнили здорово, в финале «Атаки метеоритов» в кульминации поддержка пяти ударников была такой ураганной, мощной, что мне порой казалось потолок не выдержит и рухнет. Около двух минут овации зала – возгласы «Браво!».

– Вам единственному в этом году вручили высшую награду – Серебряный диск за заслуги в баянном искусстве, его давно принято называть «Баянный Оскар».

– Я был рад, я не знал, что его называют «Баянным Оскаром». Вручал мне награду профессор, знаменитый в мире баянист, Фридрих Липс, он сказал с юмором: «Недалеко от Москвы, в городе Магадане (смех в зале и аплодисменты)

Композитор А. Нагаев. Мировая Премьера Симфонии «Апокалипсис XX Столетия», Роттердам, Голландия 18.09.2019

живет и трудится известный композитор, выпускник нашей Академии музыки, единственный ученик Владислава Золотарева, его песни поют звезды российской эстрады, в том числе и Ирина Понаровская, его сонату Памяти Золотарева сыграли почти все известные баянисты мира, а вчера здесь в блистательном исполнении прозвучала московская премьера его Симфонии «Апокалипсис XX столетия». За заслуги в баянном искусстве композитор награждается Серебряным диском Фестиваля. Я приглашаю на сцену Александра Нагаева». Овации, награждение, цветы, рукопожатия... Среди многих профессоров, композиторов, студентов меня поздравили: мэры итальянского города Кастельфидардо – Роберто Асканы, президент Всемирной конфедерации аккордеонистов – Мирко

Композитор Александр Нагаев, Мирко Патарини, Президент Мировой конфедерации аккордеонистов, и Вице-Президент – Фридрих Липс

Татьяна Пакулева, председатель Владивостокского представительства Союза композиторов; Александр Нагаев; Андрей Чугунов, ректор ДВГИИ; Александр Капитан; Анатолий Смирнов, дирижер Тихоокеанского Симфонического оркестра. Владивосток, Российская Перелетная Симфония

Патарини.

Я рад, что везу в Магадан «Баянный Оскар». За 30 лет, он первый на всем Дальнем Востоке.

– 17 декабря состоялась премьера Первой Колымской Симфонии «Апокалипсис XX столетия» в Магадане в библиотеке имени Пушкина, и в конце, на огромном экране, все смотрели и слушали видеоконцерт Симфонии из Роттердама.

– Коллектив директора Валентины Борисовны Ампиловой к этому концерту издал мой буклет с краткой биографией и фотографиями концертов в Роттердаме, во Владивостоке, в Москве. В концерте я и Алена Посохова, известная и прекрасная певица, лауреат всероссийских конкурсов и фестивалей вокалистов в Москве, спели пять моих песен. Потом зрители слушали мою сонату «памяти Золотарева» и затем – видеоконцерт первой колымской симфонии «Апокалипсис XX столетия» из Голлан-

Музыка

Профессор Фридрих Липс и директор фестиваля Александр Гаттаулин вручают Александру Нагаеву Серебряный диск (БАЯННЫЙ ОСКАР)
г. Москва, XXI Международный Фестиваль «БАЯН И БАЯНИСТЫ», 2019г.

дии. Магаданские зрители вместе с Голландскими слушателями, стоя, устроили бурные овации! Я был удивлен одним неожиданным интересным фактом: после всех четырех исполнений «Апокалипсиса», ко мне подходили некоторые женщины с заплаканными, но широко открытыми глазами... в которых можно было прочесть и страх, и ужас, и восторг, благодарили судорожно обнимали меня, и я чувствовал смятение их душ и сердца.

– Впервые (купив новое оборудование) библиотека этот концерт транслировала прямо на сайт министерства культуры России, в Москву, и оттуда в интернет на весь мир...

– Да, фантастика! Мои друзья в Магадане дома включили интернет и смотрели весь концерт, попивая чаек. После кон-

церта я подарил зрителям 35 сборников моих стихов «Послание к далекой возлюбленной». В Москве на фестивале продавали настенные календари с фотографиями участников концертов, в том числе и с моей. Я календарь привез и подарил (областному – ред.) министру культуры Горлачевой Людмиле Александровне, она передала его в библиотеку Пушкина. По ее рекомендации календарь размножили и разослали по библиотекам и учреждениям культуры Магадана.

За последние 20 лет в мире было написано около 20-ти симфоний для баяна с оркестром, половина из них – «Апокалипсисы». По мнению профессоров, композиторов, баянистов, студентов «Апокалипсис XX столетия» Александра Нагаева – лучший в мире.

Алена Посохова и Александр Нагаев, г. Магадан, библиотека Пушкина, песня «Давай не будем о плохом» (муз. А.Нагаева, ст. А.Соколовского), на Премьере «Апокалипсиса». 17.12.2019г.

Цитаты-высказывания профессионалов:

«Симфония «Апокалипсис XX столетия» Александра Нагаева – лучшая симфония в современной России».

композитор Александр Михайлов (Болгария)

«Симфония Александра Нагаева – русского современного композитора – написана на мировом уровне!»

Исполнитель баянист Олег Лысенко
(Роттердама Нидерланды)

«Александр Петрович Нагаев – очень талантливый композитор с ярким современным мышлением, создает музыку от первого лица, используя накопленный арсенал выразительных средств и прибавляя исключительно свое чувство формы той системы контрастов, которая является его самой сильной стороной».

Всёволод Задерацкий, музыковед, профессор
Московской консерватории имени П.И.
Чайковского (Москва).

«Появление нового сочинения композитора А.П. Нагаева «Симфонии для баяна с оркестром» – несомненно ярчайшее событие в музыкальном мире в жанре концерта. Произведение покоряет своей новизной, размахом и художественным содержанием, раскрывает новые краски и возможности баяна».

Андрей Чугунов, ректор ДВГИИ, лауреат
международных конкурсов (Владивосток).

«Симфония А. Нагаева – ярчайшее сочинение по своему размаху, замыслу и воплощению, которое прочно войдет в репертуар баянистов России и зарубежья. Без всякого сомнения, симфония станет событием в баянном мире».

Александр Капитан, профессор ДВГИИ,
лауреат международных конкурсов,
заслуженный артист РФ (Владивосток)

«Потрясающую, космическую симфонию для баяна с оркестром написал Александр Нагаев...»

Михаил Бурлаков, педагог РАМ им. Гнесиных,
лауреат Всероссийских и международных
конкурсов (Москва).

«Необычную космическую атмосферу симфонии А. Нагаева почувствовали и все музыканты оркестра, и зрители на Всероссийской премьере во Владивостоке, которая вызвала большой резонанс в музыкальной жизни города. Симфония написана современным музыкальным языком, в котором видна рука мастера».

Анатолий Смирнов, профессор ДВГИИ,
заслуженный артист РФ, главный дирижер
Тихоокеанского симфонического оркестра
(Владивосток).

«Я хорошо знаю всю музыку Александра Нагаева, но я не могу представить себе, как ему в далеком Магадане удалось написать такую философскую, грандиозную, ураганную Симфонию. Мне кажется, что эта музыка спустилась к нему с небес».

Владимир Пожидаев, композитор, Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств, Заслуженный деятель искусств Российской Федерации. (Москва)

Весь мир 40 лет играет ваши сюиты и гениальную сонату «памяти Золотарева», сейчас появилась грандиозная симфония «Апокалипсис» – поздравляю! Мы исполним её в Америке!

Лауреат международного конкурса,
Александр Шпак. Нью-Йорк.

Интервью подготовила и провела
Алена Посохова, лауреат
Всероссийских фестивалей и
конкурсов вокалистов в г. Москве.

Александр Нагаев

Триумф и трагедия Владислава Золотарева

Всемирно известный композитор из Магадана, Владислав Андреевич Золотарев, родился 13 сентября 1942 года в бухте Де-Кастри Хабаровского края. Из жизни ушел 13 мая 1975 года. Ему тогда не исполнилось и тридцати трех лет.

Магаданское музыкальное училище по классу баяна он окончил в 1968 году у известного, легендарного педагога, который обладал даром открывать новые имена, директора училища, Николая Александровича Лесного.

Музыку Золотарев сочинял в разных жанрах: Концерт для виолончели с оркестром, гротескная двухчасовая Оратория «Памятник революции» – для оратора, солистов, четырех хоров; два Струнных квартета, музыка для фортепиано, романсы, песни, музыка к телеспектаклям. Но больше всего он писал для баяна: три Сонаты, две Партиты, Концерт-симфония, Концерт для электронного баяна с оркестром, 6 Детских сюит, Испанская рапсодия, Концертная симфония № 2, Камерная сюита, 6 пьес («Настроения по Блоку»).

Именно баянные сочинения принесли ему мировую славу. Сонаты и Партиты вошли в репертуар международных конкурсов и наряду с Детскими сюитами были изданы в Москве, Германии и записаны на пластинках (но это произошло, когда его не стало). В 1968 – 1969 годах Золотарев консультировался по композиции у Родиона Щедрина. В 1971 – 1972 гг. учился в Московской консерватории, у Тихона Николаевича Хренникова.

Каким я его знал

В 1967 году я поступил в Магаданское музыкальное училище. Однажды разговаривал со старшекурсником, и он сказал «Видишь, у телефона стоит парень? Это – наш композитор». Я запомнил эту фигуру в черном костюме и черном свитере, а потом частенько встречал Золотарева в столовой во время завтрака, наблюдал за ним в оркестре народных инструментов, где его многогтембровый баян (большая редкость в те годы) звучал, заменяя половину оркестра. Он всегда был один, а в руках обычно – учебник теории музыки или гармонии. Он читал всюду: за едой, стоя в коридоре, и этим как бы отгораживался от общения с людьми. Впрочем, все понимали его состояние и не мешали, не отвлекали. Чувствовалась атмосфера всеобщего уважения к этому человеку.

По ночам, до утра он сочинял музыку, играл ее на баяне или фортепиано. И хотя после 23 часов это было запрещено (на двух этажах было общежитие для учащихся и педагогов с семьями – слышимость была хорошая), ему одному не запрещали играть до утра.

Глядя на его невероятную работоспособность, я тоже начал сочинять по ночам (ведь днем – учеба, вечером работа, стипендия была 20 рублей, а кушать-то хочется). Наши

классы находились рядом. И однажды, в 23 часа ночи, он зашел ко мне – поинтересоваться, что это я делаю, и почему не сплю. Я давно мечтал показать композитору свои сочинения. И вот представилась такая возможность. Прослушав три мои фортепианные пьесы, композитор удовлетворенно улыбнулся и сказал вдруг: «Какие хорошие пьесы получились у Вас! Они настолько удачны, что хоть сейчас неси их в издательство!» Эти слова очень сильно поддержали и вдохновили меня. С этой ночи мы уже часто общались. Владислав давал мне композиторские советы и постоянно говорил: «Саша, тебе надо писать музыку, ты очень талантлив, работай всегда и везде, думай о музыке, она никогда не предаст».

В эти годы Золотарев давал авторские концерты в училище, во Дворце профсоюзов, на стадионе, блистательно исполняя свои сочинения. Эти выступления имели громадный успех. Эмоциональное воздействие его музыки на слушателей было столь сильным, что зал взрывался овациями.

Мы все понимали, что Золотарев – невероятно одаренный композитор. Но в силу своей провинциальности и того, что в Магадане его сравнить было не с кем, грандиозность и масштабность его таланта оценить не могли.

И вот в 1968 году в Магадан приехал баянист, лауреат международного конкурса Эдуард Митченко. В музыкальном училище он дал концерт. Его игра была великолепна. А в конце выступления на сцену из зала вышел Золотарев: «Разрешите Ваш баян?». Получив согласие, он сказал: «Я исполню для вас несколько своих сочинений». И начал играть. Сначала Партиту, затем Детскую сюиту и Токкату. Все это время, словно оцепеневший, лауреат стоял рядом на сцене, не шелохнувшись, внимательно слушая музыку.

Когда Золотарев закончил, Эдуард Митченко медленно заговорил: «Я удивлен и очень рад тому, что познакомился с таким талантливым композитором, как Владислав Золотарев. Не ожидал, что здесь, в Магадане, на краю земли, я пополню свой концертный репертуар». А вскоре в фирме «Мелодия» вышла пластинка Э. Митченко с записью Партиты В. Золотарева.

В 1968 году, после окончания музыкального училища, Владислав попросился у директора Н.А. Лесного отправить его на работу в самый глухой и отдаленный уголок области, чтобы там ничто не отвлекало его от сочинения музыки. Так он оказался на Чукотке в Детской Музыкальной Школе поселка Провидения. Там он давал сольные концерты из своих сочинений. Как мне говорила по-

том директор школы Ирина: «Мы все были поражены его музыкой, его талантом. Мы поняли, что композитор Золотарёв, это ТИТАН, а мы по сравнению с ним – черви». А вскоре Владислав с Ириной поженились и уехали в Москву.

В лесу, у поля Бородинского

Еще в 1968 – 1969 гг., будучи в Магадане, Владислав консультировался по композиции у Родиона Щедрина.

Приехав в Москву, Золотарев играет свои сочинения Араму Хачатуряну, Николаю Пейко и другим. Полтора часа слушал его музыку Дмитрий Шостакович, после чего всплеснул руками и сказал: «О, милый друг, я не знал, что в такой коробке (*баяне – А.Н.*) таится такое сокровище. Ведь у тебя звучит целый симфонический оркестр!».

По рекомендации Родиона Щедрина ректор Московской консерватории Александр Свешников в октябре 1971 года зачисляет Золотарева без экзаменов в класс композиции Тихона Хренникова. Щедрин попросил Свешникова дать Золотареву, как очень одаренному композитору, стипендию. На что Свешников ответил: «Я и так его без экзаменов зачислил в консерваторию, если я еще дам ему стипендию, то лишусь своего кресла».

В это время у Золотарева в семье появился второй ребенок. Стипендию не дали, денег на жизнь катастрофически не хватало. Его жена Ирина преподавала в ДМШ виолончель, получая 75р. в месяц. Владислав пытался работать в музыкальных школах Москвы, но поскольку днями и ночами сочинял музыку, то пропускал уроки, поэтому ему приходилось отовсюду увольняться. Каждые полгода я приезжал из Владивостока в Москву, приходил к моему учителю показать свои новые сочинения. Угощение на столе было всегда одинаковое – тарелка горохового супа и чай. Бедствовали они страшно. Зная это, я всегда приносил цветы Ирине, торт к чаю, и бутылочку любимого Славой сухого

вина, «Старый замок».

В 1973 году я получил во Владивостоке письмо от Золотарева, в котором он писал о том, что ушел из консерватории... «Прочь, прочь из этого сверкающего инкубатора, где все пианисты играют одно и то же, где все композиторы вымучивают из себя сонаты, и это – после Моцарта и Бетховена! Но ты, Саша, на меня не смотри, как бы ни было тяжело, ты должен закончить консерваторию и получить диплом композитора. Тебе это необходимо, ведь без диплома в Союз композиторов не принимают, так что ты учись».

В 1974 году я приехал в Москву и снова пришел к Золотареву, как всегда, с цветами, тортом и любимым Славой вином «Старый замок». После приветственных объятий Владислав спросил: «Саша, что ты на этот раз привез?» Я достал партитуру пятичастной Сюиты для квартета деревянных духовых инструментов. Ирина ушла на кухню разогревать супчик, а мы сели к инструменту и начали играть. Буквально после 2-й части Слава не удержался и громко закричал: «Ирина! Ирина! Иди посмотри, что Саша написал, как здорово у него это все получилось!» Доиграв до конца сюиту, взволнованно заговорил: «Саша, ты понимаешь, что такие квартеты в Московской консерватории обычно пишут на IV и V курсах, а ты во Владивостоке написал ТАКОЙ квартет на 1-м курсе. Все! Хватит тебе сидеть во Владивостоке, немедленно переводись в Москву, но не в консерваторию, оттуда уже все ушли – и Шостакович, и Хачатурян, и Щедрин. Там сейчас не у кого учиться. А в институте Гнесиных есть профессор Пейко, вот у него тебе надо учиться. Так что готовься к экзаменам и переводись».

Потом Слава показал мне несколько недавно написанных им в народном стиле песен на стихи немецких поэтов-классиков. Сильно смущаясь он сказал: «Саша ты не обращай внимания, петь я не умею, поэтому пою козлетонским голосом». И все таки спел.

Через некоторое время, глубокой

осенью, я снова позвонил Золотареву. Ирина сказала, что он сейчас живет и пишет за городом, в лесу, в районе Бородинского поля, на даче баяниста Галкина. Она объяснила, как туда доехать и найти его дачу, передала кофе, табак, гречку, пшено, хлеб, и я поехал. От электрички шел километра полтора до поля, моросил холодный осенний дождь. Пройдя мокрое глинистое поле, я вошел в лес, везде вода была по щиколотку. Уже стемнело, а дач нигде не видно. Я стал выбирать дерево, на котором мог бы переночевать. И вдруг между деревьями, вдали, я увидел светящийся маленький огонек. Боясь потерять его из виду, я с волнением шел через лес на него. Дачный сторож сказал, что здесь сейчас никого нет, но, правда, на одной даче кто-то живет. На мой стук отозвался знакомый голос. Вышел Слава в беличьем драпом полушубке и в валенках: «Саша, ты один приехал, а где Ирина?» – «Да, я один». – «Не может быть! Как ты ночью нашел, я сам тут днем плутал? Ну что ж, заходи давай будем пить чай».

Потом он мне играл на баяне очень красивую, возвышенную музыку, свою увертюру к опере «Дионисий» и говорил: «У меня есть замысел написать 6 опер о древнерусских живописцах: Андрее Рублеве, Дионисии, Феофане Греке и других. теперь это смысл моей жизни». Затем мы слушали пластинку с третьей симфонией Чайковского. Слава сказал: «Это моя самая любимая симфония, чистая музыка, без надрыва».

На другой день он купался в холодном осеннем пруду. Я дрожал на ветру, а он с улыбкой говорил мне: «Иди в дом, а то замерзнешь». Днем мы собирали в лесу упавшие деревья для отопления дома. Если я с трудом тащил одно дерево, он нес два. Здоров и крепок телом был, под рукой – всегда гантели и эспандер. Я спросил: «Как же ты зимой здесь живешь?» – «Засыпаю снегом фундамент, заливаю водой, образуется ледяная корка, чтобы снизу ветер не продувал. Заказать машину дров дорого (25 рублей!), да в лесу много поваленных деревьев – собираю и топлю». Два часа я пилил тупой

Музыка

пилой дрова, чтобы оставить ему хоть небольшой запас. Пытались согреться, топили печь, и все равно, я спал на втором этаже, как на улице.

В это время имя композитора Золотарева уже было широко известно во многих странах мира. На всех международных конкурсах баянистов исполнялись его произведения. Но денег ему за это не платили, потому что играли в рукописях.

Возможно, его беда была в том, что в Магадане, еще в 1967 году, он собирал стихи поэтов, которые сидели на Колыме как инакомыслящие, за эти стихи он тогда попал в ряд неблагонадежных, как в свое время Галич и многие другие. Может, из-за этого все вокруг него и рушилось? Его признанные во всем мире сочинения в России не издавались. Исполнители и слушатели восторгались ими, боготворили, но денег, гонораров от ВААП он не получал. Семья была на грани голода. Естественно, начались домашние разборки, ссоры, конфликты...

Ирина, его жена, мне рассказывала: «Саша, ему звонят наши знаменитые дирижеры, музыканты, просят его позволения исполнить его сочинения в концертах. Родион Щедрин приезжает к нам. Они со Славой садятся за фортепиано и друг другу играют свои сочинения, обсуждают достоинства и недостатки друг друга, спорят, а потом я их кормлю супчиком. ТАКИЕ люди с ним общаются! Я просто поражена. Но ведь он не зарабатывает денег на семью, он круглосуточно пишет свою музыку и поэтому не может нигде долго работать, пропускает занятия, а потом увольняется...» По-человечески мне ее было жаль, но я ничего не мог в их жизни изменить...

Посмертный концерт

По совету моего учителя и наставника Владислава Золотарева в 1975 году я решил перевестись из Владивостока на учебу в Москву знаменитый институт имени Гнесиных. Выдержал жесткий экзамен и был принят в класс композитора, профессора, лауреата государственных

премий Николая Ивановича Пейко.

11 мая я позвонил Золотареву, чтобы поделиться своей радостью, взяла трубку Ирина: «Саша, Слава сейчас в Союзе композиторов. Его в очередной раз должны принимать в Союз. Если хочешь его увидеть, — езжай туда». У меня с собой, как всегда, был один рубль. Я вернулся домой, в Наро-Фоминск. Я позвонил Славе 13 мая, трубку никто не взял. Потом я звонил каждый день — молчание. Приехав в институт, я услышал, что композитора Золотарева не стало — слухи ходили об инфаркте. Я знал, что сердце Славу не раз беспокоило.

Я вначале в это не поверил, ведь он же говорил, что 6 опер о древнерусских живописцах — это смысл его жизни. Ведь он столько еще хотел написать... Я встретил Фридриха Липса, который блистательно играл сочинения Золотарева, и спросил: «Фридрих, я сейчас приехал из Владивостока, у меня здесь никого, может, Вы мне сможете ответить — это правда?». Липс как-то дернулся, отвернулся к окну, на глазах выступили слезы, и он сказал: «Да я и сам не могу в это верить». И вот тут я понял, что Золотарева больше нет. Нет моего друга, нет моего единственного учителя, моего музыкального наставника. Не хотелось в это верить. Но рядом стоял лучший исполнитель его сочинений, а также его лучший друг со слезами на глазах...

Потом стало известно, что Золотарева второй раз не приняли в Союз композиторов. В результате нервный срыв, затем конфликт в семье — все это привело к трагической развязке.

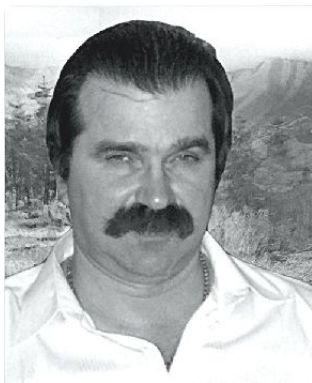
Вскоре после гибели Золотарева должен был состояться концерт из произведений композитора. Липсу запретили его играть. Он обратился за помощью к председателю Союза композиторов России Родиону Щедрину, который начал звонить в разные инстанции, но ему говорили: «Нельзя, ведь Золотарев повесился». Щедрин кричал по телефону: «Ну и что, что повесился?! Золотарев — талантливый композитор, его музыку надо исполнять. А как же Есенин, Маяковский, что, их тоже надо запретить?»

И первый концерт из произведений Золотарева был дан в огромном (на 1200 мест) зале института им. Гнесиных. В блистательном исполнении Фридриха Липса прозвучали самые крупные и сложные произведения Владислава Золотарева: Испанская рапсодия, 2-я и 3-я Сонаты, Партита, Детские сюиты, любимая во всем мире прелюдия «Ферапонтов монастырь». Размышления у фресок Дионисия» (возможно, под впечатлением этой музыки Золотарева через 8 лет и Родион Щедрин написал «Фрески Дионисия» для камерного оркестра. Таково бывает влияние гениальной музыки). Как жаль, что самого композитора не было на этом, поистине триумфальном, концерте! А мы, слушатели, поняли, что Россия потеряла одного из самых лучших своих композиторов. Говорят, что незаменимых людей не бывает. Неправда — еще как бывает. Общественный резонанс от этого концерта был огромный. Вскоре пошли слухи о том, что тогдашнее руководство Союза композиторов, испугавшись общественного осуждения, задним числом приняло Владислава Золотарева в Союз.

В Магадане в 90-х годах прошли два Дальневосточных конкурса, а во Владивостоке — Международный конкурс имени Золотарева.

И теперь, когда московское училище им. Октябрьской революции переименовано в музыкальный институт им. Шнитке, а имена Денисова и Липса присвоены музыкальным заведениям, где они учились, всемирное признание нашего композитора дает все основания для того, чтобы Магаданский колледж искусств носил имя своего гениального выпускника, композитора Владислава Золотарева, так же, как и улица Якутская, на которой колледж находится. Необходимо открыть в училище класс-музей композитора, в котором он сам занимался и сочинял музыку. Во многих странах таких выдающихся людей называют «ДОСТОЯНИЕ НАЦИИ».

Думается, что все это самым лучшим образом отразится на развитии и творческом росте молодежи, рождении новых талантливых музыкантов и мир не раз еще услышит о Магадане.

Учредитель:
Сергей Малашко

Founder:
Sergey Malashko

Особая благодарность за помощь в подготовке номера Петру Цветкову

Special Thanks:
Petr Cvetkov

Учредитель:
Сергей Пашков

Founder:
Sergey Pashkov

Главный редактор выпуска, вёрстка:
Юлия Рудомазина

Editor-in-chief, layout:
Yulia Rudomazina

В номере напечатаны произведения Майи Шварцман, Марка Луцкого и Сергея Киреева. Разрешение на публикацию данных материалов было предоставлено медиа-группе «Интеллигент» авторами прижизненно.

Картины Владимира Мягкова

На обложке: «Далёкий Магадан» (фрагмент), Триптих. 2 x 122x44,5см +122x104,5см. Двп,смешанная техника, 2019г.

На задней стороне обложки: «Город на берегу», 43x85см, двп, смешанная техника, 2001-2002гг.; «Золотой город», 62x122см, ДВП, смешанная техника, 2017г.; «Город и его тень», 80x122 см. Двп,смешанная техника, 2019г.

На цветной вкладке: Серия «Встречь Солнцу», 100x55см, Двп, смешанная техника, 2019-2020гг.

«Интеллигент-Магадан. Избранное».

Учредители: Сергей Пашков, Сергей Малашко.

Главный редактор выпуска: Юлия Рудомазина.

Зам. главного редактора: Вячеслав Барыбов.

Технический редактор: Сергей Пашков.

Редакционный совет: Светлана Савицкая (Россия), Наталья Крофтс (Австралия), Наталья Гордеева (США), Анна Русских (Россия).

Художественный редактор: Екатерина Асмус.

Художественное оформление: Заслуженный художник России Владимир Мягков.

Вёрстка: Юлия Рудомазина.

E-mail: provint.pashckov@yandex.ru. web@intelligent-press.ru redactor@intelligent-press.ru

Сайт: www.intelligent-press.ru.

Медийная группа «Интеллигент» © 2020
Media Group «Intelligent» © 2020

